

КУЛЬТУРА МИРА

Том 13. Выпуск 2.

(№ 45)

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.

Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.

Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 номеров в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60х90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 16,875

Москва 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор. Эксперт международных ассоциаций. Член Экспертной группы Совета при Президенте Российской Федерации.

Члены редколлегии

Зорин В.Ю. - доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Михайлова Н.В. - профессор кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, доктор политических наук.

Бирюков С.В. - доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова - доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Айлана Калиновна Кужугает - доктор культурологии, заведующая сектором культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета, заслуженный работник образования Республики Тыва.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Санжеева Л.В. - доктор культурологии, доцент, профессор кафедры этнокультурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Савельев В.В. - заслуженный работник культуры Российской Федерации. Доктор философских наук.

Болотских Е.Г. - почетный член Российской Академии Художеств, Заслуженный художник Российской Федерации, Член Российского Союза Художников, Московского Союза Художников, Творческого Союза Художников России, Международного Художественного Фонда, Профессор Кафедры дизайна РГСАИ. Российская государственная специализированная академия искусств.

Кузнецова Т.Ф. - доктор философских наук. Профессор МГУ. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Грэм Стоуэрс - политолог, эксперт. Великобритания.

Омар Годинес Лансо - Академик. Академия художеств Российской Федерации.

Себастьян Хоппе - научный сотрудник, Институт восточноевропейских исследований, факультет политики, международных отношений. Свободный университет Берлина.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ивакин Г.А. - доктор исторических наук, профессор.

Ли Эрюн - кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Мануйлов Николай - вице-президент Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы с Кубой».

Мурашко С.Ф. - Профессор, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Наумова Г.Р. - доктор исторических наук. Профессор МГУ, член Академии «Философия хозяйства». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Никашина Н.В. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории и практики перевода Российского университета дружбы народов, эксперт, руководитель международной редакции журнала «Миссия Конфессий».

Пейчева А.А. - эксперт по международным отношениям и политической коммуникации (Болгария).

Терновая Л.О. - доктор исторических наук. Профессор МАДИ. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Хонали Курбонзода - доктор исторических наук. Профессор, ректор Государственного учреждения «Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования», Таджикистан. Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования.

Чапкин С.В. - заместитель главного редактора, почетный профессор Академии экологии и права.

Чжан Вэй - политолог, эксперт КНР.

Чжан Сяолин - доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русского языка Института языков и культуры, Шанхайский политико-юридический университет.

Щупленков Н.О. - it-специалист-программист. Эксперт фонда поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений.

CULTURAL WORLD

Volume 13. Issue 2.

(№ 45)

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

Moscow 2025

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor. Member of the Expert Group of the Cossacks Council under the President of the Russian Federation.

Editorial Board

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Mikhailova N.V., Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Political Science.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gülzar İbrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Aylana Kalinovna Kuzhuget, Doctor of Cultural Studies, Head of the Cultural Studies Sector of the Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Professor of the Philosophy Department of Tuva State University, Honored Educator of the Republic of Tuva.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Sanzheeva L.V., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Ethnosculturology of the Russian State Pedagogical Herzen University.

Saveliev V.V., Honored Worker of Culture of the Russian Federation. Doctor of philosophical science.

Bolotskih E.G., Honored Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Artists, the Moscow Union of Artists, the Creative Union of Artists of Russia, the International Art Foundation, Professor of the Design Department of the Russian State University of Art and Design.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University.

Graeme Stowers, Political expert (United Kingdom).

Omar Godinez Lanso, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Sebastian Hoppe, Research Associate, Institute for East European Studies, Department of Politics, International Relations. Freie Universität Berlin.

Chapkin S.V., Deputy Chief Editor, Honorary Professor of the Academy of Ecology and Law.

Chjan Vei, Political scientist, expert of China.

Dolgenko A.N., Doctor of philological sciences. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences. Professor, Rector of the "National Institute of professional development and training of educators", Tajikistan.

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Professor.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics(Nanchang, Jiangxi), China.

Manuylov Nikolay, Vice President of the Interregional Public Organization "Friendship Society with Cuba".

Murashko S.F., Professor. Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Naumova G.R., Doctor of historical sciences. Professor of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Academy «Philosophy of Economy».

Nikashina N.V., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, the Institute of Foreign Languages, The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).

Peichiva A.A., Expert on international relations and political communication (Bulgaria).

Schuplenkov N.O., it-specialist-programmer. Expert of the Foundation for the Support of Interethnic Culture and Public International Relations.

Ternovaya L.O., Doctor of historical Sciences. Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Zhang Xiaoling, Doctor of Humanities, Associate Professor of the Russian Language Department, Institute of Languages and Cultures, Shanghai University of Political Science and Law.

Содержание

Культурология

Яо Сыцунхуэй, Будкеев С.М. Орнаментальный декор фасадов и художественная роспись дворцовых ансамблей эпох Мин И Цин.....	14
Напсо М.Д., Агирбов Т.А. Мода как социокультурный тренд современности.....	23
Новикова-Бородина С.В. Музыкальное произведение как олицетворение образа, воплощающего эстетический идеал в контекстах понятий творчество, неприкосновенность, текст (на примере современных филармонических концертных программ для детей).....	31
Саипунайцайэр Долайти Уйгурский перевод терминов китайской медицины в романе «Сон в красном тереме»: культурная коннотация и стратегия точности перевода как перспектива.....	42
Ткачук И.Б. Феномен культуры преодоления: система индивидуальных ценностей в стратегиях личностного роста...	52
Гриценко Р.А. От Пушкина до цифровых фестивалей: история трансформации русского культурного влияния в Южной Корее.....	63
Докучаева М.Н. Диалектика коммуникативной природы джаза.....	82
Киреев М.Н., Енина С.А., Аникеев Д.В. Особенности формирования личностной идентичности в досуговой деятельности.....	93

Мирошниченко Е.В., Калашиникова Н.Н., Сыровацкий Е.Ю. Развитие творческой активности молодежи посредством волонтерской деятельности.....	100
Шиндель С.В., Семёнова Т.В., Зражевская Е.О. Язык как «дом бытия» и «философия» почвы: рецепция немецких мыслителей этнической лингвокультуры.....	108
Юань Чжэньцзюнь Влияние европейских традиций на развитие системы академического пения в Китае.....	118
Ферзба Г.О. Синергия академического и эстрадного вокального искусства на примере развития Classical crossover...	125
Пэн Лимин Отражение взаимосвязи понятий повседневность в живописи китайских художников.....	136
Гу Цзяюань, Метляева Т.В. Образ России в творчестве китайских художников: диалог культур.....	145

Политология

Напсо М.Д., Агирбов Т.А. Мода как социокультурный тренд современности.....	161
Новиков Д.В., Ултургашева Н.Д. Этническая информация и этнокультурные стереотипы в региональной прессе Кузбасса (период «возрождения» автохтонных этносов, 1990 г. - 2004 г.).....	169
Ван Нин Международные отношения и мировая политика в условиях цифровизации общества.....	186

Актуальные вопросы науки и инновации

<i>Калмыкова М.В.</i> Кулинарная самобытность Северо-Восточной Италии: от традиций к особенностям.....	196
<i>Ещенко Т.В.</i> Исследование и анализ методов педагогического дизайна.....	204
<i>Ли Юйчжэнь</i> Связь жизненных ориентаций с индивидуальными особенностями по-знавательной сферы (на примере китайской выборки).....	110
<i>Чжан Юймэн</i> Актуальные вопросы применения политики «мягкой силы» в сфере кинематографа на примере России и Китая.....	222
<i>Ян Сяофэй</i> Роль цифровой дипломатии в международных отношениях.....	233
<i>Пайзулаева Б.А.</i> Управление процессом формирования профессиональных компетенций в практико-ориентированной образовательной среде.....	241
Аннотации	249
Авторы	267

Contents

Culturology

<i>Yao Siconghui, Budkeev S.M.</i> Ornamental decor of facades and artistic painting of palace ensembles of the Min and Qing periods.....	14
<i>Napso M.D., Agirbov T.A.</i> Fashion as a socio-cultural trend of our time.....	23
<i>Nowikowa-Borodina S.V.</i> A musical work as a personification of an image embodying an aesthetic ideal in the contexts of creativity, integrity, text (Using the example of modern philharmonic concert programs for children).....	31
<i>Sayipunaizaier Duolaiti</i> Study on the Uyghur translation of Chinese medicine terms in dream of red mansions: - cultural connotation and precision strategy as a perspective.....	42
<i>Tkachuk I.B.</i> Culture of overcoming as a specificity of adaptive personality behavior: sociocultural factors of influence.....	52
<i>Gritsenko R.A.</i> From Pushkin to digital festivals: the history of the transformation of Russian cultural influence in South Korea...	63
<i>Dokuchaeva M.N.</i> The communicative nature of jazz.....	82
<i>Kireev M.N., Enina S.A., Anikeev D.V.</i> Features of formation of personal identity in leisure activities.....	93
<i>Miroshnichenko E.V., Kalashnikova N.N., Syrovatsky E.Y.</i> Development of creative activity of youth through volunteer activities.....	100

Shindel S.V., Semenova T.V., Zrazhevskaya E.O. Language as “house of being” and “philosophy” of soil: German thinkers on the reception of ethnic linguoculture.....	108
Yuan Zhenjun The influence of European traditions on the development of academic singing in China.....	118
Ferzba G.O. Synergy of academic and pop vocal art on the example of the development of Classical crossover.....	125
Peng Liming Reflection of the relationship between the concepts of everyday life and in the paintings of Chinese artists.....	136
Gu Jiayuan, Metlyaeva T.V. The image of Russia in the works of Chinese artists. Dialogue of cultures.....	145

Political science

Napso M.D., Agirbov T.A. Fashion as a socio-cultural trend of our time.....	161
Novikov D.V., Ulturgasheva N.D. Ethnic information and ethnocultural stereotypes in the regional press of Kuzbass (the period of “revival” of autochthonous ethnic groups, 1990 - 2004)...	169
Wang Ning International relations and world politics in the conditions of digitalization of society.....	186

Current issues of science and innovation

<i>Kalmykova M.V.</i> The culinary identity of Northeastern Italy: from traditions to distinctive features.....	196
<i>Eshchenko T.V.</i> Research and analysis of pedagogical design methods.....	204
<i>Li Yuzhen</i> The relationship of life orientations with individual characteristics of the cognitive sphere (using the example of a Chinese sample).....	210
<i>Zhang Yumeng</i> Current issues of applying the policy of “soft power” in the field of cinematography using the example of Russia and China.....	222
<i>Yang Xiaofei</i> The role of digital diplomacy in international relations.....	233
<i>Payzulayeva B.A.</i> Managing the process of professional competence formation in a practice-oriented educational environment.....	241
Abstracts	258
Authors	269

Culturology

Культурология

Яо Сыцунхуэй

Аспирант. Алтайский государственный университет.

Будкеев С.М.

Профессор кафедры искусств. Алтайский государственный университет.

Орнаментальный декор фасадов и художественная роспись дворцовых ансамблей эпох Мин И Цин*

Аннотация. В настоящей научной работе автор кратко анализирует особенности орнаментального декора фасадов и художественной росписи дворцовых ансамблей эпох Мин и Цин. В статье рассматривается несколько конкретных примеров известных исторических и культурных памятников Китая, сохранивших свою самобытность и уникальность. Далее автор анализирует орнаментальную и декоративную часть, выделяет их характерные особенности. В заключении статьи автор отмечает, что данная тема продолжает оставаться актуальной и для современных исследователей – историков, культурологов, искусствоведов. **Объектом данного исследования** являются особенности орнаментального декора фасадов и художественной росписи дворцовых ансамблей эпох Мин и Цин. **Целью данного исследования** является комплексный, последовательный анализ особенностей орнаментального декора фасадов и художественной росписи дворцовых ансамблей эпох Мин и Цин. **Методы данного исследования:** сравнительный анализ, диалектический, статистический, математический, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. **Научная новизна данного исследования** заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей орнаментального декора фасадов и художественной росписи дворцовых ансамблей эпох Мин и Цин. Данная научная статья будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу экономических и иных направлений подготовки, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами и перспективами развития орнаментального декора фасадов и художественной росписи дворцовых ансамблей эпох Мин и Цин, китайской культурой в целом.

Ключевые слова: орнаментальный декор, орнамент, художественная роспись, искусство Китая, династия Мин, династия Цин, декоративное искусство, история Китая.

Yao Siconghui

Graduate Student of the Altai State University Barnaul.

Budkeev S.M.

Professor of the Department of Arts of the Altai State University Barnaul.

* © Яо Сыцунхуэй, Будкеев С.М., 2025.

Орнаментальный декор фасадов и художественная роспись дворцовых ансамблей эпох Мин И Цин

Ornamental decor of facades and artistic painting of palace ensembles of the Min and Qing periods

Abstract. In this scientific work, the author briefly analyzes the features of the ornamental decoration of facades and artistic painting of palace ensembles of the Ming and Qing eras. The article considers several specific examples of famous historical and cultural monuments of China that have preserved their originality and uniqueness. Then the author analyzes the ornamental and decorative part, highlights their characteristic features. In conclusion of the article, the author notes that this topic continues to be relevant for modern researchers - historians, cultural scientists, art historians. The object of this scientific study is the features of the ornamental decoration of facades and artistic painting of palace ensembles of the Ming and Qing eras. The purpose of this scientific study is a comprehensive, consistent analysis of the features of the ornamental decoration of facades and artistic painting of palace ensembles of the Ming and Qing eras. The methods of this scientific research: comparative analysis, dialectical, statistical, mathematical, generalization, specification, systematization, deduction, and other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of this scientific research lies in the preparation of a comprehensive study, the formation of the author's conclusions regarding the features of the ornamental decoration of facades and artistic painting of palace ensembles of the Ming and Qing eras. This scientific article will be useful to theorists, practitioners, students and faculty of economic and other areas of training, as well as a wide range of readers interested in the problems and prospects for the development of ornamental decoration of facades and artistic painting of palace ensembles of the Ming and Qing eras, Chinese culture in general.

Key words: ornamental decor, ornament, artistic painting, art of China, Ming Dynasty, Qing Dynasty, decorative art, history of China.

Китайская культура в самых разных своих выражениях принадлежит к древнейшим мировым цивилизациям. Это налагает особую роль на ее современное состояние, поскольку фактически китайская культура выступает богатой на исторические отсылки, отличается уникальными особенностями, способна одновременно сочетать актуальность и современность, и первообщинность, самобытность. Поэтому можно уверенно говорить о том, что китайские художники, архитекторы, скульпторы и другие представители творческих профессий привнесли в общую мировую культуру богатое наследие, уникальные памятники и художественные ценности [3; 7].

В настоящей статье особое внимание будет уделяться эпохам правления династиям Мин и Цин, орнаментальному декору фасадов и художественной росписи.

Особенности памятников искусства того периода можно наблюдать на примере Храма Неба – храмово-монастырского комплекса, расположенного в одном из районов Пекина. Его строительство относится к эпохе Мин (рисунок 1).

На территории комплекса находятся несколько монументальных сооружений, и все они в той или иной степени посвящены Небу и Земле. Собственно, это объясняет особый подбор цветов, в которые окрашены

Рисунок 1. Провинция Хэбэй. Пекин. Храм Неба: - панорама.

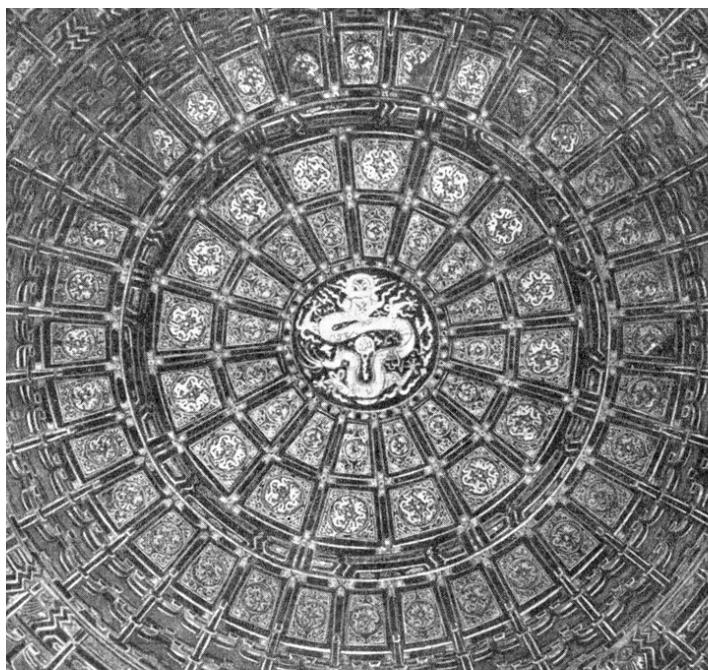

Рисунок 2. Провинция Хэбэй. Пекин. Храм Неба. Зал Дасыдянь (Циняньдянь). Мраморный пандус и купол.

крыши сооружений: верхний - синий, следующий - желтый, нижний - зеленый. Отсылки к особой тематике можно наблюдать и в декоративном оформлении. Обширная территория, на которой расположен ансамбль храма, обнесена двумя рядами глухих стен, окрашенных в красный цвет, и образует в плане квадрат, символизирующий Землю. Круглые здания беломраморного резного алтаря и храмов, увенчанных синими коническими крышами, символизируют Небо (круг - знак солнца или Неба). Такое сочетание квадрата и круга обозначает союз неба и земли. Бесперывно варьируясь и повторяясь, эти знаки круга и квадрата вместе с остроконечными синими вершинами конических крыш - символами Неба - как бы напоминают о непрерывном круговороте стихий [4; 9].

Как видно на представленном изображении, с одной стороны, качественно новое искусство феодальной эпохи, одновременно имело тесную связь с историей - например, это можно наблюдать по стилистической общности. Благо, в отличие от многих других государств, Китай не акцентировал внимание на глобальном отказе от прошлого при переходе в настоящее и будущее, поэтому историческое наследие, характерные черты прошедшей эпохи можно наблюдать в самых разных выражениях.

Рассмотрим еще один пример - это представленный на рисунке 2 мраморный пандус и купол того самого Храма Неба. Такой потолок и сегодня можно наблюдать в Зале Дасыдянь (Циняньдянь), это один из уникальных элементов росписи всего Храма целиком, объект национального культурного наследия (рисунок 2).

Итак, можно наблюдать, как мраморный пандус Зала направлен к центральной части храма, где располагается медитирующий Будда - его статуя, выполненная в бронзе. Исполнение мраморного пандуса достаточно традиционное, мы можем увидеть среди изображений традиционные китайские формы. Что касается купола храма, то здесь характерной особенностью будут выступать украшения в виде изысканной резьбы, основой которых являются сцены из буддийских мифов и исторических текстов - та самая историческая связь, о которой упоминалось ранее [5].

Специалисты отмечают особую утонченность, глубокий духовный смысл для всей культуры Китая, его изысканность и уникальность. Сегодня Зал выступает одним из самых известных мировых образцов буддийского искусства [5].

Рассмотрим следующий пример - тоже широко известный исследователям буддийской культуры - это Запретный город Гугун, также расположенный в Пекине. Это самый популярный дворцовый комплекс в мире, откуда осуществляли правление 24 династии Мин и Цин. Образцы орнаментального и декоративного оформления Императорского дворца мы можем наблюдать на представленных далее рисунках (рисунки 3, 4) [6].

На представленных изображениях мы можем наблюдать традици-

Рисунок 3. Запретный город Гугун, Пекин. Орнаментальное оформление крыши.

Рисунок 4. Орнаментальное оформление Павильона Тысячи Осеней Императорского дворца.

онные элементы оформления, свойственные другим художественным источникам эпох Мин и Цин. В целом, если понимать, что Запретный город – это один из наиболее существенных образцов китайской классической архитектуры, то это можно наблюдать и орнаментально-декоративном оформлении. Например, узоры на стенах и потолке внутри помещений означают долголетие, богатство, процветание [3; 6]. Особое значение имеют и изящные деревянные резные образцы, узоры, которые можно также наблюдать на стенах и потолках вместе с керамическими элементами.

Отсылки к традиционной китайской мифологии можно наблюдать и в некоторых других архитектурных деталях: например, это львы, фениксы, драконы, которые напрямую отражают правящую династию, а также историю культуры. Отметим также, что представленные элементы совершенно явно отражают богатство и величие китайской культуры, что также можно наблюдать и в том, что каждая комната Запретного города оформлены уникальными резными стенами, лакированными потолками, а также дорогими изысканными коврами. Все вместе внешне это создает уникальное ощущение роскоши и изыска.

Так, мы можем наблюдать это и в орнаментальном оформлении тронного зала Императорского дворца, представленного далее на рисунке 5.

Таким образом, если системно анализировать представленные харак-

Рисунок 5. Орнаментальное оформление тронного зала Императорского дворца.

теристики орнаментального декора фасадов и художественной росписи китайской культуры династий Цин и Мин, то кратко можно перечислить следующие особенности:

- тесная связь зодчества и живописи, что выражается в том, что живопись и зодчество в китайской культуре того времени подчинены единым, общим законам, развиваются параллельно, по одной и той же траектории; такой тесный контакт и одновременно очевидное самостоятельное значение позволяют сформулировать единое представление о мире [1];

- всегда и везде можно наблюдать не только отсылки художников к истории Китая, но также упоминание природы и окружающего мира. Это делает орнамент и декор более естественными, приземленными, более близкими к человеку. Одновременно это несет в себе и философский смысл, поскольку средневековый классический пейзаж символичен по своей природе и несет значение тесного контакта с космосом и Вселенной;

- несмотря на тесную связь с историей, в шедеврах архитектуры можно наблюдать и контакт с современностью. Например, самый большой парк Пекина Юаньминюань обладает именно такими характеристиками, одновременно выступая и образцом исторического наследия, и элементом новой эпохи развития ландшафтного дизайна [7];

- китайское искусство в отличие от искусства, например, европейского не подразделяется на определенные стилевые вехи, здесь критерием для

Рисунок 6. Императорские дворцы династий Мин и Цин в Пекине.

деления выступает правление той или иной династии. Поэтому рассматриваемый исторический период можно охарактеризовать, как феодальный во всех отношениях [4].

В конечном итоге, можно сделать вывод о том, что китайские памятники эпох Мин и Цин в своем выражении обладают достаточной традиционностью, самобытностью, пересекающимися с некоторой современностью, поэтому составляют и сегодня особый интерес для исследователей китайской культуры [8] (рисунок 6).

Это можно наблюдать и на заключительном из представленных примеров. С одной стороны, мы видим, как сохраняется оригинальная особенность уникального восприятия китайских художников опыта жизни великого китайского народа. Одновременно очевидно, что представленные в настоящем исследовании памятники культуры – это не элементы ушедшей эпохи, а своеобразный живой организм огромной китайской культуры, который можно наблюдать в различных выражениях и в современных элементах. По сути, культура Китая – это ядро самой по себе уникальной китайской цивилизации, одной из самых древних в современном мире [2; 5]. И визуально это можно наблюдать через рассмотренные в настоящем научном исследовании примеры (рисунки 1-6).

Таким образом, обозначим ключевые выводы по итогам представленного анализа.

Китайская культура остается одним из образцов мирового художественного искусства, при этом умудряясь гармонично сочетать и уникальное историческое наследие, и современные элементы. В работе эти особенности проанализированы на примере памятников эпох Цин и Мин. Так, наиболее существенными в рассматриваемом контексте в исследовании были отмечены следующие признаки:

- тесная связь зодчества и живописи;
- повсеместные отсылки художников к истории Китая, но также упоминание природы и окружающего мира;
- тесная связь с историей и контакт с современностью;
- феодальный тип искусства;
- иные.

В работе также проанализированы более детально орнаментальные и декоративные элементы ряда известных китайских памятников архитектуры династий Мин и Цин: это Запретный город Гугун, Храм Неба, Императорские дворцы в Пекине, а также некоторых других [7].

В исследовании также отмечается, что сегодня уникальная китайская культура, ее орнаментальный декор и художественная роспись, остаются интересными для исследователей, поскольку позволяют многогранно и комплексно оценить особенности исторического развития уникальной культуры. Например, это характерные особенности орнаментов клуазоне

эпох Мин и Цин, а также другие известные исторические, художественные, культурные памятники.

В конечном итоге, можно уверенно говорить о том, что уникальность и самобытность китайской культуры, ее особое место в цивилизационном смысле позволяют сохранить это искусство одним из наиболее существенных для мировой истории и культуры [10].

Библиографический список

1. Гуаньюй У. Социально-исторический аспект развития культуры и искусства Китая периода династии Цин // *Juvenis scientia*. 2017. № 13. С. 99-105.
2. Искусство Китая: династия Мин (1368-1644 гг.) // URL: <https://veryimportantlot.com/ru/news/blog/iskusstve-kitaya-dinastii-min>
3. Ицянь Л. Характерные особенности орнаментов клуазоне эпох Мин и Цин в контексте поиска идентичности китайского декоративного искусства // *Манускрипт*. 2018. № 14. С. 100-106.
4. Ицянь Л. Специфика и национальные черты декоративного искусства Китая: к вопросу об актуальности сохранения национальных традиций // *Манускрипт*. – 2017. № 10. С. 202-208.
5. Неглинская М.А. О стилевых тенденциях в архитектуре, изобразительном искусстве и ремесле эпох Юань и Минь // *Общество и государство в Китае*. 2012. № 13. С. 125-131.
6. Периоды Мини Цин // URL: http://dshi-buzuluk.oren.muzkult.ru/media/2020/04/15/1252690418/Iskusstvo_Yaponii_compressed.pdf
7. Песчанская Е.В. Китайские благожелательные орнаменты в декоративно-прикладном искусстве династий Мин и Цин: автореф. дисс. к.и.н.: 17.00.04 / Песчанская, Евгения Викторовна. – Барнаул, 2013. 25 с. // URL: <https://www.asu.ru/files/documents/00008348.pdf>
8. Хлопонина О. Искусство Китая. Эпохи Мин и Цин // URL: <https://levelvan.ru/pcontent/china-1/ming-and-qing>
9. Хэ Т. Семантика традиционного китайского орнамента // *Общество. Среда. Развитие. (Terra Humana)*. 2011. № 17. С. 201-206.
10. Хуэй Н.Ч. Архитектура периода правления императоров династий Мин и Цин на примере дворцовых сооружений: к.и.н. 17.00.04 / Не, Чунь Хуэй. – М.: 2002. 227 с.

References

1. Guanyu W. Socio-historical aspect of the development of culture and art of China during the Qing Dynasty // *Juvenis scientia*. 2017. № 13. P. 99-105.
2. Art of China: Ming Dynasty (1368-1644) // URL: <https://veryimportantlot.com/ru/news/blog/iskusstve-kitaya-dinastii-min>
3. Yiqian L. Characteristic features of cloisonné ornaments of the Ming and Qing eras in the context of the search for the identity of Chinese decorative art // *Manuscript*. 2018. № 14. P. 100-106.
4. Yiqian L. Specificity and national features of the decorative art of China: on the issue of the relevance of preserving national traditions // *Manuscript*. – 2017. № 10. P. 202-208.
5. Neglinskaya M.A. On stylistic trends in architecture, fine arts and crafts of the Yuan and Ming eras // *Society and state in China*. 2012. № 13. P. 125-131.
6. Ming and Qing periods // URL: http://dshi-buzuluk.oren.muzkult.ru/media/2020/04/15/1252690418/Iskusstvo_Yaponii_compressed.pdf
7. Peschanskaya E.V. Chinese auspicious ornaments in the decorative and applied arts of the Ming and Qing dynasties: author's abstract. diss. candidate of historical sciences: 17.00.04 / Peschanskaya, Evgeniya Viktorovna. – Barnaul, 2013. 25 p. // URL: <https://www.asu.ru/files/documents/00008348.pdf>
8. Khloponina O. Art of China. Ming and Qing Periods // URL: <https://levelvan.ru/pcontent/china-1/ming-and-qing>
9. He T. Semantics of Traditional Chinese Ornament // *Society. Environment. Development. (Terra Humana)*. 2011. № 17. P. 201-206.
10. Hui N.Ch. Architecture of the Ming and Qing Dynasty Emperors' Reign on the Example of Palace Buildings: PhD in History 17.00.04 / Ne, Chun Hui. – M.: 2002. 227 p.

Напсо М.Д.

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Агирбов Т.А.

Студент. Северо-Кавказская государственная академия.

Мода как социокультурный тренд современности*

Аннотация. В статье исследуется мода как важнейший социальный и культурный феномен, оказывающий глубокое воздействие на всю область социальных отношений, на сознание и поведение индивидов. Рассматриваются сущность моды, ее противоречивые характеристики. Мода анализируется с различных точек зрения: как механизм адаптации и социализации, как инструмент идентификации и самоидентификации, как форма демонстрации социального статуса и успеха, как способ социального регулирования. Показывается значимость моды как социального транслятора, как фактора, стирающего социальные различия. Исследуются изменчивость моды, ее востребованность обществом потребления. Выявляются риски зависимости от требований моды, которые ведут к возникновению различных форм социального отчуждения.

Ключевые слова: общество потребления, мода, подражание, модный тренд, социальные различия, идентификация, символ.

Napso M.D.

Doctor of sociological sciences, professor of department of humanities sciences, North-Caucasus state academy.

Agirbov T.A.

Student, North-Caucasus state academy.

Fashion as a socio-cultural trend of our time

Abstract. The article studies fashion as the most important social and cultural phenomenon, which has a profound impact on the whole area of social relations. The essence of fashion, its contradictory characteristics, being of an individual and society are considered. Fashion is analysed from different points of view: as a mechanism of adaptation and socialisation, as a tool of identification and self-identification, as a form of demonstration of social status and success, as a way of social regulation. The significance of fashion as a social translator, as a factor that erases

* © Напсо М.Д., Агирбов Т.А., 2025.

Мода как социокультурный тренд современности

social differences is shown. The variability and demand for fashion in the consumer society are studied. Risks of dependence on fashion requirements that lead to the emergence of various forms of social exclusion are revealed.

Key words: consumer society, fashion, imitation, fashion trend, social differences, identification, symbol.

Ведение

Мода является важнейшим социальным и культурным феноменом, который оказывает глобальное воздействие на бытие индивида и общества. Интерес к моде вызван той ролью, которую она играет в качестве особого инструмента, регулирующего многие аспекты человеческой жизни. Развитие моды в значительной мере обусловлено процессами, которые происходят в социально-экономической сфере, на что указывают многие исследователи данного феномена. Социальные трансформации приводят к изменениям в культуре, и это непосредственно отражается как на самой моде, так и на представлениях о ней. Мода изменчива, исторична, она была и остается двигателем социальных интересов и потребностей. Непрерывность и быстрота происходящих изменений отражаются на моде и ее проявлениях, что особенно заметно в современную эпоху, характеризующуюся убыстрением темпов и возникновением новых трендов, принимающих характер модных.

Проблематика исследования

Среди исследователей моды особое место принадлежит немецкому ученому Г. Зиммелю. Он подверг всестороннему анализу объективные условия, способствующие утверждению моды в качестве важнейшего социального инструмента, который подчеркивает индивидуальность и способствует процессам самоутверждения личности. Ученый писал о «подражательном» свойстве моды, а подражание, как известно, социально значимо, поскольку формирует общественные установки и идеалы. Следуя социокультурным и эстетическим нормам и «модным» канонам, индивид сливается с группой, становится ее членом, адаптируется к изменяющимся условиям жизни. С помощью моды индивид приобщается к актуальным трендам, разделяемым привычкам, стилю жизни, тем самым создается пространство конформизма и ощущения равенства с другими, более значимыми. Но слепое подражание моде либо ее игнорирование оборачиваются для индивида, с одной стороны, утратой свободы и потерей своего «Я», а с другой – недостаточным вниманием к себе со стороны социального окружения, что воспринимается достаточно болезненно.

Одновременно, по мнению Г. Зиммеля, происходит обособление индивида, благодаря чему индивидуальность не оказывается утраченной.

Мода, писал он, является одной «из многих форм жизни, посредством которых тенденция к социальному выравниванию соединяется с тенденцией к индивидуальному различию» [1, с. 268]. Социальный институт моды реализует потребность в социальном единении и обособлении одновременно, которые являются противоположными, но взаимосвязанными тенденциями, обуславливающими друг друга. Замечание исследователя относительно дуалистической природы моды представляется крайне важным: индивид, сохраняя свою особость, формируя, в том числе и в соответствии с модными трендами, собственную линию поведения и образ жизни, привычки, создает «модное» личное пространство. В этом пространстве противоречивым образом сочетаются современное и традиционное, даже консервативное, которое в прошлом символизировало модный тренд.

Точка зрения Г. Зиммеля относительно роли моды в минимизировании рисков, связанных с процессами социально-классовой дифференциации, нашла отражение в сформулированной им теории, которая получила название «эффекта просачивания». Согласно данной концепции, низшие слои стремятся подражать модным трендам (прежде всего в одежде), которые утверждаются представителями высших социальных слоев. И чем выше уровень подражания, тем сильнее стремление вышестоящих слоев дифференцироваться от нижестоящих. Создаются новые образцы моды: происходит т. н. бегство от общепринятых или же от широко распространенных эталонов моды. Когда та или иная «модная» потребность удовлетворена, появляется очередная, которая, как и предыдущая, призвана подчеркнуть сходство и отличия одновременно. Ученый писал о том, что в среде низших слоев мода не столь разнообразна и качественна, поскольку приобретение модных, в особенности трендовых вещей высокого качества, всегда сопряжено с немалыми финансовыми затратами.

Подражание элите и провозглашаемым ею модным образцам формирует в среде низших классов комплекс ощущений о собственной социальной значимости, и в первую очередь – неполноценности. Причина этого видится исследователем и в том, что мода оперирует множественными символами, связанными с понятиями успеха, престижа, статуса. Усваивая «модные» знаки-тренды, присущие обладателям высоких социальных слоев, индивиды стремятся выйти, хотя бы виртуально, за пределы групп принадлежности. Как справедливо замечает Д. Левин, «продвигающиеся «наверх» люди находят в моде идеальное средство для подражания и отождествления себя с высшим классом. Когда мода усваивается и за пределами породившего ее класса, последний создает новую моду. Этот процесс повторяется внутри высшего класса. По мере снижения классовых барьеров и увеличения богатства среди населения, этот процесс становится все безудержнее» [2]. Следуя моде высокостатусных групп населения,

индивид преодолевает чувства социальной неудовлетворенности жизнью в многообразии ее проявлений – с одной стороны. Но с другой стороны, он обнаруживает солидарность с другими, испытывает ощущения своей исключительности и неповторимости, тем самым находя поддержку в среде таких же, как и он сам. Ж. Липовецкий подчеркивал свойство моды быть инструментом, с помощью которого индивид привлекает к себе внимание, и благодаря этому происходит акцентирование на своем внешнем виде, являющемся одной и немаловажных черт имиджа, столь востребованного обществом потребления. Так моде, по мнению французского исследователя, «удалось превратить нечто внешнее в инструмент спасения личности и в конечную цель существования общества» [3, с. 38]. Таким образом, мода является инструментом идентификации индивида, а также способом подтверждения и выражения своей неповторимости. Мода порождает разные эмоционально-психологические состояния, и индивид, ей следуя, испытывает множество чувств. Обладание модными брендами может порождать чувства превосходства над теми, к кругу которых принадлежит, и зависти от невозможности приобретения таких вещей. Когда предмет зависти недостижим, могут возникать чувства социальной ущербности и даже неполноценности. Это особенно характерно для людей, «которые внутренне несамостоятельны, нуждаются в опоре, но которые вместе с тем ощущают потребность в отличии, внимании, в особом положении» [1, с. 276].

Как и всякое социальное явление, мода изменчива. По мнению Г. Зиммеля, как только модные тенденции перестают быть модными, их сменяет новая мода – более привлекательная, а значит, социально востребованная, поскольку соответствует содержанию новых модных трендов. И это касается не только одежды. Поэтому мода, отмечал исследователь, «находится всегда на водоразделе между прошлым и будущим и, пока она в расцвете, дает нам такое сильное чувство настоящего, как немногие другие явления» [1, с. 274]. Преходящий характер моды, ее «легковесность» [3] не снижают значимости ее как ценностного феномена. Присущие обществу постмодерна быстротечность и неопределенность придают моде вечный характер, а ее постоянно изменяющиеся императивы «держат» индивида и социум в целом в состоянии «модного» напряжения, что, несомненно, питает моду в разных формах ее проявления.

В обществе потребления мода ассоциируется с социальным успехом, а сам успех выражен в категориях моды. Иными словами, успех должен соответствовать критериям, которые предъявляются модой. В этой связи Г. Зиммель писал об абстрактном характере моды, что она не всегда согласуется с объективной необходимостью и практической целесообразностью. Более того, этот ее характер проявляется в возникновении различных форм социального отчуждения. Индивид склонен следовать

требованиям моды, но в формах, диктуемых ею. Поэтому «модным становится практически все, в том числе некрасивое и даже уродливое. Нередко модные вещи приобретаются не по причине необходимости в них, а в связи с желанием продемонстрировать свой статус – экономический, финансовый, социальный, культурный, иными словами. Налицо неосознанное потребление товаров и вещей, что является свидетельством нерационального отношения к объективным условиям жизни. Обладание модными вещами позволяет индивиду явить себя социальному окружению в качестве состоявшейся личности, и в таком качестве индивид, по мнению многих, всегда востребован.

Г. Зиммель рассматривал моду как социально-классовое явление, указывал на ее зависимость от специфики социального, экономического и культурного контекста. Многие из его идей были в дальнейшем подвергнуты критике со стороны ряда исследователей феномена моды, и в первую очередь по причине того, что ученый «ограничивается рамками иерархизированных классовых обществ» [5, с. 75]. С этим мнением можно согласиться, поскольку современное общество потребления все более стирает социальные различия. В ходе процессов формирования среднего класса в европейских странах мода представителей высших слоев перестает обладать свойством принуждения, «авторами» модных веяний становятся социальные группы, которые не относятся к элитарным слоям. Мода, как известно, творится в среде различных социальных слоев, в том числе и низших (к примеру, мода на джинсы). Высшие социальные слои, которые прежде являлись создателями культурных стандартов, уступили место другим «модным» игрокам. Постепенно «аристократия утратила монополию на престиж, а индустрия одежды потеснила значимые для индивидов группы в их роли законодателей моды» [6, с. 94]. Рост материального благосостояния позволяет приобретать модные вещи широкому кругу людей, не принадлежащих к высоким социальным стратам. В вопросах моды социальные слои соотносят себя с различными референтными группами, значит, они придерживаются разных модных трендов, вкусов и предпочтений. Мода варьируется, ее распространение и усвоение зависят от культурных кодов, которые присущи социальным слоям. Так, рядом с высокой модой соседствует т. н. уличная мода, ставшая впоследствии частью мировой моды, несмотря на то, что она зародилась в пространстве молодежных субкультур.

Нельзя не упомянуть о таком свойстве моды быть способом выражения стремлений к нарциссизму, которым отличается современный человек. Мода всегда сопряжена с удовольствиями, к которым стремится индивид эпохи консьюмеризма, она «делается вектором движения в сторону нарциссической индивидуализации, инструментом распространения эстетического культа собственного «Я»» [4, с. 38]. Мода принуждает индиви-

дов следовать модным требованиям, они стали больше внимания уделять своему внешнему облику, который должен быть элегантным, притягивающим внимание окружающих, эталоном подражания, особенно в выборе одежды. И здесь важно подчеркнуть, что мода, через механизм одежды в особенности, позволяет освободиться от традиционно-консервативного, от однообразия и единообразия, благодаря чему индивид ощущает свою, с одной стороны, солидарность с социумом или социальной группой, а с другой – получает возможность выделиться. Мода вынуждает индивида приспосабливаться к диктуемым ею культурным и эстетическим стандартам, этот индивид находится в постоянно поиске того, что олицетворяет красоту в ее «модном» понимании. Так мода создает условия для самолюбования, формирует в нем элементы нарциссизма, и это делает его жизнь более насыщенной и привлекательной. В результате человек пребывает в постоянном поиске, и поскольку мода быстротечна, этот процесс индивидуализации не имеет конца.

Мода, таким образом, является абсолютным социальным регулятором, в ней нуждаются как в социальной опоре. Предлагая и утверждая культурные нормы и вкусы, мода одновременно предоставляет индивиду многообразие возможностей. Данное обстоятельство говорит в пользу гибкости моды, а также того, что индивид может к ней приспосабливаться соответствующим образом. Однако велики риски, связанные с развитием зависимости от моды и ее императивов, на что указывал И. Кант. В статье «О вкусе, отвечающем моде» исследователь подчеркивает особую роль моды в формировании определенных ценностей и псевдоценностей. Философ пишет, что мода «относится к рубрике *тщеславия*, так как в [ее] цели нет внутренней ценности; точно так же она относится и к рубрике *глупости*, так как при этом имеется некоторое принуждение — поступать в рабской зависимости исключительно от примера, который дают нам в обществе многие» [7]. Непостоянство моды парадоксальным образом сочетается с явлением, ею тиражируемым, – подражанием, которое овладевает умами и поступками многих, поскольку оно обеспечивает соответствие индивида рекламируемым и навязываемым трендам и вкусам. «Модные» символы консьюмеристского общества – больше, чем символы, они определяют образ жизни и поведение индивидов, систему нравственных установок, принятие и следование которым являются условиями, благодаря которым возможен социальный успех в его широком понимании.

Мода формирует соответствующее историческому и социальному контексту мировоззрение. Она предписывает индивиду определенную модель поведения, позволяющую осуществлять успешную интеграции в социум, способствовать процессам идентификации, вырабатывать соответствующие времени механизмы социального общения. Мода обладает социо-

культурной ценностью, поскольку выполняет самые разные функции – от экономической (предлагая эталоны потребления), транслирующей (передавая последующим поколениям «осовремененные» стандарты) до эстетической (вырабатывая эталоны красоты и эстетического в целом). Модным становится и мышление, детерминирующее поведенческие стратегии, обретают модные черты нормы и стандарты. Так мода становится способом переформатирования устоявшегося, традиционного, что представляется крайне важным с точки зрения быстротечности времени.

Стремление к приобретению модных предметов объясняется многими причинами, в том числе и тем, что мода содержит знаки, которые символизируют успех в его широкой трактовке. Бегство от моды невозможно, следование ей способствует приобщению индивида к системе групповых ценностей, тем облегчая процессы его интеграции в определенный социальный контекст. В этом немаловажную роль играют так называемые референтные группы, являющиеся эталоном для подражания. Эти тенденции особенно ощутимы в молодежной среде, которая всегда готова к принятию образцов моды, выступающих в форме образов-желаний. Общество потребления придает моде различные черты, в том числе и иллюзорные: она используется в качестве инструмента формирования псевдоценностных установок – следование моде выступает нередко в форме «иметь». Это обстоятельство может использоваться индивидом для демонстрации своего социально-экономического положения, что консьюмеристским мировоззрением ценится достаточно высоко. Следовательно, мода, с одной стороны, является социально-дифференцирующим феноменом, а с другой, содержит черты, которые позволяют говорить о ней как о факторе, стирающем социальные различия. Мода является понятием универсального характера, и в данном качестве она является своеобразным локомотивом социальных процессов.

Библиографический список

1. Зиммель Г. Избранное. Том второй. Мода. С. 266-292. // URL: [https:// docviewer.yandex.ru/view/0/?page](https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page) (Дата посещения: 18.12.2024).
2. Левин Д. Некоторые ключевые проблемы в работах Зиммеля. // URL: [https:// 69-129-1-SM.pdf](https://69-129-1-SM.pdf) – Adobe Reader (Дата посещения: 18.12.2024).
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. // URL: [https:// gtmarket.ru/laboratory/basis/3484/3489](https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3484/3489) (Дата посещения: 18.12.2024).
4. Липовецки Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. – М.: 2012. 336 с. // URL: [https:// vk.com/doc12780981_535390921?hash=2365d70d6db3b6377a](https://vk.com/doc12780981_535390921?hash=2365d70d6db3b6377a) (Дата посещения: 18.12.2024).
5. Гурова О.Ю. Социология моды: обзор классических концепций // Социологические исследования. 2011. № 8 (328). С. 72-82. // URL: <https://studylib.ru/doc/2711645/sociologiya-mody--obzor-klassicheskikh-koncepcij> (Дата посещения: 18.12.2024).
6. Килошенко М.И. Мода: от подражания к индивидуализации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. 2005. № 1. С. 92-97. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21115723> (Дата посещения: 18.12.2024).

7. Кант И. О вкусе, отвечающем моде. // URL: <https://iphlib.ru/library/collection/philosna/document/> (Дата посещения: 18.12.2024).

References

1. Simmel G. Selected Works. Volume Two. Fashion. P. 266-292. // URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page> (12.18.2024).
2. Levin D. Some Key Problems in Simmel's Works. // URL: [https:// 69-129-1-SM. pdf](https://69-129-1-SM.pdf) – Adobe Reader (12.18.2024).
3. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. // URL: [https:// gtmarket.ru/laboratory/basis/3484/3489](https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3484/3489) (12.18.2024).
4. Lipovetsky J. Empire of the Ephemeral. Fashion and Its Fate in Modern Society. – M.: 2012. 336 p. // URL: [https:// vk.com/doc12780981_535390921?hash=2365d70d6db3b6377a](https://vk.com/doc12780981_535390921?hash=2365d70d6db3b6377a) (12.18.2024).
5. Gurova O. Yu. Sociology of fashion: an overview of classical concepts // Sociological studies. 2011. № 8 (328). P. 72-82. // URL: <https://studylib.ru/doc/2711645/sociologiya-mody--obzor-klas-sicheskikh-koncepcij> (12.18.2024).
6. Kiloshenko M. I. Fashion: from imitation to individualization // Bulletin of the St. Petersburg State University. Series 6. 2005. № 1. P. 92-97. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21115723> (12.18.2024).
7. Kant I. On taste that corresponds to fashion. // URL: <https://iphlib.ru/library/collection/philosna/document/> (12.18.2024).

Новикова-Бородина С.В.

Композитор, член Союза Композиторов Москвы.

Музыкальное произведение как олицетворение образа, воплощающего эстетический идеал в контекстах понятий творчество, неприкосновенность, текст (на примере современных филармонических концертных программ для детей)*

Аннотация. В статье анализируется понятие «музыкальное произведение» в контексте современной концертной практики. При этом подчеркивается важность различения художественного произведения и синтезированного проекта.

Автор, являясь дипломированным композитором, имеющим значительный опыт сотрудничества с государственными филармониями России, обосновывает необходимость создания высокохудожественных авторских произведений для детской аудитории, которые должны стать неотъемлемой частью современной концертной жизни.

Рассматривается проблема выхолащивания содержания филармонических концертов синтезированными проектами, которые превалируют в программах филармоний, сдерживая развитие профессионального композиторского творчества. В связи с этим, автор обосновывает необходимость создания специализированного законодательства, регулирующего отношения в данной сфере.

Статья адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современного музыкального искусства, педагогики и психологии искусства, деятелям сферы культуры: составителям, ведущим и дирижёрам концертных филармонических программ, руководителям филармоний и т.д.

Ключевые слова: филармония, психология и педагогика искусства, младшие школьники, музыка, концерт, творчество, сказка с оркестром, неприкосновенность произведения.

* © Новикова-Бородина С.В., 2025.

Музыкальное произведение как олицетворение образа, воплощающего эстетический идеал в контекстах понятий творчество, неприкосновенность, текст (на примере современных филармонических концертных программ для детей)

Nowikowa-Borodina S. V.*Composer, member of the Union of Composers of Moscow.***A musical work as a personification of an image embodying an aesthetic ideal in the contexts of creativity, integrity, text (Using the example of modern philharmonic concert programs for children)**

Abstract. The article analyzes the concept of “musical work” in the context of modern concert practice. At the same time, the importance of distinguishing between a work of art and a synthesized project is emphasized.

The author, being a certified composer with significant experience of cooperation with state philharmonic societies of Russia, substantiates the need to create highly artistic original works for children’s audiences, which should become an integral part of modern concert life.

The problem of emasculating the content of philharmonic concerts by synthesized projects that prevail in philharmonic programs, restraining the development of professional composer’s creativity, is considered. In this regard, the author substantiates the need to create specialized legislation regulating relations in this area.

The article is addressed to a wide range of readers interested in the problems of modern musical art, pedagogy and psychology of art, cultural figures: compilers, presenters and conductors of philharmonic concert programs, heads of philharmonic societies, etc.

Key words: philharmonic society, psychology and pedagogy of art, primary school students, music, concert, creativity, fairy tale with orchestra, inviolability of the work.

В современных реалиях концертной музыкальной жизни всем, казалось бы, известное понятие «музыкальное произведение» может ассоциироваться с различными звуковыми объектами. Зачастую применить к ним понятие «музыкальное произведение» не представляется возможным, потому что это вовсе не произведения, а результаты исполнительской деятельности. Разграничить эти явления на мой взгляд, необходимо, так как создателем произведения является автор-композитор, а некий звуковой музыкальный результат, производимый музыкантом-исполнителем может вовсе не быть произведением в классическом понимании, а лишь являться продуктом деятельности музыканта-исполнителя.

«Произведению музыкальному свойственны завершенность и мотивированность целого, индивидуализированность содержания и формы, за которыми стоит неповторимая личность автора, детальная фиксация в нотной записи, предполагающая искусство исполнительской интерпретации» [11, с. 441]. Такое представление о музыкальном произведении вы-

кристаллизовалось в процессе становления и развития профессионального композиторского творчества письменной традиции.

О фактической подмене произведения синтезированным художественным проектом пишет в своем диссертационном исследовании В.А. Моряхин, характеризуя его как явление культуры рубежа XX-XXI веков [10, с. 9].

Я, как активно сотрудничающий с многими филармониями России композитор, придерживаюсь той точки зрения, что такая подмена является разрушительной как для классического музыкального наследия, так и для профессиональной композиторской деятельности, так как самобытное, авторское произведение оказывается невостребованным — его заменила собой проектная деятельность группы специалистов филармонии: дирижёра, ведущего программы, режиссера и т.д.

Моя композиторская деятельность связана прежде всего с созданием оркестровых произведений крупной формы для детей. Подобно литературным произведениям для детей, музыкальное произведение для детской аудитории, созданное профессиональным композитором для исполнения в филармонии, на мой взгляд, должно быть высокохудожественным, цельным авторским сочинением, а эту особую область творчества считаю **«педагогически ориентированным концертным репертуаром» или «детской музыкальной литературой»** (понятия мои).

В этой связи представляется актуальной попытка обосновать с позиций разных наук сохранение классического понимания понятия «музыкальное произведение», так как утрата индивидуальной целостности музыкальных опусов ранее была характерна лишь для авангардных направлений музыкального искусства и стереотипной продукции массовых жанров, а теперь же становится характерной чертой и филармонической концертной практики.

Художественная идея

Данные исследований художественного творчества, проведенные в различных областях науки, говорят о присутствии в структуре художественного образа, синтезирующего начала. Гегелем была впервые высказана мысль о том, что лишь благодаря синтезирующей деятельности художественной идеи становится возможно существование художественного образа. Впоследствии это мнение было принято советскими исследователями: Гачевым Г.Д., Зисем А.Я., Копниным П.В., Поспеловым Г.Л., Тимофеевым Л.И., и др. [1, с. 2].

«Проблема художественной идеи занимает центральное место в эстетической теории Гегеля. Для него идеал — идея «в некоторой определенной форме». Категория эстетической идеи лежит в основе гегелевской концепции прекрасного в искусстве» [1, с. 17].

Художественная идея — это главный импульс, побуждающий автора к созданию произведения. Первоначально она существует только в сознании творца в смутных очертаниях. Постепенно идея трансформируется в конкретный замысел, который детализируется по мере своего воплощения и постепенно превращается в произведение. После восприятия произведения публикой, идея вновь обретает свои призрачные очертания, но уже в сознании читателя, слушателя или зрителя.

Впервые осознал специфику художественной идеи И. Кант. Он отмечал многослойность её содержания, которое включает «воображение, рассудок, дух и вкус» [1, с. 17].

Без оригинальной идеи невозможно создание произведения, а сама идея тоже должна иметь высокое эстетическое качество — идеал.

Эстетический идеал

Т.И. Бендус утверждает, что несмотря на то, что обилие научной литературы, касающейся данного вопроса, эстетический идеал исследован лишь в общих чертах. В науке не сформировалось единообразного определения эстетического идеала, как особой категории, обладающей самостоятельным значением [1, с. 4, с. 5].

В сборнике статей Уральской консерватории за 1959 г. в статье Г.Л. Ермаша «О специфике эстетики» есть интересное свидетельство существования представлений об эстетическом идеале в глубокой древности, более того, его законодательного закрепления: «Нормы грамматики развивались в соответствии со стремлением говорить красиво. Этика в большой мере основана на учении о красоте человеческого поведения. Даже история права дает примеры эстетических по содержанию законодательств.

Например, Лессинг в «Лаокооне» обратил внимание на следующие факты: у фивян существовал закон, повелевавший художникам подражать прекрасному, а у элаников в устав олимпийских игр входил пункт о создании статуй в честь победителей, но только в честь троекратного победителя возводилась иконическая статуя. Это объяснялось нежеланием иметь уродливое в убранстве города» [4, с. 14].

О понятии «творчество»

Интересно взглянуть на этот вопрос с юридической точки зрения. З.В. Вешкурцевой, в частности, отмечается в качестве существенных характеристик творческого процесса новизна и ценность для общества [2, с. 90]. Следовательно, творческим может признаваться с позиции юриспруденции такое произведение, которое качественно ново, и как результат этой новизны, может рассматриваться как новая ступень развития искусства, с вытекающим из этого следствием ценности такого результата интеллектуальной деятельности для общества в целом.

Особого внимания в этой связи заслуживает мысль о нерасторжимости «компонентов» образа в их взаимопроникающем единстве, их целостность. О нерасторжимости говорит и классик психологии искусства Л. Выгодский:

«Напротив того, анализ и повседневное наблюдение убеждают нас, что в образном произведении нерасторжимость формы совершенно совпадает с нерасторжимостью формы в любом лирическом стихотворении» [3, с. 53].

Представляется, что именно эти основания теоретической эстетической мысли являются основой юридической дефиниции в такой категории неимущественных авторских прав, как неприкосновенность произведения, в совокупности с правом на имя и правом авторства, образующими неимущественные права.

Защита от искажений гарантируется статьёй 1266 ГК РФ: «Право на неприкосновенность произведения и защита произведения от искажений». Исходя из собственного длительного опыта сотрудничества с филармониями я вынуждена констатировать, что понимание сущности этой статьи закона не осознается в должной мере работниками учреждений культуры, формирующими филармонические программы, и, как следствие, именно неимущественные права легко нарушаются.

В учебном издании «Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства» (автор — Матвеев А.Г.), приведён примечательный факт о том, что значение классических текстов и охрана их в интересах общества осознавалось еще в глубокой древности. Цитата: «Так, в Древней Греции в 330 г. до н. э. был принят закон, в соответствии с которым оригиналы произведений трех крупных классиков (Эсхила, Софокла и Еврипида) подлежали хранению в официальном архиве, и актеры должны были придерживаться официального текста.

Известен случай, когда после проведения в Александрии литературного конкурса Птолемей наказал тех конкурсантов, которые представили под своими именами древние произведения <...>» [8, с. 9]. Матвеев данный исторический факт трактует как охрану публичного интереса, что особенно важно.

Этот пример показателен в том отношении, что даже в Древней Греции уже осознавалась нерасторжимость художественного образа, и как следствие неприкосновенность произведения, а также соблюдение мер охраны высокохудожественных произведений от искажений в интересах общества.

Замечательную цитату Толстого приводит Л. Выгодский в своей книге «Психология Искусства». Цитата примечательна тем, что показывает отношение писателя к такому свойству образа, как нерасторжимость и наличие в нём синтезирующих его форму начал: «... Во всем, почти во всем,

что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения» [Толстой, 30, с. 268-269]» [3, с. 53].

Толстой характеризует «основу сцепления» этих синтезирующих начал, как неопишемую словами, что похоже на изображение неуловимого характера художественной идеи, как вербально невыразимой и питающей её эстетический «дух».

Т.И. Бендус о диалектической связи, составляющих образ эстетических категорий, говорит: «Здесь ключ к решению всех проблем «треугольника»: эстетический идеал - художественная идея - художественный образ» [1, с. 2].

Таким образом, характеристики произведения с точки зрения юриспруденции, о чем говорилось выше, — качественная новизна и ценность — оказываются согласующимися с эстетическими характеристиками образа — идеей и идеалом. Полностью совпадающими по смыслу являются характеристики нерасторжимости и неприкосновенности.

Текст

На мой взгляд, в современном понимании нотный текст является самостоятельной эстетической системой, которая должна признаваться отдельным охраняемым объектом авторского права. Тем более, это относится к сочинениям второй половины XX века и до наших дней.

Композитор, профессор кафедры композиции Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского Алан Кузьмин даёт такое определение музыки:

«Музыка - искусство создания художественного образа путем организации средств музыкальной выразительности во времени. Среди средств музыкальной выразительности (мелодия, лад, гармония, фактура, темп, метр, ритм, тембр, регистр, динамика, штрих, прием) первичными являются четыре: высота, длительность, тембр, динамика. Остальные производны, так как относятся либо к области высоты, длительности, тембра, динамики; либо представляют собой синтез из 2-4-х вышеперечисленных характеристик звука» [7, с. 4].

Таким образом, художественный образ музыкального произведения имеет в нотном выражении особую, сложную символично-графическую эстетическую систему, в которой при помощи знаков фиксируется форма и содержание произведения.

Поэтому, музыкальное произведение (для оркестра) в академической композиторской европейской традиции считается объективно существующим, когда композитор создал **знаково-символьный, графический имидж произведения** (*новое понятие*) — партитуру.

Хрестоматийный пример: свои симфонии Шуберт не услышал при жизни. Мы узнали художественные образы его симфоний, услышав результаты исполнительской деятельности дирижеров. Дирижёры создали свои исполнения, интерпретируя нотную графику композитора-классика т.е. работая с **графическими имиджами** его симфоний — с партитурами великого основоположника романтизма в музыке.

Результаты исполнительской деятельности дирижёров (исполнения) являются объектами смежных прав (ст. 1304 ГК РФ), а исполнитель (ст. 1313 ГК РФ), признаётся автором исполнения (!).

Графический имидж произведения — нотная запись, являющаяся графическим изображением, рисунком музыки в нотной графике, созданным автором-композитором — нет. Партитура не является отдельным объектом правовой охраны. Охраняется произведение в целом, выраженное в объективной форме (ч.3 ст. 1259 ГК РФ).

Между тем, если рассмотреть отдельно с позиций категорий эстетики звуковую форму произведения и его нотное выражение, то становится ясно, что это разные объекты. Так, художественный образ произведения — плод воображения автора, воплощенный в ноты его идеей в соответствии с его идеалами, существующий в воображении автора. Партитура — графический имидж произведения, первично созданный композитором — одна ипостась образа произведения, но уже материализованная — доступная для исполнения дирижёром. Звуковая же форма произведения — его интерпретация — другая особая эстетическая система — и иная ипостась образа произведения (объект смежных прав).

Данные доводы могут служить аргументом в пользу той мысли, что графический имидж музыкального произведения — самостоятельный объект авторского права. Он несет в себе художественный образ произведения, выраженный графическими средствами — знаково-символьными, а не звуковыми. Следовательно, содержит уникальную идею графического образа произведения и присущий ему эстетический идеал красоты, выраженный с помощью знаков. Он имеет собственную эстетическую ценность, нерасторжим и неприкосновенен и объективно может существовать независимо от того было ли произведение обнародовано в публичном исполнении или нет.

Значит, нотный текст партитуры является отдельным объектом авторского права, требующим правовой охраны.

Начиная со второй половины XX века графическое оформление нотного текста партитур существенно детализируется. В этой связи хотелось бы

вспомнить письма С. Прокофьева к П. Ламму, известному советскому текстологу. Как известно, Прокофьев был очень взыскателен к оформлению своих партитур. Приведу цитату из диссертации «Восстановление произведений П.И. Чайковского в истории русской музыкальной текстологии» А.В. Комарова:

«Взыскательность Прокофьева оправдана. В музыке XX в. те компоненты, к которым прежде можно было бы относиться как к чему-то второстепенному (оттенки, исполнительские указания), получили конструктивную и, следовательно, иную, чем прежде, смысловую нагрузку (например, в сериальной музыке). Подробность оформления партитур новой музыки, равная важность всех элементов текста, предъявили особые требования к их строгой передаче. Однако большая значимость этих же компонентов в текстах произведений классико-романтического периода тогда еще не была осознана [стр. 79, Комаров]».

Данная цитата может служить подтверждением о том, что в науке наметилось понимание нотного текста — графического имиджа произведения — как отдельного эстетического объекта.

Обратимся к отзывам Прокофьева о работе Ламма над партитурами его сочинений по авторским клавирам с разметкой инструментовки. «В письмах Прокофьева к Ламму композитор нередко сетует по поводу разных неточностей, неясностей, утрат оригинального текста. Например, в письме от 20 ноября 1935 г., Прокофьев писал:

«Но самое ужасное, это масса оттенков, акцентов, лиг, точек, которые Вы пропускаете. <...> Надеюсь, что в свое время к Мусоргскому Вы отнеслись не с такою грациозной небрежностью, с какою к моему скромному труду, иначе сколько деталей могло бы погибнуть!» (Письма С.С. Прокофьева к П.А. Ламму), (1928-1951]. Публикация И.А. Медведевой // Прокофьев 2004, с. 279-280), [6, с. 79].

А.В. Комаров высказывает мысль о том, что даже рукопись и печатное издание имеют самостоятельные образы, отличную эстетику:

«Действительно, рукопись и печатное издание — две разные эстетические системы...» [6, стр. 79].

Путь произведения к публике в 19 и 20 веках выглядел так: художественный образ в сознании композитора — рукописный **графический имидж произведения** (рукопись партитуры) — печатный имидж произведения (печатное издание партитуры) — исполнение произведения (результат исполнительской деятельности) — образ в сознании публики (перцепт).

Текстологи-основатели, работая с музыкальными памятниками ставили своей задачей открыть произведения широкой публике — рукопись перевести в графический вид. Уберечь произведение от исчезновения и ввести его в культуру. Главное достижение работы Ламма и других тек-

стологов тех лет было в том, что благодаря выбранному ими подходу в редакции рукописей, эти произведения безоговорочно закрепились в концертной практике, как памятники русской музыки.

В наши дни у музыкального произведения появилась еще одна ипостась — цифровой образ, что создало ряд проблем. В частности, возникают сложности с понятием «Доведение до всеобщего сведения» — трансляции в сети Интернет, в результате чего произведение становится доступным **любому физическому лицу** с персонального компьютера, подключенного к сети Интернет. Данная область только начинает изучаться. Приведем цитату из юридической диссертации:

«Объективной формой выражения музыкального произведения, распространенного в сети Интернет, являются записи исполнения, которые следует квалифицировать как самостоятельные объекты охраны не только авторских, но и смежных прав, а также **нотные записи в электронных форматах**, делающие такие записи доступными для использования в сети Интернет (скачивание, просмотр, пересылка, обмен и т.п.).

Запись исполнений музыкальных произведений в сети Интернет следует признать **объективной формой выражения** музыкального произведения, которая не совпадает с материальным носителем. В то же время музыкальное произведение, представленное в виде нотной записи на бумажном носителе, имеет такую форму объективного выражения, которая совпадает с его материальным носителем - лист бумаги» [5, с. 14].

В.С. Илларионов пишет, что «**нотные записи в электронных форматах**» *«следует квалифицировать как самостоятельные объекты охраны»*. Разделяю данное утверждение. Однако возникает правовая коллизия: как электронные копии могут быть квалифицированы отдельными объектами правовой охраны, если таковыми не признаются партитуры произведений на бумажном носителе?

Другая мысль исследователя представляется спорной, а именно: я считаю, что музыкальное произведение в виде нотной записи — графический имидж произведения — совпадает с материальным носителем — листом бумаги. Запись произведения в сети Интернет — цифровой графический имидж произведения — также будет совпадать с материальным носителем — если имеется ввиду запись нотного файла. При распечатывании на бумагу он будет совпадать. Звуковой образ произведения в виде файла в Интернете также при его «материализации» будет совпадать, если его записать на соответствующий носитель информации: на жесткий или твердотельный диск, на флеш-диск, на флеш-карту, на компакт-диск и т.п.

Уместно завершить данный сравнительный анализ категорий эстетики и права словами философа:

«Сколькими способами различается сущее, столькими способами является бытие» [9, с. 29].

В настоящее время композитор не представляет в оркестр рукопись сочинения, а передает дирижёру печатный вид партитуры на правах рукописи, им же самим и выполненный в программе нотной вёрстки. Композитор в наши дни, передающий в оркестр свою партитуру, словно бросает на ветер свой труд — ловите, люди, пользуйтесь, так как сразу же утрачивает какой-либо контроль над распространением своего произведения.

Филармония — уникальный социокультурный институт, выполняющий особые публичные функции, поэтому требуется, на мой взгляд, разработка Федерального закона, устанавливающего правовые, организационные и экономические основы концертной филармонической деятельности в Российской Федерации.

Этот закон необходим сегодня: основанный на принципах государственной политики Российской Федерации в сфере культуры, закрепляющий правила функционирования филармонии и осуществления концертной деятельности, а главное, определяющий правовое положение участников отношений в данной сфере.

Библиографический список

1. Бендус Т.И. Воплощение эстетического идеала в художественном образе/на материале современной художественной прозы / автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / Бендус Тамара Ивановна. – Москва, 1990. 27 с.
2. Вешкурцева З.В. Актуальные проблемы компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав в сети интернет и других информационно-коммуникативных сетях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Вешкурцева Зоя Валерьевна. – М.: 2014. 214 с.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука Аттикус, 2019. 448 с.
4. Ермаш Г.Л. О специфике эстетики // Научно-методические записки. Вып. 11. Свердловск. 1959. 6 с.
5. Илларионов В.С. Авторские права на музыкальные произведения, распространенные в сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Илларионов Виталий Сергеевич. – М.: 2013. 31 с.
6. Комаров А.В. Восстановление произведений П.И. Чайковского в истории русской музыкальной текстологии: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Комаров Александр Викторович. – М.: 2006. 260 с.
7. Кузьмин А.Р. Нотация в музыке XX века: учеб. - метод. пособие / Кузьмин Алан Рудольфович. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Изд. 2. – Челябинск, 2010. 100 с.
8. Матвеев А.Г. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства: учеб. пособие / А. Г. Матвеев; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2015. 444 с.
9. Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. – М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. 328 с.
10. Моряхин В.А. Синтезированный музыкально-художественный проект как явление культуры рубежа XX-XXI веков / автореф. ... канд. искусствоведения: 17.00.09 / Моряхин Владимир Анатольевич. – Санкт-Петербург. 2009. 26 с.
11. Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.

References

1. Bendus T.I. Embodiment of the aesthetic ideal in an artistic image / based on modern fiction / author's abstract ... candidate of philosophical sciences: 09.00.04 / Bendus Tamara Ivanovna. – Moscow, 1990. 27 p.
2. Veshkurtseva Z.V. Actual problems of compensation for moral damage in case of violation of personal non-property rights on the Internet and other information and communication networks: diss. ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Veshkurtseva Zoya Valerievna. – M.: 2014. 214 p.
3. Vygotsky L.S. Psychology of art. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka Atticus, 2019. 448 p.
4. Ermash G.L. On the Specificity of Aesthetics // Scientific and Methodological Notes. Issue 11. Sverdlovsk. 1959. 6 p.
5. Illarionov V.S. Copyright on Musical Works Distributed on the Internet: Abstract of Cand. Sci. (Law): 12.00.03 / Illarionov Vitaly Sergeevich. – Moscow: 2013. 31 p.
6. Komarov A.V. Restoration of P.I. Tchaikovsky's Works in the History of Russian Musical Textology: Cand. Sci. (Art Criticism): 17.00.02 / Komarov Aleksandr Viktorovich. – Moscow: 2006. 260 p.
7. Kuzmin A.R. Notation in Music of the 20th Century: Textbook and Method Manual / Kuzmin Alan Rudolfovich. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. – Publ. 2. – Chelyabinsk, 2010. 100 p.
8. Matveyev A.G. Intellectual property rights to works of science, literature and art: textbook / A.G. Matveyev; Perm. state national research university. – Perm, 2015. 444 p.
9. Molchanov V.I. Distinction and experience: phenomenology of non-aggressive consciousness. – Moscow: Modest Kolerov and "Three squares", 2004. 328 p.
10. Moryakhin V.A. Synthesized musical and artistic project as a cultural phenomenon of the turn of the 20th-21st centuries / author's abstract ... candidate of art history: 17.00.09 / Moryakhin Vladimir Anatolyevich. – St. Petersburg. 2009. 26 p.
11. Musical Encyclopedic Dictionary / Ed. G.V. Keldysh. – M.: Soviet Encyclopedia, 1990. 672 p.

Саипунайцайэр Долайти

Докторант. Кафедра китайского языка и литературы, Северо-Западный университет Мин-зу, г. Ланьчжоу, провинция Ганьсу, Китай.

Уйгурский перевод терминов китайской медицины в романе «Сон в красном тереме»: культурная коннотация и стратегия точности перевода как перспектива*

Аннотация. Данная статья подробно рассматривает уйгурский перевод терминов китайской медицины в романе «Сон в красном тереме». Автор статьи на конкретных примерах анализирует эффективность перевода в аспекте передачи культурных коннотаций и использования переводческих стратегий. В романе «Сон в красном тереме» широко раскрывается тема китайской медицины. Автор подчеркивает, что уйгурский перевод романа вносит определенный вклад в распространение культуры китайской медицины. Цель настоящей статьи – предложить переводческие стратегии, использование которых может способствовать эффективному распространению культуры китайской медицины, и повысить уровень исследований перевода в сфере китайской медицины.

Ключевые слова: классическая китайская литература, китайско-уйгурский перевод романа «Сон в красном тереме», терминология китайской медицины, «Сон в красном тереме», стратегии перевода.

Sayipunaizaier Duolaiti

Department of Chinese Language and Literature, Northwest Minzu University, Lanzhou, Gansu, China.

Study on the Uyghur translation of Chinese medicine terms in dream of red mansions: - cultural connotation and precision strategy as a perspective

Abstract. This paper discusses in depth the Uyghur translation of Chinese medicine terms in *Dream of Red Mansions*, and analyzes its performance in the transmission of cultural connotations and the use of translation strategies by dissecting specific cases. It is found that *Dream of Red Mansions* contains rich knowledge of Chinese medicine, and its Uyghur translation has made some contribution to the dissemination of Chinese medicine culture, but there are also many problems. The

* © Саипунайцайэр Долайти, 2025.

Уйгурский перевод терминов китайской медицины в романе «Сон в красном тереме»: культурная коннотация и стратегия точности перевода как перспектива

purpose of this paper is to propose precise translation strategies to promote the effective dissemination of Chinese medicine culture and enhance the level of Chinese medicine translation research.

Key words: classical Chinese literature, Chinese-Uyghur translation of the novel “Dream of the Red Chamber”, terminology of Chinese medicine, “Dream of the Red Chamber”, translation strategies.

Данная статья является частью проекта «Перевод и распространение произведений Мо Яня в Синьцзяне» (проект № 2022CZCX-182) в рамках программы для выдающихся аспирантов провинции Ганьсу «Звезда инноваций» (2022).

This paper is a part of the 2022 Gansu Provincial Outstanding Graduate Student “Star of Innovation” Program, “Research on the Translation and Dissemination of Mo Yan’s Works in Xinjiang” (Project No. 2022CZCX-182).

Introduction

As an outstanding representative of the traditional culture of the Chinese nation, Chinese medicine culture carries the crystallization of thousands of years of wisdom and is a valuable cultural wealth of our country. It is not only a medical science, but also contains profound philosophical thinking, humanistic spirit and historical background. *Dream of Red Mansions*, as the pinnacle of Chinese classical literature, is like an encyclopedia, showing the richness of Chinese culture in an all-round way, in which the presentation of knowledge of Chinese medicine is a major highlight. The detailed description of TCM knowledge in the book involves basic theories of TCM, pathology, traditional Chinese medicine, prescriptions and other aspects, which provides vivid materials for us to understand the development and application of TCM in ancient times. At a time of accelerated globalization, China is actively promoting the dissemination of traditional Chinese culture on the world stage, and the advancement of the “One Belt, One Road” initiative creates more opportunities for intercultural exchanges. Translation, as a key bridge for cultural exchange, has become more and more important. Through translation, Chinese culture can go to the world, so that the world can better understand China, which is of great significance to enhance China’s cultural soft power and build the image of a great country. *Dream of Red Mansions* has attracted much attention both at home and abroad because of its profound cultural heritage and outstanding artistic value. Translation research on it not only helps to spread Chinese culture, but also promotes understanding and communication among different cultures. However, due to the significant differences between Chinese and Western cultures as well as the cultures of various ethnic groups, there are many challenges in the translation process of *Dream of Red Mansions*, especially the translation of Chinese medicine terms. Chinese medicine terms have unique cul-

tural connotations and professional characteristics, and their translation involves not only language conversion, but also the transmission of culture. How to accurately and appropriately translate these terms into Uyghur so that Uyghur readers can understand and appreciate the cultural connotations is an urgent problem to be solved. Translation studies have gone through a long period of development, from the initial simple code-switching to the gradual deepening of cultural level considerations. Nowadays, people realize that translation is not only the conversion of language, but also the transmission of culture. The translation of literary works involves multidisciplinary knowledge, and it is often difficult to grasp its essence only from the perspective of language, so the role of cultural factors in translation has been increasingly emphasized. Among the many translations of *Dream of Red Mansions*, the Uyghur translation provides an important way for the dissemination of Chinese medicine culture among Uyghurs and other minority groups. However, due to the difference in cognitive background between the author of the original text and the readers of the translated text, the phenomenon of “cultural omission” inevitably occurs, which brings difficulties in the translation of Chinese medicine terms. Previously, the translation studies of *Dream of Red Mansions* focused on familiar words and dress words, but there is a relative lack of studies on the translation of Chinese medicine terms, especially from the perspective of cultural connotation and precise translation strategies. Therefore, an in-depth study of the Uyghur translation of TCM terms in *Dream of Red Mansions*, exploring their cultural connotations and searching for precise translation strategies, is of great theoretical and practical significance, and is expected to provide new ideas and methods for the dissemination and development of TCM culture.

1. Analysis of Chinese Medicine Terminology in the Uyghur Translation of *Dream of Red Mansions*

1.1 Rich Knowledge of Chinese Medicine *Dream of Red Mansions* contains extremely rich knowledge of Chinese medicine, just like a treasure house of Chinese medicine culture

According to statistics, 66 chapters of this work, i.e., more than half of the chapters involve the knowledge of Chinese medicine, which is detailed in 291 places with more than 5000 words. The book covers 161 terms, 114 kinds of diseases, 125 kinds of Chinese medicines, 45 formulas, 14 doctors, and 13 disease cases, which are rich and varied, demonstrating the author Cao Xueqin's proficiency in the knowledge of Chinese medicine. The author skillfully integrates the knowledge of Chinese medicine with the descriptions of the work, which elevates the Chinese cultural flavor of the work to a new level. For example, through the description of the characters' illnesses and the narration of the treatment process, the unique methods of TCM in diagnosing and treating diseases are demonstrated; through the use of Chinese herbal prescriptions, the idea of TCM's diagnosis and treatment is embodied. These descriptions not only enrich

the content of the work, but also provide vivid cases for readers to understand the practice of ancient Chinese medicine.

1.2 Translation Analysis of Specific Terms

Terminology of TCM: The terminology of TCM contains profound classical Chinese philosophical ideas, such as the concepts of “yin and yang” and “five elements”. The doctrine of “yin and yang” embodies the understanding of the traditional Chinese philosophy on the relationship between nature and human body, which is the description of the objective law of nature and the movement of everything in the world in ancient China, and it represents the most basic antagonistic relationship of things, in which yin and yang, with opposite attributes, oppose, constrain and transform each other, and it is used to describe the organization of human body in TCM. In Chinese medicine, it is used to describe the organizational structure, physiological functions and pathological changes of the human body. There is no direct equivalent in Uyghur, so the translator may use interpretive translation to describe the interrelationship of yin and yang and their embodiment in the human body, but it may be difficult for such translation to fully convey its philosophical depth and cultural connotations. For example, in the thirty-first chapter, Xiangyun discusses “yin and yang” with her maid Cuizhi, the term “yin and yang” in the original is a unique term in ancient Chinese philosophy, and the translator uses the terms musbät (plus) and mänpi (minus) to indicate that there is no corresponding term. The translator used musbät positive (plus) and mänpi negative (minus) in the translation, and in the absence of a corresponding term, the phonetic translation using the dissimilation strategy conveys to the reader to a certain extent the fundamental theoretical characteristics of “yin and yang” in Chinese medicine, but readers may still need to further understand the deeper philosophical and cultural connotations of the term. “The correspondence between gold, wood, water, fire, and earth in the doctrine of the five elements and the five human organs also needs to be explained in detail in the translation. In Chinese medicine, the five elements correspond to the five organs, which are liver-wood, heart-fire, spleen-earth, lungs-gold, and kidneys-water. The wood in nature has the characteristics of growth, ascension, relaxation, and organization, and the liver likes to be organized and hates to be depressed, and it has the function of regulating the blood and qi, and regulating the emotions and moods, therefore, it is necessary to explain in detail when translating. It has the function of dredging up qi and blood, and regulating emotions, so the liver belongs to the wood, and so on. Translators translate the Five Elements using a dissimilation strategy, i.e., direct translation with footnotes, e.g., liver-wood (däräx), heart-fire (ot), spleen-earth (tupraq), lung-gold (mital), and kidney-water (su), but some of the translations do not explain the doctrine of the five elements with the five organs, which tends to confuse readers who are not well versed in Chinese medicine culture.

Pathology-related terms: *Dream of Red Mansions* describes a variety of dis-

eases, and the translation of these pathology-related terms needs to take into account the characteristics of Chinese medicine and Uyghur language expression habits. The names of some diseases have a strong cultural color of Chinese medicine, such as “Liver Depression and Qi Stagnation”, which is not only related to the physiological function of the liver, but also related to emotions and the operation of qi and blood. Translating such terms in Uyghur is not an easy task to accurately convey the pathological mechanisms of the conditions. Translators may need to make appropriate adjustments and explanations, taking into account Uyghur medicine’s knowledge of similar illnesses, so that readers of the translated text can understand the nature of the illness. For example, when describing a character’s illness, some terms specific to Chinese medicine are often used, which do not have direct equivalents in Uyghur, and the translator needs to convey their meanings by means of paraphrasing and interpretation. However, such cross-cultural translation may lead to the loss of some cultural connotations and affect the readers’ understanding of the uniqueness of TCM pathology. Taking “liver depression and stagnation of qi” as an example, the translator may interpret it as poor qi and blood circulation in the liver, but may not be able to fully convey to the reader the cultural connotation of the relationship between emotions and internal organs in TCM.

TCM and formula terminology: The translation of TCM names and formula names is unique. Some of the 125 Chinese medicines mentioned in *Dream of Red Mansions* may not exist or be perceived differently in the Uyghur region. For example, the Chinese medicine “ginseng” has rich symbolic meaning and medicinal value in Chinese culture. It is not only a precious herb, but also often associated with concepts such as nourishment and health maintenance. Translation should not only convey its name, but also explain its origin and efficacy. The name of a formula, such as “Four Substances Tang”, is more difficult to translate because it must reflect not only the constituent herbs of the formula, but also its main medical conditions and effects. Translators may adopt the method of phonetic translation and Italian translation, such as translating “ginseng” as “renshen”, but there is still room for improvement in conveying the TCM theory and cultural significance behind the formula. For some compound prescriptions, it is even more important to accurately convey the synergistic relationship and synergistic effect between the various medicines, as well as the disease and treatment principle of the prescription, which is a great challenge for translators.

1.3 Translation Characteristics

As a whole, the Uyghur translation of *Dream of Red Mansions* shows some flexibility in the translation of Chinese medicine terms. The translators will use a variety of translation methods comprehensively according to the characteristics of different terms and try to make the translation conform to the linguistic habits of Uyghur language as much as possible. To a certain extent, the cultural characteristics of Chinese medicine terminology are preserved, and through notes or explanatory texts, readers are helped to understand some concepts that

are difficult to translate directly. For example, when translating some terms with cultural connotations, the translator will adopt the way of adding notes to give a brief introduction to the related TCM knowledge, so that readers can better understand the meaning of the original text. However, due to the great differences in culture and language, some of the translations still appear to be hard and fail to fully realize the precise transmission of cultural connotations. The rich cultural imagery and philosophical ideas embedded in some TCM terms may be simplified or diluted in the translation process, affecting readers' comprehensive understanding of TCM culture.

1.4 Translation Achievements and Shortcomings

The achievement of this translation lies in opening a window for Uyghur readers to understand the TCM culture in *Dream of Red Mansions*, so that the TCM culture can be more widely disseminated in ethnic minority areas. The translator has made efforts and accumulated some experience in dealing with complex Chinese medicine terminology. Through the translation, Uyghur readers are able to get in touch with the rich knowledge of TCM in *Dream of Red Mansions* and feel the charm of TCM culture. However, the shortcomings are more obvious.

1.4.1 Translation Achievements

The achievement of this translation lies in opening a window for Uyghur readers to understand the culture of Chinese medicine in *Dream of Red Mansions*, so that the culture of Chinese medicine can be more widely disseminated in ethnic minority areas. The translator has made efforts and accumulated some experience in dealing with the complex TCM terminology. The specific performance is as follows:

Dissemination of TCM culture: By translating the TCM terminology in *Dream of Red Mansions* into Uyghur, Uyghur-speaking readers, who were originally unfamiliar with TCM culture, have the opportunity to contact and understand this unique cultural field. This helps to broaden the readers' knowledge and enhance their understanding of the plurality of Chinese culture, and promotes the exchange and integration between different ethnic cultures.

Preservation of cultural characteristics: To a certain extent, the cultural characteristics of Chinese medicine terminology are preserved. The translator has adopted various ways, such as using notes or explanatory texts for some concepts that are difficult to translate directly, so that readers can have a preliminary understanding of the cultural connotations behind Chinese medicine terminology. This treatment reduces to a certain extent the obstacles to understanding due to cultural differences, and lays the foundation for the dissemination of Chinese medicine culture in ethnic minority areas.

Accumulation of translation experience: In the face of the rich variety and complexity of TCM terminology in *Dream of Red Mansions*, the translator has accumulated valuable experience through continuous exploration and attempts in the translation process. These experiences have certain reference value for the

subsequent translation work of Chinese medicine terminology as well as other translation projects involving traditional culture, and help to promote the translation field to be more mature and perfect in dealing with similar culturally loaded words.

2.4.2 Inadequate Translation

However, the translation also has some deficiencies in the translation of TCM terms, which are mainly reflected in the following aspects:

Inaccurate conveyance of cultural connotations: some of the terminology translations fail to accurately convey their cultural connotations, leading to difficulties in readers' understanding. TCM terminology often carries rich historical, philosophical and cultural information, which is easily lost or misunderstood in the translation process. For example, some terms that reflect the unique theoretical system of TCM, such as "qi and blood" and "meridians", although the translators may have translated them literally, they have failed to convey their deeper cultural and medical connotations to the readers in an appropriate way. This makes the readers may be confused in understanding the theories of Chinese medicine and related contents, and unable to truly appreciate the essence of Chinese medicine culture.

Translation consistency problem: There is a problem in translation consistency, where the translation of the same or similar terms in different contexts may differ. This inconsistency can cause confusion in readers' understanding and affect their systematic grasp of the TCM knowledge in the work. For example, for the translation of certain Chinese medicine names or TCM diseases, different translations may appear in different chapters, which not only destroys the coherence of the translation, but also reduces the professionalism and credibility of the translation.

Insufficient display of unique charm: The translation fails to fully display the unique charm of some terms with deep cultural heritage. Many words in TCM terminology have unique imagery and symbolism, and these elements are important parts of TCM culture. However, in the process of translation, due to various reasons, these unique charms are often neglected or diluted. Take the names of some prescriptions as an example, the names may contain rich historical allusions or cultural meanings, but the translation may simply translate the composition or effects of the prescriptions without conveying the cultural flavor, which makes it difficult for readers to feel the profoundness and unique charm of Chinese medicine culture.

Improper handling of cultural omissions: Due to the difference in cognitive background between the author of the original text and the readers of the translated text, the phenomenon of "cultural omissions" inevitably occurs. When dealing with these cultural omissions, some translations fail to adopt effective compensation strategies. For example, some TCM concepts closely related to traditional Chinese culture, such as the five elements and the balance of yin and yang, may be unfamiliar to Uyghur readers. If the translator does not provide

appropriate explanations or backgrounds for these concepts when translating, the readers may be puzzled by the related contents, thus affecting their understanding of the whole work.

Stiff language expression: Some translators appear to be stiff in language expression, failing to give full consideration to the linguistic habits and aesthetic characteristics of Uyghur language. The terminology of Chinese medicine itself is quite specialized and obscure, and if it cannot be well transformed into natural and fluent Uyghur expressions in the translation, it will make the translated text read awkwardly and unnaturally, which will reduce the reading experience of the readers. To a certain extent, this also affects the dissemination effect of TCM culture among Uyghur readers.

Bias in understanding of specialized knowledge: In individual cases, the translator's understanding of specialized knowledge of Chinese medicine may be biased, leading to errors or inaccuracies in translation. The theory and practice of Chinese medicine has a unique system and logic, and for translators who are not familiar with Chinese medicine, misunderstandings may occur in the process of understanding and translation. For example, inaccurate understanding of the pathological mechanisms of certain conditions or the efficacy of Chinese medicines may result in the translation failing to accurately convey the meaning of the original text, thus affecting the readers' correct acquisition of knowledge about Chinese medicine.

Insufficient consideration of readers' acceptance: In the process of translation, the acceptance and comprehension of the readers of the translated text are not considered comprehensively enough. Some translation methods and strategies may focus too much on retaining the form and content of the original text, while ignoring the readers' actual feelings and comprehension difficulties during the reading process. This may lead to the fact that the translated text, although more accurate at the academic level, is difficult for ordinary readers to comprehend, thus limiting the dissemination of TCM culture among a wider group of readers.

Lack of systematicity and standardization: On the whole, the translation lacks systematicity and standardization in the translation of Chinese medicine terms. A complete and unified set of translation standards and methods has not been formed, leading to differences in the translation treatment of different parts by different translators or the same translator. This lack of systematic translation is not conducive to the accurate dissemination and inheritance of Chinese medicine culture, and also brings certain difficulties to the subsequent research and study.

Problem of adaptability to the times: With the development of the times and the continuous dissemination of Chinese medicine culture, some new Chinese medicine concepts and terminologies keep emerging, while the readers' cognition and needs of Chinese medicine culture are also changing. To a certain extent, the translation may not be able to keep up with these changes in time, and there is insufficient response to some new elements or readers' needs in the translation, which

makes the translation have certain limitations in terms of epochal adaptability.

Summary:

This study focuses on the Uyghur translation of Chinese medicine terms in *Dream of Red Mansions* and analyzes the cultural connotation and translation strategies in depth, aiming to provide valuable references for the dissemination of Chinese medicine culture and the study of Chinese medicine translation.

As a masterpiece of Chinese classical literature, *Dream of Red Mansions* contains rich knowledge of Chinese medicine, which is like a treasure house of Chinese medicine culture. Its Uyghur translation has built an important bridge for the dissemination of TCM culture among Uyghur and other minority groups. However, through the detailed analysis of the translation of Chinese medicine terms in the translation, we find that there are many problems and challenges.

In terms of translating the basic theories of Chinese medicine, such as “yin and yang” and “five elements”, due to their profound classical Chinese philosophical thoughts, there is no direct equivalent in Uyghur, and the existing translations have adopted methods such as explanatory translations or direct translations with footnotes, but the existing translations have not been effective in conveying their philosophical depth and cultural connotations. Although the existing translations adopt methods such as explanatory translation or direct translation with footnotes, they are insufficient in conveying the philosophical depth and cultural connotation. In the translation of terms related to pathology, although it is necessary to take into account the characteristics of Chinese medicine and the expression habits of Uyghur language, the cross-cultural translation leads to the loss of some cultural connotations, which affects the readers’ understanding of the uniqueness of Chinese medicine and pathology. It is more difficult to translate the terminology of traditional Chinese medicine and prescription, and it is difficult to accurately convey the symbolism of traditional Chinese medicine and the composition and efficacy of prescription, etc. The existing translations still have room for improvement in presenting the theoretical and cultural significance of traditional Chinese medicine.

Although the translations show a certain degree of flexibility in translating TCM terminology, utilizing a variety of methods in a comprehensive manner, preserving cultural characteristics to a certain extent and helping readers understand through annotations, some of the translations are hard and the cultural connotations are not accurately conveyed due to cultural and linguistic differences. At the same time, there are problems with the consistency of translation, as the same or similar terms may be translated differently in different contexts, and the unique charm of some culturally profound terms is not sufficiently displayed, which affects the effect of TCM culture dissemination.

To address these problems, we propose a series of precise translation strategies. In the process of translation, we should uphold the cultural characteristics and focus on the conceptual and cultural charms, for example, the translation of

“yin and yang” adopts the phonetic translation method of the alienation strategy, so as to achieve the equivalence of communication purposes on the basis of maintaining the conceptual and cultural characteristics of Chinese medicine terminology. Adhering to the multiple semantics of Chinese medicine and clarifying the meanings of terms according to the context, for example, the translation of “qi” reflects the original flavor of Chinese medicine by staying close to the culture and life of Uyghur medicine. Adopting the method of direct translation and annotation to explain terms such as “five elements”, so that readers can obtain basic information about Chinese culture. Flexible use of the Italian translation strategy, such as the translation of “pulse”, to realize the semantic equivalence of vocabulary, and at the same time, the Italian translation and phonetic translation can retain the cultural characteristics of Chinese medicine and reproduce the aesthetic style of the original work.

In addition, translators should have solid basic knowledge of ancient Chinese language, philosophy and Chinese medicine, and study *Dream of Red Mansions* in depth in order to better understand and convey the cultural connotations of the original text. With the increasing demand for translation in the society, it is necessary to summarize the lessons learned, set up a systematic translation research team, and formulate unified standards, principles and strategies to continuously enhance the influence and popularity of Chinese medicine culture, and to promote the effective dissemination of Chinese medicine culture among different cultures.

Библиографический список / References

1. Zhang Peiji. English-Chinese Translation Course [M]. Shanghai Foreign Language Education Press, 1980.
2. Hawkes, Minford. The Story of the Stone [M]. Penguin Books, 1980-1988.
3. Barbara Godard “Language and sexual difference: the case of translation” [J]. Atkinson Review of Canadian Studies, 1984. № 2 (1).
4. Lu Shuxiang. Chinese People Learning English [M]. Foreign Language Teaching and Research Press, 1995.
5. Yang Xianyi, Dai Naidian. Dream of Red Mansions [M]. The New York Times.
6. Liu Miqing. Dream of Red Mansions [M]. Hubei Education Press, 1999.
7. Guo Jianzhong. Culture and Translation [M]. China Foreign Translation and Publication Company, 2000.
8. Cao Xueqin, Gao Osprey. Dream of Red Mansions [M]. People’s Literature Publishing House, 2008.
9. Chen Hongwei, Li Yadan. New Chinese-English Translation Course [M]. Shanghai Foreign Language Education Press, 2004.
10. Fang Mengzhi. A dictionary of translation [M]. Shanghai Foreign Language Education Press, 2004.
11. Tan Zaixi. A brief history of western translation (revised edition) [M]. Commercial Press, 2004.
12. Bao Huinan, Bao Ang. Chinese culture and Chinese-English translation [M]. Chinese Culture and Chinese-English Translation [M].
13. Xu Jun. Translation [M]. Hubei Education Press, 2003.
14. Ding Zhidao, Wu Bing, Zhong Meisun, et al. Handbook of English Writing: The Elements of Style [M]. Foreign Language Teaching and Research Press, 2009.
15. Tse T.-Z. Translation and Interpretation (Updated Edition) [M]. Translation and Interpretation [M].
16. Gao X.-M. Chinese medicine [M]. [Name of publisher], 2017.
17. Wang Zhiyue. Chinese medicine prescription science [M]. [Name of publisher], 2017.

Ткачук И.Б.

Аспирант кафедры философии и культурологии. Челябинский государственный институт культуры.

Феномен культуры преодоления: система индивидуальных ценностей в стратегиях личностного роста*

Аннотация. В статье представлен феномен культуры преодоления как результат исследования автором стратегий личностного роста. Мы рассматриваем этот феномен в корреляции с процессами социализации и инкультурации, представляя культуру преодоления на нескольких уровнях: в материальной и духовной сфере, традициях и новациях, языке и литературе, творчестве. Специфика этого феномена является своеобразной культурной тенденцией, отражающей уникальность актуального периода истории культуры: оптимальность выбора стратегии, направленной на способность личности: усвоить существующие в культуре ценности, встроиться в систему норм, сохранить индивидуальность и неповторимость. Культура преодоления представляет собой рефлексии личности во взаимодействии с социальными факторами и культурными процессами, происходящими в определенный период истории. Рефлексия, демонстрирующая индивидуальную систему ценностей личности, раскрывается: в аффектах, паттернах и воле - компонентах стратегии личностного роста. Автор рассматривает выбор индивидуальной системы ценностей не только как биологическую интуитивную способность человека предвидеть опасность и избежать ее, но и как социокультурную специфику выбора человека, предполагающую результат его действий — продуктивное достижение поставленной цели — через стратегии конфликта, балансирования или сублимации. Распространенность определенного типа стратегии личностного роста в определенный период истории создает картину культуры преодоления народа и страны, фиксируя изменение личностных качеств индивидов, изменяющих мир в целом. Автор обращается к фактам из истории культуры и искусства, демонстрируя примеры культуры преодоления.

Ключевые слова: культура преодоления, стратегии личностного роста, социализация, инкультурация, материальная и духовная культура, традиции и новации, ценности и нормы, язык и литература, социальная культура.

Tkachuk I.B.

Post-graduate Student of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts.

Culture of overcoming as a specificity of adaptive personality behavior: sociocultural factors of influence

* © Ткачук И.Б., 2025.

Феномен культуры преодоления: система индивидуальных ценностей в стратегиях личностного роста

Abstract. The article presents the phenomenon of the culture of overcoming as a result of the author's study of personal growth strategies. We consider this phenomenon in connection with the processes of socialization and enculturation, presenting the culture of overcoming at several levels: in the material and spiritual sphere, traditions and innovations, language and literature, creativity. The specificity of this phenomenon lies in a peculiar cultural tendency reflecting the originality of the current period of cultural history: the optimality of the choice of a strategy aimed at the ability of an individual to: assimilate existing cultural values, integrate into the system of norms, maintain individuality and uniqueness. The culture of overcoming is a reflection of the personality in interaction with social factors and cultural processes occurring in a certain period of history. The reflection demonstrating the individual value system of the personality is revealed: in affects, patterns and will - components of the personal growth strategy. The author considers the choice of an individual value system not only as a biological intuitive ability of a person to foresee danger and avoid it, but also as a socio-cultural specificity of a person's choice, which implies the result of his actions - productive achievement of the set goal - through strategies of conflict, balancing or sublimation. The prevalence of a certain type of personal growth strategy in a certain period of history creates a picture of the culture of overcoming a people and a country, recording the change in the personal qualities of individuals changing the world as a whole. The author refers to facts from the history of culture and art, demonstrating examples of the culture of overcoming.

Key words: culture of overcoming, personal growth strategies, socialization, enculturation, material and spiritual culture, traditions and innovations, values and norms, language and literature, social culture.

Введение

Феномен культуры преодоления представлен в данной статье как результат исследования автором стратегий личностного роста. Автором выявлено, что каждая из стратегий личностного роста демонстрирует культуру преодоления и может дестабилизировать, стабилизировать или нейтрализовать социокультурные процессы.

Стратегия личностного роста – как инструмент, пространство и процесс демонстрирует:

- преобладающий способ реагирования на социокультурную ситуацию: контроль, баланс или трансформацию;
- представляет величину и степень конфликта, вины и воли – субъекта
- в контексте актуальных ценностей и норм;
- указывает на типичные реакции культурных групп как субъектов культуры;
- визуализирует тип психологической защиты индивида во взаимодействии субъектов с субъектами и объектами культуры;
- представляет культурные особенности субъектов определённого географического объекта;
- указывает на культурные доминанты, характерные для какого – либо периода истории.

Нужно отметить, что три компонента стратегии личностного роста:

аффект, паттерн и воля - одновременно указывают на индивидуальный выбор и адаптационные предпочтения субъекта, но одновременно - на тип культуры преодоления – как коллективную тенденцию и возможный вызов традициям. Поскольку каждый из компонентов стратегии был сформирован: в процессе конкретных исторических событий, на определённой территории, в результате актуального традиционного воспитания – мы можем отследить влияние названных релевантов на стратегии личностного роста.

Приведём примеры влияния релевантов на стратегии личностного роста и культуру преодоления.

Безжалостное отношение к слабым субъектам в Спарте сформировало культурную ситуацию, когда преобладал компонент стратегии - контроль и контролируемые стратегии, для которых характерны нетерпимость, жестокость, однополярность мышления, что в дальнейшем повлекло самоуничтожение культуры. Дестабилизация культуры указывает на высокий уровень конфликта внутри стратегий личностного роста, и на низкий уровень вины.

В активной жестокой борьбе в Нигерии мы наблюдаем также преобладание контролируемых стратегий личностного роста, о которых говорилось выше: невозможность диалога, преобладание компонента конфликта, низкий уровень вины – дестабилизируют культуру.

В конфликтах на Кавказе представлена также контролирующая стратегия, наполненная болью, страданиями, нетерпимостью к слабым или сомневающимся субъектам. Волевое подавление конфликта лишь на время стабилизирует культуру.

В пассивном сопротивлении насилию - в Индии - мы наблюдаем балансирующие и сублимирующие стратегии личностного роста, для которых характерны гибкость, мудрость, дискуссия, пауза, невысокий уровень конфликта, средний уровень вины, что делает культуру стабильной и жизнестойкой.

В спокойном развитии стран Прибалтики мы наблюдаем сублимирующие и балансирующие стратегии, что также делает культуру стабильной.

В стабильности России – нам представлены различные стратегии преодоления: контролируемые, балансирующие, сублимирующие. В этом многообразии культуры преодоления мы наблюдаем: конфликт – в действиях оппозиции, бойцов, карьеристов; баланс – в стратегиях стабильных, бюджетников, волонёров, родителей, творческих; сублимацию – в стратегиях терпеливых.

В контексте темы исследования важно отметить, что: снижение уровня конфликта и поддержание вины на уровне выше средних величин - в стратегиях - приводит к стабилизации культурных процессов и способствует сохранению порядка на территориях, целостности границ и соблюдению

Закона – в государстве, а повышение уровня конфликта выше средних величин, но значительное снижение компонента вины дестабилизирует культурные процессы.

Таким образом, феномен культуры преодоления не только демонстрирует нам систему индивидуальных ценностей и норм в стратегиях личностного роста, но и диагностирует также их влияние на процессы в культуре и на безопасность государства.

Культура преодоления в научном дискурсе: обзор подходов

Феномен «преодоление» представлен в работах, Гегеля В.Ф.[1], Сорокина П.А. [2], Невелева А.Б. [3], Мацына А.И. [4], Беловой А.С. [5], а также обобщён, например, в статьях Ткачук И.Б. [6]. Однако, феномен «культура преодоления» встречается:

- в трудах А.И. Мацына – в контексте политики [4],

С точки зрения автора данной статьи, феномен культуры преодоления требует более полного изучения в культурологическом аспекте: в корреляции с типичными реакциями культурных групп как проблеме антропологии культуры.

Не смотря на семантическую схожесть феноменов «преодоление» и «культура преодоления», а также присутствие корреляций – по сути эти феномены представляют иные плоскости: в первом случае - философское осмысление в преломлении времени; во – втором – практическое воплощение: инструмент, пространство и процесс – формирующие стратегии, влияющие на безопасность государства, регулирующие способы адаптивного поведения субъекта, демонстрирующие систему ценностей и норм конкретных субъектов в актуальной культуре, характеризующие определённый период истории культуры.

Культурологический аспект культуры преодоления представлен автором ранее, однако мы предполагаем дальнейшее исследование данного феномена: каждая корреляция культуры и личности визуализирует, фиксирует и характеризует особенности развития и состояния актуального периода истории культуры.

Поскольку мы связываем культуру преодоления с самоактуализацией личности – мы можем рассмотреть феномен культуры преодоления в преломлении взглядов учёных на феномен личности:

- если рассмотреть личность как «развивающуюся и открытую психофизиологическую систему», то феномен «культура преодоления» может быть представлен нами как эквивалент свободного мышления и свободы действий;

- традицию уважения к типу преодоления личностью негативных событий мы можем увидеть в работах Карла Роджерса как «основывающуюся на самооценке, которая возникает в результате общения с окружающими»;

– независимость культуры преодоления мы можем исследовать в контексте теории Абрахама Маслоу как «актуализированные врождённые способности, актуализирующиеся под влиянием социальных условий»;

– естественность и закономерность формирования культуры преодоления мы видим в работах Эрика Эриксона как «развивающееся эго в жизненных циклах, как объект влияния социальных и исторических сил»;

– контролирующий тип культуры преодоления, с нашей точки зрения, представлен Эрихом Фроммом как «конфликтующие между собой стремление к свободе и безопасности»;

– балансирующий тип стратегии преодоления, опирающийся на феномен вины, в нашем понимании, представлен Кареном Хорни как «результат отношения ребёнка с родителями, поиск и отсутствие безопасности и невроз»;

– влияние культуры преодоления на тип преодоления личности и его стратегию личностного роста представлен Р. Кеттелом как «исходные 16 качеств и влияние социальной среды»;

– корреляцию культуры преодоления с нейротизмом и психопатией – как внутренней и внешней формой реакции – мы можем увидеть в работах Г. Айзенка как «интроверсию-экстраверсию, стабильность – нейротизм»;

– также тип преодоления можно рассмотреть в работах Б.Ф. Скиннера как «респондентное и оперантное поведение»;

– типологию стратегий личностного роста в корреляции с культурой преодоления мы можем рассмотреть в работах Джорджа Келли как «любое событие для каждого человека открытое для многократного интерпретирования».

Таким образом, феномен культуры преодоления может быть представлен на нескольких уровнях:

– на когнитивном, определяющем мысли и идеи как эквиваленте свободного мышления и свободы действий;

– на эмоциональном, отражающем нормы и ценности в паттернах как уважение к традиции;

– на рациональном, воплощающем действия и поступки как естественном и закономерном историческом процессе.

Уровни культуры преодоления: когнитивный, эмоциональный и рациональный по своей наполненности коррелируют с компонентами стратегий личностного роста – аффектом, паттерном и волей.

Итак,

– когнитивный уровень представлен основным компонентом стратегии – аффектом, который визуализирует тип мышления и моделирующий компонент – конфликт – в стратегии личности;

– эмоциональный уровень представлен основным компонентом стра-

тегии – паттерном, который визуализирует тип реакции и моделирующий компонент – вины – в стратегии личности;

- рациональный уровень – представлен основным компонентом стратегии – волей - в стратегии личности.

Таким образом, взаимодействие субъектов и объектов - в контексте исследования культуры преодоления – можно рассмотреть как систему: действий и взглядов, индивидуальных ценностей.

Рассмотрим различные уровни системы культуры преодоления:

- в системе учреждений: Торстейн Веблен – представитель когнитивной концепции - определял институт как «стереотип мысли», «привычные способы реагирования на стимулы», «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» - как аффект и тип реакции;

- в системе категорий: по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, «институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода – как паттерн и тип мышления;

- в системе параметров жизнедеятельности: Пол Димаджо и Уолтер Пауэлл заявляют, что «институционализация – в первую очередь, когнитивный процесс»: «Не нормы и ценности, но заданные схемы (scripts), правила, классификации – вот из чего сделаны институты». Таким образом, институты в данной концепции понимаются как «когнитивные схемы» - ментальные модели, посредством которых акторы воспринимают и интерпретируют окружающий мир – как воля и сублимация.

Культура преодоления как специфика адаптивного поведения:

Типы стратегий преодоления в искусстве, литературе, музыке

Культура преодоления выражена в литературе, архитектуре, музыке, живописи, кинематографии - как осмысленный опыт проживания. В юридическом поле, в поле социокультурных отношений - культура преодоления накапливает опыт прошлого. Субъекты несут этот опыт, периодически воплощая его в произведениях культуры и искусства, юриспруденции, политике.

Рассмотрим феномен культуры преодоления в корреляции со стратегиями личностного роста в произведениях культуры и искусства.

Рассмотрим примеры стратегий преодоления в произведениях культуры.

- в арии Ивана Сусанина «Последняя заря» в опере Глинки «Жизнь за царя» – мы видим контролируемую стратегию героя. Мы связываем эту стратегию с обязательным разрешением стрессовой ситуации «здесь и сейчас» и моделирующим компонентом Конфликт. Данный компонент характеризует группу стратегий «Бойцы» ориентированную: на сохранение

каких – либо границ: личных или государственных, на соблюдение личных или установленных государством правил в актуальной культуре;

– фильм «Ведьма войны» режиссёра Ким Нгуен о войне в Африке – демонстрирует нам балансирующую стратегию личностного роста. Мы связываем данную стратегию личностного роста с преобладающей ценностью Вина, которая демонстрирует балансирующий способ реагирования, давая возможность не только сохранить собственную жизнь, существующую культуру, но и получить ресурсы для укрепления и дальнейшего развития – «выживание – уклонение – побег». Вина выступает основой для выбора охранительных стратегий и тактик реагирования, руководствуясь принципом минимального риска;

– картина нигерийского художника Йинка Шонибааре «Женщина, стреляющая цветущей вишней» демонстрирует нам трансформирующую стратегию реагирования на стресс. Обратимся к предыдущему примеру – и увидим антитезу – оружие войны – автомат Калашникова в руках «Ведьмы войны», стреляющий смертоносными пулями; и цветущая вишня, стреляющая цветами, дарующими жизнь. Исторические события в истории научили людей терпению, смирению, выживанию в любых условиях, сформировали определённое направление в культуре преодоления. Поэтому возможно говорить о сублимации, трансформации и преодолении как о духовном опыте людей, переживших трагические события;

– в известной картине Аркадия Пластова «Весна» мы видим балансирующую стратегию. Особенностью балансирующих типов стратегий личностного роста является социальное взаимодействие в стрессовой ситуации и присутствие продуктивной ценности Вины. Данная ценность ведёт к раскаянию как анализу своей жизни, саморазвитию, изменению негативного жизненного сценария. Стратегии личностного роста, в структуре которых преобладает Вина, находятся в устойчивом в своём балансе состоянии с культурой, чутко реагируя на действие других субъектов, сохраняя свою самодостаточность. Таким образом, феномен Вины выступает эквивалентом таких понятий, как контролёр, мерило, точка отсчёта – совести и актуальному социуму. Образ матери, физически и духовно открытой ребёнку как воплощению образа Бога – в картине – демонстрирует нам вершину терпения и смирения как высших добродетелей балансирующей стратегии – в культуре;

– произведение Виталия Закруткина «Матерь человеческая» – в сцене рождения ребёнка – автор явно переводит ракурс внимания читателя с ужаса войны на жизнь человеческую: в тёмной землянке, одна, потерявшая всё, в сложных для рождения ребёнка условиях – женщина готовится к принятию новой человеческой жизни: как может стирает ветошь, кипит воду для родов. И вот рождается Человек – и нет ничего важнее для Матери. Герой демонстрирует нам трансформирующую стратегию;

– в июне 2024 года широкая общественность могла наблюдать одно из важных культурных событий окончания учебного года в Челябинске - Шоу «Ангелы веры» танцевальной студии «Либерти Денс». На сцене одновременно выступали 1200 детей под песню Максима Фадеева «Скажите детям». В этом шоу участники и зрители смогли визуализировать, прожить и проработать различные стратегии преодоления негативного жизненного сценария: контролирующую, балансирующую и трансформирующую. Таким образом, авторы и организаторы шоу решили важнейшую задачу: профилактику неврозов и суицида у детей, демонстрируя возможность самостоятельного решения любых психологических задач, связанных с взаимодействием ценностей и норм в актуальной культурной ситуации;

– можно привести пример преодоления негативного жизненного сценария великим педагогом и хормейстером Годес Раисой Давыдовной и музыкально-хоровой студии Радуга, в судьбе которых также были воплощены три стратегии культуры преодоления: контролирующая – самостоятельное изменение системы координат собственной жизни – выбор учебного заведения в Санкт - Петербурге, балансирующая стратегия – создание музыкально - хоровой студии Радуга и полное встраивание в систему институциональных практик современной культуры, трансформирующая стратегия – личное прощение системы в отказе в приёме по национальному признаку, принятие и обучение в студию ежегодно на протяжении более тридцати лет - детей независимо от национальности.

Эти культурные события демонстрируют систему ценностей и норм в стратегиях личностного роста - героев культурных событий. Все участники этих событий и сами события как объекты и субъекты культуры – представляют феномен культуры преодоления. Таким образом, культурный и исторический опыт, влияя на систему индивидуальных ценностей и норм, формируют стратегии личностного роста и культуру преодоления.

Компоненты культуры преодоления в корреляции с компонентами стратегии личностного роста

Для лёгкости понимания структуры взаимодействия и специфики феноменов стратегии личностного роста и культуры преодоления - мы предлагаем обобщенные схемы (Рис. 1, рис. 2).

Схема стратегии личностного роста (рис.1) работает для всех стратегий личностного роста.

Рассмотрим компоненты данной схемы. Мы предполагаем, что основой для стратегии личностного роста являются три релеванта, которыми в разной степени обладает человек: аффект, паттерн и воля. Усваивая схемы взаимодействия с социумом, напитываясь яркими социокультурными впечатлениями, обретая навыки управления событиями, человек учится

Рис. 1. Схема стратегии личностного роста.

$$\text{Str} = \text{Aff} + \text{P} + \text{W}$$

где:

Str – Strategy – стратегия личностного роста

A – Affect – аффект, эмоционально ярко окрашенные события, влияющие на выбор стратегии;

P – Pattern – паттерн, влияющий на выбор стратегии: общественные, политические, экономические события, которые определяют объем и структуру доступных ресурсов.

W – Willpower – воля — способность человека принимать решения на основе мыслительного процесса и направлять свои мысли и действия в соответствии с принятым решением.

Рис. 2. Схема влияния на культуру преодоления стратегий личностного роста и моделирующих категорий.

$$\text{CO} = \text{Str} : (\text{Conf} + \text{Q} + \text{W})$$

где:

CO- Culture of Overcoming – культура преодоления;

Str – Strategy – стратегия личностного роста

Conf – Conflict – конфликт

Q – Quilt – вина

W – Willpower – воля — способность человека принимать решения на основе мыслительного процесса и направлять свои мысли и действия в соответствии с принятым решением.

прогнозировать долгосрочные цели, объединённые в задачу, которую можно назвать стратегией личностного роста. Стратегия представлена тремя компонентами, которые демонстрируют тип реакции – индивидуальную систему аффектов личности, тип мышления – индивидуальную систему паттернов личности и волевую составляющую – уровень силы воли. В схеме №1 стратегия личностного роста выступает в роли специфического культурного феномена, который отражает социальный и культурный опыт человека: аффекты, паттерны и уровень силы воли.

В схеме № 1 отражены:

- совокупность компонентов стратегии личностного роста
- зависимость стратегии личностного роста от уровня компонентов личностного роста
- динамика стратегии личностного роста в зависимости от изменений компонентов.

Рассмотрим в системе - стратегии личностного роста и культуру преодоления индивида - как влияние категорий культуры преодоления на стратегию личностного роста (схема № 2).

Заключение

Итак, феномен культуры преодоления коррелирует:

- с системой индивидуальных ценностей;
- со стратегией личностного роста;
- с системой культурных норм.

В процессе диагностики культуры преодоления - стратегии личностного роста являются яркими визуализаторами системы индивидуальных ценностей и позволяют:

- выявить смысловые структуры индивидуального - в достижении благополучия;
- классифицировать типы стратегий по степени эффективности взаимодействия с обществом;
- исследовать социально - культурологический аспект каждой стратегии, в корреляции с институтами и институциональными практиками;
- назвать постоянные и моделирующие компоненты стратегии личностного роста, влияющие на личный уровень культуры преодоления.

В процессе исследования нами выявлена совокупность типичных действий субъектов в области преодоления социокультурных ситуаций. Эта область представляет систему, связанную с механизмом взаимодействия ценностей и норм культуры. Ценности являются социокультурными факторами влияния на представленные нами стратегии.

Культура преодоления, накапливая опыт прошлого, трансформирует его в стратегии личностного роста. Каждый субъект, представляющий систему ценностей определенного этноса, возраста, пола, страны – формируют опыт, периодически воплощая его в реальные культурные события, создавая историю культуры преодоления.

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: 1997. С. 43-44.
2. Сорокин, П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П.А. Сорокин; Ин-т социологии. – Москва: Наука, 1994. 560 с.
3. Невелев А.Б. Предметно-энергийный метод // Философия. Толерантность. Глобализация, Восток и Запад. Тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6–10 окт. 2015 г.). В 3 ч. Т. I. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 41.
4. Мацына А.И. Культура преодоления в политике: предметно-энергийный подход к идее евразийства // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. 2016. № 10 (392). Вып. 42. С. 37-40.
5. Белова А.С. Изучение свободы в отечественной психологии. Предпосылки понимания свободы в отечественной психологии // Телескоп: Научный альманах. – Вып. 18. – Самара: Издво «НТЦ», 2007. С. 89-100, 129. 90
6. Ткачук И.Б. Феномен «Преодоление»: философско – культурологический аспект // Куль-

турные инициативы. 2024.

7. Кант, Иммануил. Основы метафизики нравственности : монография / И. Кант. – Москва: Мысль, 1999. 1471 с.

8. Православие. Журнал. // URL: <https://pravoslavie.fm/review/kultura-preodoleniya/> (Дата обращения: 13.02.2023).

9. Платон. Диалоги «Лисид» и «Лакхет» / Платон ; исслед., пер. и коммент.: Р.Б. Галанин и Р.В. Светлов ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – СанктПетербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. 271 с.

10. Конт-Спонвиль, Андре, Словарь философский / Андре Конт-Спонвиль; [пер. с фр. Е.В. Головиной]. – Москва : Этерна : Палимпсест, 2012. 752 с.

References

1. Hegel G.V.F. Science of Logic / G.V.F. Hegel. - St. Petersburg: 1997. P. 43-44.

2. Sorokin, P. A. Generally accessible textbook of sociology. Articles from different years / P.A. Sorokin; Institute of Sociology. – Moscow: Nauka, 1994. 560 p.

3. Nevelev A.B. Subject-energy method // Philosophy. Tolerance. Globalization, East and West. Abstracts of reports of the VII Russian Philosophical Congress (Ufa, October 6-10, 2015). In 3 parts. Vol. I. – Ufa: RIC BashSU, 2015. P. 41.

4. Matsyna A.I. The Culture of Overcoming in Politics: A Subject-Energy Approach to the Idea of Eurasianism // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philosophical Sciences. 2016. № 10 (392). Issue. 42. P. 37-40.

5. Belova A.S. The Study of Freedom in Domestic Psychology. Prerequisites for Understanding Freedom in Domestic Psychology // Telescope: Scientific Almanac. - Issue. 18. – Samara: Izdvo “NTC”, 2007. P. 89-100, 129. 90

6. Tkachuk I.B. The Phenomenon of “Overcoming”: Philosophical and Cultural Aspect // Cultural Initiatives. 2024.

7. Kant, Immanuel. Foundations of the Metaphysics of Morality: monograph / I. Kant. – Moscow: Mysl, 1999. 1471 p.

8. Pravoslavie. Magazine. // URL: <https://pravoslavie.fm/review/kultura-preodoleniya/> (13.02.2023).

9. Plato. Dialogues “Lysis” and “Lachete” / Plato; research., trans. and comment.: R.B. Galanin and R.V. Svetlov; A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia. – St. Petersburg: A.I. Herzen State Pedagogical University, 2022. 271 p.

10. Comte-Sponville, Andre, Philosophical Dictionary / Andre Comte-Sponville; [translated from French by E.V. Golovina]. – Moscow: Eterna: Palimpsest, 2012. 752 p.

Гриценко Р.А.

Аспирант департамента культуры и дизайна. Дальневосточный федеральный университет.

От Пушкина до цифровых фестивалей: история трансформации русского культурного влияния в Южной Корее*

Аннотация. Статья исследует эволюцию культурного диалога между Россией и Южной Кореей, начиная с конца XIX века до наших дней. Анализируя ключевые этапы — от проникновения русской классической литературы, ставшей инструментом национального самосознания в эпоху колониализма, до современных театральных экспериментов и цифровых фестивалей, — работа раскрывает, как традиции и инновации формируют уникальный синтез культур. Особое внимание уделяется парадоксам взаимовлияния: элитарность русского театра в Корее соседствует с народной адаптацией пушкинских афоризмов, а советская анимация вдохновляет цифровые проекты. Статья доказывает, что культурный обмен между странами — не просто заимствование, а творческое переосмысление, где каждая эпоха добавляет новые грани в диалог, отражённый в литературе, искусстве и даже кулинарных экспериментах.

Ключевые слова: культурное влияние России, русская литература в Корее, межкультурный синтез, театральный диалог, современные фестивали.

Gritsenko R.A.

Graduate student, Department of Culture and Design, Far Eastern Federal University.

From Pushkin to digital festivals: the history of the transformation of Russian cultural influence in South Korea

Abstract. The article explores the evolution of cultural dialogue between Russia and South Korea from the late 19th century to the present day. Analyzing key stages — from the penetration of Russian classical literature, which became an instrument of national identity during the colonial era, to contemporary theatrical experiments and digital festivals — the work reveals how traditions and innovations form a unique synthesis of cultures. Particular attention is paid to the paradoxes of mutual influence: the elitism of Russian theater in Korea coexists with the popular adaptation of

* © Гриценко Р.А., 2025.

От Пушкина до цифровых фестивалей: история трансформации русского культурного влияния в Южной Корее

Pushkin's aphorisms, and Soviet animation inspires digital projects. The article proves that cultural exchange between countries is not just borrowing, but a creative rethinking, where each era adds new facets to the dialogue reflected in literature, art, and even culinary experiments.

Key words: cultural influence of Russia, Russian literature in Korea, intercultural synthesis, theatrical dialogue, contemporary festivals.

Культурное влияние России на Южную Корею — это многовековая история взаимопроникновения идей, образов и смыслов, где каждая эпоха оставляет свой уникальный след. С конца XIX века, когда первые переводы русской классики стали мостом между Сеулом и Санкт-Петербургом, до современных фестивалей, объединяющих балетные постановки и цифровые эксперименты, этот процесс напоминает не просто обмен, а живой синтез. Русская литература, проникнутая гуманизмом и философской глубиной, не только формировала корейское национальное самосознание, но и стала инструментом сопротивления — от пушкинских строк на стенах сельских домов до аллегорий Толстого в романах эпохи японской оккупации.

Однако культурное влияние России на Корейском полуострове выходит далеко за рамки страниц книг. Оно проявляется в балете, музыке, театре, художественном искусстве. Ниже в статье мы рассмотрим историю культурного влияния России на Южную Корею в различных областях.

Литература. История культурного влияния русской литературы на Южную Корею начинается с конца XIX века, когда в 1884 году были установлены первые дипломатические контакты между Россией и корейскими государствами, что открыло возможности для культурного обмена¹. В этот период в Сеуле была открыта² Русская общественная библиотека, ставшая первым центром распространения русской литературы в Корее. Благодаря деятельности библиотеки и активной переводной работе, произведения таких классиков, как А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и И.С. Тургенев, впервые попали в распоряжение корейской интеллигенции, что способствовало формированию позитивного образа России в культурном сознании корейского общества³.

Творчество Александра Пушкина проникло в корейское культурное

1 Ким А.Г. К объявлению 2020-2021 гг. «Годами взаимных культурных обменов между Россией и Южной Кореей»: история и современное состояние культурных связей двух стран / МЦНС «Наука и просвещение» // XVIII Международная научно-практическая конференция «Современные научные исследования». – 30.11.2021. С. 309-312.

2 Солдатова М.В. Литературные связи России с корейскими государствами / В сборнике: Корейский полуостров: история и современность. РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК; Федеральное государственное бюджетное учреждение Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Центр корейских исследований. Москва, 2020. С. 293-308.

3 Там же.

пространство во второй половине XX века, преимущественно через два ключевых сборника поэтических переводов. Первая антология, изданная в 1975 году под символичным названием «Пророк», включила в себя 24 произведения, ставшие мостом между русской классикой и корейской аудиторией. Спустя десятилетие свет увидел второй том — «Пора, мой друг, пора», дополнивший литературный диалог новыми гранями пушкинского гения. Отбор произведений для этих изданий не был случайным. Составители ориентировались на эстетические предпочтения корейских читателей, тяготеющих к эмоциональной глубине и философской созерцательности. В сборники вошли лирические шедевры, такие как «Я вас любил...», где безответная любовь обретает звучание вселенской грусти, «Бахчисарайский фонтан» с его восточной таинственностью, и «Зимний вечер», передающий тихую гармонию домашнего уюта. Поэма «Цыганы», воплотившая конфликт свободы и страсти, также нашла отклик в сердцах читателей, переживавших сложный период модернизации общества.

Особое место заняло стихотворение «Если жизнь тебя обманет...». Его афористичные строки трансформировались в элемент повседневной культуры: их цитировали в частной переписке, использовали как мотивационные слоганы, а в сельских регионах даже украшали ими интерьеры домов и общественных заведений⁴.

Переводная литература сыграла ключевую роль в становлении культурного диалога между двумя странами. Уже в 1890-х годах корейские читатели знакомились с русскими произведениями, которые не только демонстрировали богатство литературных традиций России, но и предлагали универсальные идеи гуманизма, историзма и философской глубины. Эти произведения оказали существенное влияние на развитие национального самосознания корейской интеллигенции, способствуя формированию нового литературного мышления и обогащению художественного языка⁵.

Корейские ученые неоднократно подчеркивали, что русская литература сыграла ключевую роль в формировании современной литературной традиции Кореи. По их оценкам, её отличительными чертами стали глубокий историзм — способность отражать эпоху через призму судеб героев — и универсальный гуманизм, выражающийся в внимании к внутреннему миру человека.

Ан Бёнён, анализируя феномен русской классики, акцентирует её уникальную чувствительность к социальным трансформациям. По его мнению, насыщенность произведений идеями могла стать ответом на ограниченность публичной дискуссии в России: невозможность открыто обсуждать политические вопросы компенсировалась художественным

4 Ким Гын Сик. Судьба Пушкина в Корее // Пушкин и мир Востока. – Москва: Наука, 1999. С. 250-254.

5 Там же.

словом. Литература превращалась в «лабораторию мысли», где поднимались проблемы, не находившие места в официальном дискурсе⁶.

Ким Гын Сик развивает эту мысль, называя русскую литературу «хранилищем великих идей». В корейском культурном контексте она воспринимается не только как искусство, но и как философский манифест. Например, творчество Достоевского и Толстого, по его словам, давало корейским интеллектуалам инструменты для осмысления вопросов свободы, морали и смысла жизни в периоды общественных кризисов⁷.

Эти исследования указывают на двойственную роль русской литературы в Корее:

1. Как источник вдохновения — её сюжеты и персонажи стали частью межкультурного диалога.

2. Как социальный ориентир — способность авторов XIX–XX веков говорить о наблевшем через метафоры оказалась созвучной корейским реалиям, особенно в эпохи авторитарных режимов.

При этом подчеркивается, что влияние не сводится к подражанию. Корейские писатели творчески переосмыслили русские традиции, интегрируя их с национальной эстетикой, что способствовало рождению уникального синтеза в местной литературе.

Влияние русской литературы на корейскую прозу первой половины XX века носит не только опосредованный, но и прямой характер, что ярко демонстрируется в творчестве ключевых авторов того периода. Корейские литературоведы неоднократно указывали на глубокие параллели между произведениями национальных писателей и шедеврами русской классики, подчёркивая, что заимствованные мотивы были творчески переосмыслены в контексте местной культурной традиции.

Например, рассказы Хён Джингона — «Удачный день» (1924) и «Жмурки» (1924) — обнаруживают поразительное сходство с чеховскими «Тоской» и «Поцелуем». Если у А.П. Чехова тема одиночества и нереализованных надежд раскрывается через символику повседневности, то Хён Джингон переносит эти мотивы в реалии колониальной Кореи, используя минимализм и психологизм для отражения социальной апатии⁸. Роман Ём Сансопа «Три поколения» (1932) часто сравнивают с тургеневскими «От-

6 Ан Бен Ён. История распространения русской литературы в Корее // Seullabeu hakbo [Журнал славянских исследований]. 2003.12. № 18 (2). С. 445-458. С. 450.

7 Ким Гын Сик. Судьба Пушкина в Корее // Пушкин и мир Востока. – Москва: Наука, 1999. С. 250-254.

8 Ким Хёнхэк. Русская литература в Корее: исторический обзор // Материалы первой российско-корейской научно-практической конференции литературных переводчиков (Москва, 21-22 декабря 2009 г.). – М.: Восточная литература, 2010. С. 5-10. С. 6-7; Gwon Yeong5min et al. [Квон Ёнмин и др.] Hangukgeundae muhag-ui reosia munhak suyong [Восприятие русской литературы современной корейской литературой]. – Сеул: Изд-во Сеульского ун-та, 2016. С. 114.

цами и детьми». Однако, в отличие от конфликта нигилизма и консерватизма у И.С. Тургенева, корейский автор акцентирует межпоколенческий разрыв в условиях японской оккупации, где традиционные ценности сталкиваются с необходимостью выживания. Аналогично, Ли Гвансу в романе «Сердечность» (1933) переосмысливает толстовское «Воскресение», заменяя религиозно-нравственные искания героя вопросом национальной идентичности⁹. Даже второстепенные персонажи у Ли Гвансу становятся носителями коллективной травмы, что отражает специфику корейского исторического опыта.

Особый интерес представляет роман Сима Хуна «Вечнозелёное дерево» (1936), вдохновлённый утопическими идеями Чернышевского из «Что делать?». Если русский автор фокусировался на социалистическом идеале, то Сим Хун трансформирует эти идеи в метафору сопротивления: вечнозелёное дерево символизирует неугасимую надежду корейского народа на освобождение. Отдельного упоминания заслуживает стихотворение Юн Донджуна «Тургеневский холм» (1939), созданное как диалог с тургеневским «Нищим»¹⁰. Образ холма становится у Юна аллегорией духовного поиска в эпоху репрессий, а мотив милостыни перерастает в размышление о цене человеческого достоинства.

Эти примеры иллюстрируют, как корейские писатели трансформировали русские литературные коды, наполняя их локальным содержанием. Важно, что заимствование сюжетов и тем не сводилось к подражанию: авторы использовали русскую классику как инструмент для критики колониализма, поиска национальной идентичности и выражения чаяний общества. Это позволило корейской литературе не только усвоить гуманистические идеи, но и создать уникальный синтез, где трагедия «маленького человека» А.П. Чехова переплетается с коллективной судьбой нации.

Расцвет интереса к русской литературе в Южной Корее наблюдался в 1970-х годах, однако к концу 1990-х объём переводных изданий сократился примерно на пятую часть. Этот период ознаменовался важным сдвигом: если ранее корейские читатели знакомились преимущественно с классикой XIX столетия, то теперь в культурный оборот вошли произведения авторов Серебряного века — Александра Блока с его мистическим символизмом, Андрея Белого, экспериментировавшего с формой, и Евгения Замiatина, чья антиутопия «Мы» вызвала оживлённые дискуссии. Параллельно стали переводить наследие писателей советской эпохи, таких как Исаак Бабель с его «Конармией» и Александр Фадеев, автор «Молодой гвардии».

Особую роль сыграло включение в корейский литературный контекст авторов второй половины XX века. Творчество Андрея Синявского, брать-

9 Там же.

10 Там же.

ев Стругацких, Валентина Распутина, Чингиза Айтматова и Юрия Трифонова открыло для корейской аудитории многогранность русской прозы — от философской фантастики до «деревенской» повести. Такой расширенный охват позволил преодолеть стереотипы о «застывшей» классической традиции, демонстрируя динамику развития литературы в условиях социальных перемен.

Катализатором этого процесса стал культурный диалог, активизировавшийся в середине 1980-х на волне советской перестройки. Ярким примером стало основание в Сеуле издательства «Открытые книги» (1986), избравшего своей миссией популяризацию русскоязычной словесности. Стратегия системного выпуска тематических серий — от дореволюционной классики до диссидентской прозы — обеспечила издательству репутацию новатора, а к середине 1990-х его книги заняли заметное место на полках корейских книжных магазинов¹¹. Однако к началу 2000-х тенденция сменилась: рыночные трансформации и глобализация привели к сокращению спроса на переводную литературу.

В начале XX века, несмотря на существенные различия в этапах развития литературы России и Кореи, продолжающийся перевод и адаптация русской классики способствовали углублению межкультурных контактов. В этот период переводы таких произведений, как «Воскресение» Л.Н. Толстого и рассказы А.П. Чехова, стали не только источником эстетического удовольствия, но и важным инструментом культурной коммуникации, позволяющим корейским читателям воспринимать идеи социальной справедливости, моральной ответственности и глубокого гуманизма. Эти идеи оказались особенно резонансными в условиях меняющейся политической и социальной обстановки на Корейском полуострове¹².

В Южной Корее есть памятники трем российским писателям: А.С. Пушкину, Л.Н. Толстому и А.П. Чехову. При этом важно отметить, что Памятник А.С. Пушкину – первый в южнокорейской столице памятник иностранцу¹³. А также площадь, на которой установлен памятник, вскоре стала носить имя писателя.

В последующие десятилетия, несмотря на возникновение идеологических барьеров в советский период, русская литература продолжала оказывать влияние на корейскую культурную сферу. Даже в условиях ограниченности прямых контактов, посредством выставок, литературных чтений и публикаций в периодических изданиях, российская литература оставалась

11 Ом Су Чхон. «Исследование и анализ положения перевода русской литературы в Корею», Русский язык и литература, vol. 17, № 3, Сеул, 2005. С. 248-251.

12 Ан Бен Ён. История распространения русской литературы в Корею // Seullabeu hakbo [Журнал славянских исследований]. 2003.12. № 18 (2). С. 445- 458. С. 450.

13 Ельчанинов А.И. Республика Корея: памятники советским и российским деятелям и военно-историческим событиям. – Текст: электронный // Культурологический журнал. 2023. № 4. С. 81-88.

значимым культурным ресурсом для корейской публики. Такой процесс способствовал не только сохранению, но и трансформации культурного наследия, способствуя появлению новых форм литературного выражения, в которых традиционные темы русской классики переплетались с современными корейскими мотивами.

С распадом Советского Союза и вхождением Южной Кореи в глобальные культурные процессы наблюдается активизация двусторонних литературных контактов. Новые формы сотрудничества – от межгосударственных форумов до совместных переводческих проектов – способствуют преодолению устоявшихся стереотипов и углублению взаимного понимания. В современном контексте русская литература остаётся важным источником идей и эстетических ценностей для корейской интеллигенции, способствуя формированию устойчивого культурного диалога между народами. Переводы классических произведений и публикация совместных исследований свидетельствуют о том, что культурное влияние России на Южную Корею выходит за рамки узконаправленных литературных контактов и становится важным элементом формирования национальной идентичности и межкультурного взаимопонимания.

Театр и кино. История культурного влияния русского театра и кино на Южную Корею представляет собой сложный и многогранный процесс, охватывающий период от ранних контактов до современного активного межкультурного диалога. Первые зачатки влияния русского театра на корейскую культурную сцену появились в начале XX века, когда через переводы драматических произведений и публикации критических материалов русская драматургическая традиция стала доступна корейской аудитории. Российский театр, обладая глубокими традициями классической драматургии, прежде всего имея в своем основании систему К.С. Станиславского, постепенно начал оказывать влияние на формирование корейского восприятия театрального искусства посредством гастролей и специальных показов, что способствовало знакомству корейской публики с уникальными эстетическими особенностями русской сцены¹⁴. Периодические театральные фестивали и совместные проекты между российскими и корейскими театральными коллективами стали важным каналом передачи культурного опыта и способствовали развитию нового творческого диалога между странами.

Влияние русского кино, хотя и изучено менее подробно, также оставило заметный след в культурном пространстве Южной Кореи. Российские кинопроизведения, отличающиеся глубокой психологичностью, социально-политической тематикой и характерной визуальной стилистикой, на-

14 Осипова Э.В. Северо-восточная Азия — Дальневосточная Россия: практика межкультурного (театрального) общения / Научный журнал ГИТИС «Театр, живопись кино, музыка». 2015. № 4. С. 178-197.

чали привлекать внимание корейской аудитории уже в период холодной войны, а затем и в эпоху разрядки, когда совместные ретроспективные показы и участие российских фильмов в международных кинофестивалях стали способствовать формированию устойчивого имиджа русской культуры за рубежом.

В первые годы 2000-х корейские зрители тепло встречали гастроли российских театров, отмечая высокий уровень их постановок. Ярким примером стал Государственный Академический Центральный Театр кукол имени С.В. Образцова, впервые показавший в Корее свой легендарный спектакль «Необыкновенный концерт» в 1992 году. Успех выступления превзошёл ожидания: уникальное сочетание кукольного искусства, музыки и юмора покорило публику, что привело к новым приглашениям — в 2002 и 2004 годах коллектив вновь выступил на корейской сцене.

Особый резонанс вызвала работа Льва Додина «Братья и сёстры». Даже семичасовая продолжительность спектакля не помешала ему получить признание. Критики назвали постановку «художественным прорывом», способным погрузить аудиторию в глубокий эмоциональный катарсис¹⁵. Историческим событием стало включение этой работы в ежегодный рейтинг авторитетного издания «Корейская драма» (2006 г.) — впервые в список «Семи лучших спектаклей» вошла иностранная постановка. Это решение подчеркнуло не только мастерство российской труппы, но и растущий интерес Кореи к международному театральному диалогу.

Интерес к русскому театру в Корее выходит за рамки классики Чехова и Гоголя. Внимание привлекают современные эксперименты: новаторские режиссёрские решения, смелые трактовки и отход от канонов реализма¹⁶. Эти тенденции позволяют говорить о театральном искусстве как о зеркале, отражающем трансформации русской культуры после распада Советского Союза. Однако важно учитывать специфику корейского контекста. Театр здесь остаётся элитарным видом искусства, не рассчитанным на широкую аудиторию. Даже самые восторженные рецензии на российские постановки не меняют ситуацию: их зрителями по-прежнему становятся преимущественно ценители театрального авангарда или профессионалы индустрии. Это создаёт уникальный парадокс — признание художественной ценности сочетается с ограниченным доступом к ней.

Отдельно стоит упомянуть про знаковое событие — XVIII Международный летний фестиваль АССИТЕЖ, сохраняющий укоренившуюся тра-

15 Ким Юн Чоль “Год с богатыми театральными картинами” Ежегодный справочник культурной жизни Кореи 2007. С. 282.

16 Lee, Jiyeon, “Cultural Meaning and Perspectives of “Korean Wave” in Russia”, Research on the Cultural Phenomenon “Korean Wave” in Russia and its Future Plan, The National Assembly’s Culture and Tourism Committee, 2005 Aug., P. 75-123; Lee, Moonyoung, “Acceptance of Russian Culture in Korea since 1991”, Russian Studies, Institute for Russian, East European and Eurasian Studies of Seoul National University, 2009. № 19. Vol. 1. P. 119-142.

дицию на протяжении многих лет. Программа мероприятия строится по неизменному принципу: пять театральных работ от корейских коллективов и столько же — от зарубежных участников создают диалог культур. Интересно, что в этом году Хабаровский ТЮЗ дебютировал на фестивале, хотя ранее уже заявлял о себе в Корее — театр дважды выступал в Сеуле в рамках Национального театрального форума.

Взросшее внимание корейских деятелей искусства к российским проектам становится всё заметнее. Так, труппа Владивостокского флотского театра приняла участие в международной коллаборации, представив спектакль «Сашка» — пронзительную историю о военном времени, сочетающую патриотический пафос с глубоким психологизмом. Ещё одним примером сотрудничества стал фестиваль «Синяя птица», где хабаровские кукольники показали своё мастерство, удивив зрителей новаторскими приёмами и визуальной поэтикой¹⁷.

Современные исследования демонстрируют, что русский театр воспринимается в Южной Корее как источник глубоких эмоциональных и интеллектуальных переживаний. Так, в работе Э.В. Осиповой «Театральное общение» подчеркивается, что российские постановки, представленные в рамках гастрольных туров, способствуют возникновению сложного межкультурного диалога, в котором корейская публика активно ищет новые формы выражения и осмысления традиционных сюжетов¹⁸. В свою очередь, анализ межкультурного взаимодействия Приморского филиала Мариинского театра показывает, что совместные проекты, объединяющие российские и корейские театральные коллективы, способствуют адаптации русских театральных традиций к современным условиям и интеграции элементов обеих культур в единое целое¹⁹.

Что касается русского кино, его влияние проявляется через участие российских фильмов в совместных кинопроектах, ретроспективных показах и международных кинофестивалях, где отечественные произведения, отражающие социально-политические и культурные реалии России, находят отклик у корейской аудитории. Эти проекты способствуют не только популяризации русской культуры, но и стимулируют интерес к глубокому изучению русской истории и эстетики²⁰.

17 Осипова Э.В. Театральное искусство Дальнего Востока как пространство межкультурных коммуникаций: проблемы зрительского восприятия в контексте «свой – чужой» // Известия Восточного института. 2018. № 1. С. 97–113.

18 Осипова Э.В. Театральное искусство Дальнего Востока как пространство межкультурных коммуникаций: проблемы зрительского восприятия в контексте «свой – чужой» // Известия Восточного института. 2018. № 1. С. 97–113.

19 Там же.

20 Цой И.В., Зайнуллина П.И. Культура как направление реализации стратегий «мягкой силы» Южной Кореи на примере форума «Диалог Россия – Республика Корея» // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 34. С. 36–45

Художественное искусство. Первые экспозиции русской живописи и академических традиций стали доступны корейской публике в конце XIX века, через международные выставки и культурные обмены. В те времена, когда дипломатические отношения между Россией и Кореей только налаживались, русские художники, благодаря своему мастерству и глубокой эстетической традиции, произвели впечатление на корейцев, которые стремились познакомиться с западноевропейскими и российскими культурными идеалами. Эта ранняя фаза культурного диалога способствовала формированию представлений о высоком искусстве, характерном для русской академической школы, и стала отправной точкой для дальнейшего развития межкультурных контактов.

С течением времени, влияние русского художественного искусства продолжало углубляться через систематические выставочные программы, публикации и переводы, что позволило корейской аудитории познакомиться с широким спектром произведений – от классических полотен, отражающих традиции академизма, до новаторских работ, в которых художники искали пути для выражения современной действительности. Современные исследования, демонстрируют, что российские художники не только перенимали элементы восточной эстетики, но и активно интегрировали её в свой творческий метод, что позволяло им создавать уникальные гибридные образы, находящие отклик в сердцах зрителей как в России, так и в Корее²¹. Особое место здесь занимает творчество В.Л. Боровика. За счет сочетания ленинградской пейзажной школы и азиатских стилей получается особый подход художника, который пользуется популярностью в Южной Корее²² и Китае²³. Вовлечение художника в азиатский художественный процесс способствует продвижению и поддержанию российских традиций академической живописи на Востоке. Характерной чертой произведений Виталия Львовича являются лиризм и романтизм – направленные на то, чтобы погрузить зрителя в размышления и созерцание природы. Именно этот стиль нашел отголосок у корейцев. У художника есть корейская серия акварелей, которая включает в себя такие работы знаменитые работы как «В пламени осени» и «Улочка старого Тэгугу»²⁴.

Важную роль в развитии этого диалога сыграли и институциональные инициативы: совместные выставки, фестивали и культурные проекты способствовали не только популяризации русского художественного на-

21 Ли Минси. Восточные впечатления в творчестве петербургского художника Виталия Львовича Боровика // НОВОЕ ИСКУССТВОЗНАНИЕ, 02.2023. С.118-129.

22 Грачева С.М. Современное петербургское академическое изобразительное искусство. Традиции, состояние и тренды развития. – М.: БуксМАрт, 2019. 368 с.

23 Грачева С.М. Творческие взаимовлияния современных петербургских и китайских художников // Искусство Евразии. 2021. № 4 (23). С. 86-101.

24 Виталий Боровик. Образы судьбы: живопись и графика. – СПб.: НИМ РАХ; СПб-ГАИЖСА имени И.Е. Репина при РАХ, 2020. 74 с.

слеждая за рубежом, но и углублению межкультурного взаимопонимания между народами. Корейские музеи и культурные центры регулярно представляют ретроспективы русской живописи, что позволяет отечественным художникам демонстрировать свою творческую традицию, а корейским зрителям – знакомиться с новыми аспектами российского художественного мира. Кроме того, академическое сотрудничество и совместные исследовательские проекты между российскими и корейскими специалистами в области искусств способствуют формированию новой модели межкультурной коммуникации, в рамках которой художественное творчество становится мощным инструментом для преодоления стереотипов и развития диалога между культурами.

Балет и классическая музыка. Уже с 1960-х годов российские балетные труппы, выступавшие в рамках гастрольных туров, начали регулярно посещать Южную Корею, демонстрируя высокий уровень мастерства и уникальные эстетические традиции, присущие русской академической школе. Такие выступления способствовали формированию положительного имиджа русского балета в корейском культурном пространстве, оказывая влияние на развитие местных балетных школ и способствуя обмену опытом между российскими и корейскими артистами²⁵.

Классическая музыка также играет значительную роль в этом процессе. Произведения П.И. Чайковского, С.В. Рахманинова, С.С. Прокофьева и других русских композиторов регулярно исполняются ведущими оркестрами Южной Кореи, что позволяет корейской аудитории знакомиться с глубиной, эмоциональностью и техническим совершенством русской музыкальной традиции. Такие концертные программы становятся не только эстетическим опытом, но и мощным инструментом культурной дипломатии, формируя образ России как страны с богатым и многогранным культурным наследием²⁶. Например, в 2020 году в Сеуле состоялась премьера балета «Евгений Онегин» на музыку П.И. Чайковского.

Первое десятилетие XXI века стало периодом активного культурного обмена между Кореей и Россией в области хореографического искусства. Начиная с 2000 года, корейские зрители познакомились с выступлениями ведущих российских коллективов: Большой театр открыл эту волну своими масштабными проектами, а в последующие два года внимание публики привлекли новаторские работы труппы Бориса Эйфмана. К 2004 году география сотрудничества расширилась — в Сеуле и других городах одновременно выступали артисты Большого, Мариинского и Новосибирского

25 Нечипоренко С.А. Хореографический ансамбль «Алиса» г. Владивостока как проводник традиций русского танца / Молодежь. Наука. Инновации. 2021. Т. 2. С. 139-142.

26 Цой И.В., Зайнуллина П.И. Культура как направление реализации стратегий «мягкой силы» Южной Кореи на примере форума «Диалог Россия – Республика Корея» // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 34. С. 36-45.

театров, демонстрируя разнообразие русской балетной традиции. Пик активности пришёлся на середину десятилетия. В 2005 году петербургская труппа Константина Тачкина дополнила программу гастролей экспериментальными постановками, а к 2007 году зрители увидели необычные форматы — например, ледовые шоу Санкт-Петербургского государственного балета и синтетические спектакли Новосибирского театра. Статистика тех лет отражает значимость российского участия: доля отечественных коллективов в общем числе международных проектов уступала только европейским, но по количеству показов Россия неизменно лидировала. Так, в 2007 году каждое пятое представление на корейских сценах было подготовлено российскими артистами, а их спектакли составляли почти половину от общего числа мероприятий²⁷.

Также в Сеуле периодически проходят музыкальные вечера, посвященные русской культуре. Отдельной популярностью пользуется музыка российских музыкантов и певцов корейского происхождения, таких как народная артистка России Людмила Нам²⁸.

Современная российская музыка пользуется значительно меньшей популярностью, чем классическая, но также не обходит Южную Корею стороной. Корейские исполнители делают каверы на популярные российские песни²⁹.

Современные инициативы в области культурного обмена активно поддерживаются как российскими, так и корейскими государственными структурами. Организация совместных фестивалей, мастер-классов и концертных программ способствует дальнейшему углублению диалога между артистами и зрителями двух стран. Эти мероприятия позволяют не только сохранять традиционные формы русского балета и классической музыки, но и адаптировать их к современным эстетическим требованиям, что способствует развитию инновационных форм художественного выражения и укреплению межкультурных связей.

Мультипликация. Российская анимация, как одно из ярких направлений отечественного кинематографа, начала оказывать заметное влияние

27 Хуанг Юн-Сук, «Анализ положения танцевального искусства 2007-го года в Корее», Ежегодный справочник культурной жизни Кореи 2008.

28 О вечере русской классической музыки «Русская душа – А.С. Пушкин» в Кореи // URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/pr7ubfssnml/content/id/343762 (Дата обращения: 20.05.2017); О музыкальном вечере, посвященном памяти народной артистки России Людмилы Нам в Сеуле // URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/pr7ubfssnml/content/id/343154 (Дата обращения: 20.05.2017); Васильев П.А. Культурное взаимодействие России и Республики Корея (1990-2017 г.) / The Newman In Foreign Policy. – 08.-09.2017. № 38 (82). С.75-78.

29 JONY - Комета Cover на корейском Cover by Song Wonsub // URL: https://vk.com/video-175355019_456241861 (Дата обращения: 26.02.2025);

HammAli Navai - Птичка на корейском Cover by Song Wonsub // URL: https://vk.com/video-175355019_456241368 (Дата обращения: 26.02.2025).

на культурное пространство Южной Кореи в позднесоветский период и продолжает играть важную роль в межкультурном диалоге между народами. Уже в 1980-х годах анимационные фильмы студии «Союзмультфильм», обладающие уникальным художественным стилем, основанным на фольклорных традициях, социальном подтексте и инновационных визуальных решениях, стали частью культурной дипломатии СССР. Эти произведения, демонстрировавшиеся на международных фестивалях и специальных показах, привлекли внимание корейской аудитории, способствуя формированию положительного имиджа русской культуры и расширению ее эстетического ландшафта.

Российская анимация выступает не только как средство развлечения, но и как инструмент передачи сложных культурных кодов и ценностей, что особенно актуально в условиях глобализации и межкультурного обмена. Символические средства, используемые в анимационных произведениях, способны преодолевать языковые и национальные барьеры, способствуя глубокому взаимопониманию между представителями различных культур³⁰. В этом контексте российские анимационные фильмы, отличающиеся своей выразительностью и оригинальной нарративной структурой, стали источником вдохновения для корейских деятелей анимационного искусства, стимулируя появление новых форм художественного самовыражения и способствуя развитию местной индустрии³¹.

Современные культурные проекты и фестивали, в рамках которых регулярно демонстрируются российские анимационные ленты, подтверждают устойчивый интерес южнокорейской аудитории к этому виду искусства. Такие мероприятия способствуют не только популяризации русской анимации за рубежом, но и установлению прочных контактов между российскими и корейскими творческими коллективами, что, в свою очередь, расширяет возможности для обмена опытом и совместного развития инновационных художественных форм³².

Фестивали русской культуры. Фестивали русской культуры стали важнейшим инструментом культурной дипломатии, способствующим формированию устойчивого межкультурного диалога между Россией и Южной

30 Тангалычева Р.К. Преодоление стереотипов восприятия и поведения в российско-корейской межкультурной коммуникации / Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 4. С. 127-143.

31 Кузина Л.Б. Влияние современных социокультурных практик стран Азиатско-Тихоокеанского региона на эстетические предпочтения, ценностные и поведенческие стереотипы подростков и юношества российской федерации (популярная музыка, мультипликация, самодеятельная литература, повседневность) / Л.Б. Кузина, Н.В. Кузина // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 5-3. С. 137-194.

32 Цой И.В., Зайнуллина П.И. Культура как направление реализации стратегий «мягкой силы» Южной Кореи на примере форума «Диалог Россия – Республика Корея» // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 34. С. 36-45.

Кореей. Исторически первые проявления такого влияния прослеживаются ещё в конце XIX века, когда первые выставки и культурные мероприятия в Сеуле дали корейскому населению возможность познакомиться с богатым наследием русской культуры³³. С течением времени формат этих мероприятий эволюционировал от отдельных экспозиций до комплексных фестивальных программ, объединяющих различные виды искусства, включая балет, музыку, изобразительное искусство и кино. В рамках таких фестивалей формируется не только эстетическое восприятие, но и происходит активное преодоление исторически сложившихся стереотипов³⁴.

В июле 2000 года Сеул стал площадкой для знакового события в истории российско-корейских отношений — открытия масштабной выставки «Россия: искусство сквозь века». Проект, реализованный совместными усилиями культурных институтов обеих стран, объединил более 550 уникальных артефактов из 26 российских музеев, архивов и библиотек. Экспозиция, приуроченная к десятилетию дипломатического диалога, заложила основу для долгосрочного сотрудничества в сфере искусства, представив корейской публике многовековое наследие — от древних рукописей до шедевров живописи XIX века.

Особое внимание привлекают инициативы 2017 года. В конце февраля на популярном пляже Хэундэ развернулось яркое празднование Масленицы, организованное российским консульством при участии местных партнёров, включая экипаж учебного судна «Паллада». Гости из Пусана, Кимхэ, Ульсана и других городов стали участниками народных забав: водили хороводы, соревновались в перетягивании каната, слушали задорные частушки. Кульминацией стали выступления творческих коллективов — от детского ансамбля «Соловушки» из Сеула до курсантов «Паллады», продемонстрировавших энергичные танцы. Мероприятие, сочетавшее фольклорные традиции с благотворительной миссией, подчеркнуло открытость диалога между культурами³⁵.

Современные фестивали русской культуры в Южной Корее, такие как мероприятия в рамках форума «Диалог Россия – Республика Корея», демонстрируют стратегический сдвиг от вертикальных моделей культурного влияния к горизонтальным формам сотрудничества, где российские и

33 Солдатова М.В. Литературные связи России с корейскими государствами / В сборнике: Корейский полуостров: история и современность. РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК; Федеральное государственное бюджетное учреждение Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Центр корейских исследований. Москва, 2020. С. 293-308.

34 Тангалычева Р.К. Преодоление стереотипов восприятия и поведения в российско-корейской межкультурной коммуникации / Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 4. С. 127-143

35 «Широкая масленица» в Пусане // URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNlmL/content/id/2658658 (Дата обращения: 07.08.2017)

Васильев П.А. Культурное взаимодействие России и Республики Корея (1990-2017г.) / The Newman In Foreign Policy. – 08.-09.2017. № 38 (82). С.75-78.

корейские организаторы совместно работают над созданием многоаспектных программ. Подобные проекты способствуют популяризации русской культуры за рубежом, укрепляя её имидж как источника глубоких художественных традиций и инновационных форм самовыражения³⁶. Интеграция цифровых технологий и медийных платформ позволила расширить аудиторию этих фестивалей, делая российские культурные инициативы доступными в режиме онлайн³⁷.

Подтверждением того факта, что жители Южной Кореи сейчас активно интересуются культурой России, является большое число видеороликов от корейских блогеров, посвященных различным аспектам культуры России³⁸. Часто в таких роликах развенчивается представление о русских, как о злых, холодных и закрытых людях. Блогеры рассказывают о гостеприимстве и дружелюбии, которое испытали на себе. Наибольшим интересом у корейских блогеров пользуется тема русской кухни. Они сравнивают русскую и корейскую еду, пробуют её на камеру, делятся впечатлениями о вкусе, аромате и текстуре. Например, один из блогеров сравнил морковку с «мультиками»³⁹. Корейские блогеры ставят эксперименты с рецептами, пробуют интегрировать рецепты из корейской и русской кухни, развивая кулинарное творчество⁴⁰. А также рассматривают, как еда связана с традициями и праздниками.

При этом стоит отметить, что интерес есть скорее к российской классической культуре, современные российские литература, кино, музыка. Художественное искусство не пользуется особым спросом⁴¹.

Исследование культурного влияния России на Южную Корею раскрывает многомерный процесс, где традиции XIX века переплетаются с современными трансформациями, формируя уникальный синтез, выходящий за рамки простого заимствования. Новизна работы заключается в ком-

36 Цой И.В., Зайнуллина П.И. Культура как направление реализации стратегий «мягкой силы» Южной Кореи на примере форума «Диалог Россия – Республика Корея» // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 34. С. 36-45.

37 Тангалычева Р.К. Преодоление стереотипов восприятия и поведения в российско-корейской межкультурной коммуникации / Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 4. С. 127-143.

38 Урбанова Э.В. Взгляд из Сеула: как Южная Корея воспринимает русскую культуру / В сборнике: Республика Корея: история и современность. Материалы Сибирской региональной студенческой научно-практической конференции. – Иркутск, 2024. С. 56-60.

39 Корейская группа BLITZERS пробуют русскую еду в первый раз! Корейская морковь. // URL: <https://rutube.ru/video/b8cb4a6cdc88a958981e17f0e4c6430c/> (Дата обращения: 26.02.2025).

40 Кореец приготовил русский салаты. // URL: <https://rutube.ru/video/201031310141e3486f46594c77bc8a9c/> (Дата обращения: 26.02.2025).

41 Ким Хён Тхэк. Корейско-российские контакты в сфере культуры и искусства: взгляд в прошлое и перспективы. Доклад, представленный на 1-м российско-корейском форуме гуманитарных контактов «Мост дружбы». 19 сентября 2014 г., Москва.

плексном анализе не только литературного диалога, но и малоизученных аспектов — от театральных экспериментов Льва Додина, чьи семичасовые постановки стали «художественным прорывом» для корейской элиты, до феномена акварелей Виталия Боровика, вплетающих ленинградскую школу в азиатский визуальный код. Особое внимание уделено парадоксальному сосуществованию элитарности русского театра, остающегося нишевым, и его роли как «лаборатории мысли» для корейских интеллектуалов, переосмысливающих конфликты свободы и идентичности через чеховский минимализм или тургеневские аллегории.

Важным открытием становится демонстрация того, как русская классика, от пушкинских афоризмов на стенах сельских домов до толстовских мотивов в романе Ли Гвансу, трансформировалась в инструмент критики колониализма, а не слепого подражания. При этом статья впервые акцентирует сдвиг 2000-х: от монолога «застывшей» классики — к диалогу с диссидентской прозой и цифровыми фестивалями, где «Вечнозелёное дерево» Сима Хуна и ледовые шоу Санкт-Петербурга становятся мостами между эпохами.

Работа опровергает упрощённые нарративы о «одностороннем влиянии», показывая, как корейские авторы, от Хён Джингона до Юн Донджуна, превращали русские коды в зеркало национальной травмы, а кулинарные эксперименты блогеров — в инструмент деконструкции стереотипов. Именно этот баланс между глубиной историзма и новаторством, между элитарностью и народной адаптацией, формирует устойчивый культурный диалог, где Памятник Пушкину в Сеуле — не просто символ прошлого, но точка отсчёта для новых синтезов.

Библиографический список

1. «Широкая масленица» в Пусане // URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfsNimL/content/id/2658658 (Дата обращения: 07.08.2023).
2. HammAli Navai - Птичка на корейском Cover by Song Wonsub // URL: https://vk.com/video-175355019_456241368 (Дата обращения: 26.02.2025).
3. JONY - Комета Cover на корейском Cover by Song Wonsub // URL: https://vk.com/video-175355019_456241861 (Дата обращения: 26.02.2025).
4. Lee Jiyeon, "Cultural Meaning and Perspectives of "Korean Wave" in Russia", Research on the Cultural Phenomenon "Korean Wave" in Russia and its Future Plan, The National Assembly's Culture and Tourism Committee, 2005 Aug., P. 75-123.
5. Lee Moonyoung, "Acceptance of Russian Culture in Korea since 1991", Russian Studies, Institute for Russian, East European and Eurasian Studies of Seoul National University, 2009. № 19. Vol. 1. P. 119-142.
6. Ан Бен Ён. История распространения русской литературы в Корею // Seullabeu hakbo [Журнал славянских исследований]. 2003.12. № 18 (2). С. 445-458. С. 450.
7. Васильев П.А. Культурное взаимодействие России и Республики Корея (1990-2017 г.) / The Newman In Foreign Policy. – 08.09.2017. № 38 (82). С. 75-78.
8. Васильев П.А., Культурное взаимодействие России и Республики Корея (1990-2017г.)/ The Newman In Foreign Policy. – 08.09.2017. № 38 (82). С. 75-78.
9. Виталий Боровик. Образы судьбы: живопись и графика. – СПб.: НИМ РАСХ; СПбГАИЖСА

- имени И.Е. Репина при РАХ, 2020. 74 с.
10. Грачева С.М. Современное петербургское академическое изобразительное искусство. Традиции, состояние и тренды развития. – М.: БуксМАрт, 2019. 368 с.
11. Грачева С.М. Творческие взаимодействия современных петербургских и китайских художников // Искусство Евразии. 2021. № 4 (23). С. 86-101.
12. Ельчанинов А.И. Республика Корея: памятники советским и российским деятелям и военно-историческим событиям. – Текст: электронный // Культурологический журнал. 2023. № 4. С. 81-88.
13. Ким А.Г. К объявлению 2020-2021 гг. «Годами взаимных культурных обменов между Россией и Южной Кореей»: история и современное состояние культурных связей двух стран / МПНС «Наука и просвещение» // XVIII Международная научно-практическая конференция «Современные научные исследования». – 30.11.2021. С. 309-312.
14. Ким Гын Сик. Судьба Пушкина в Корее // Пушкин и мир Востока. – Москва: Наука, 1999. С. 250-254.
15. Ким Хён Тхэк. Корейско-российские контакты в сфере культуры и искусства: взгляд в прошлое и перспективы. Доклад, представленный на 1-м российско-корейском форуме гуманитарных контактов «Мост дружбы». – Москва 19 сентября 2014.
16. Ким Хёнтхэк. Русская литература в Корее: исторический обзор // Материалы первой российско-корейской научно-практической конференции литературных переводчиков (Москва, 21-22 декабря 2009 г.) – М.: Восточная литература, 2010. С. 5-10. С. 6-7.
17. Кwon Ёнмин и др. Восприятие русской литературы современной корейской литературой. Сеул: Изд-во Сеульского ун-та, 2016. С. 114.
18. Ким Юн Чоль, “Год с богатыми театральными картинами” Ежегодный справочник культурной жизни Кореи. 2007. 282 с.
19. Кореец приготовил русский салаты. // URL: <https://rutube.ru/video/201031310141e3486f46594c77bc8a9c/> (Дата обращения: 26.02.2025).
20. Корейская группа BLITZERS пробуют русскую еду в первый раз! Корейская морковь. // URL: <https://rutube.ru/video/b8cb4a6cdc88a958981e17f0e4c6430c/> (Дата обращения: 26.02.2025).
21. Кузина Л.Б. Влияние современных социокультурных практик стран Азиатско-Тихоокеанского региона на эстетические предпочтения, ценностные и поведенческие стереотипы подростков и юношества российской федерации (популярная музыка, мультипликация, самодетельная литература, повседневность) / Л.Б. Кузина, Н.В. Кузина // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 5-3. С. 137-194.
22. Ли Минси. Восточные впечатления в творчестве петербургского художника Виталия Львовича Боровика // Новое искусствознание, 02.2023. С. 118-129.
23. Нечипоренко С.А. Хореографический ансамбль «Алиса» г. Владивостока как проводник традиций русского танца / Молодежь. Наука. Инновации. 2021. Т. 2. С. 139-142.
24. О вечере русской классической музыки «Русская душа – А.С. Пушкин» в Корее // URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/pr7ubfssnml/content/id/343762 (Дата обращения: 20.05.2017)
25. О музыкальном вечере, посвященном памяти народной артистки России Людмилы Нам в Сеуле // URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/pr7ubfssnml/content/id/343154 (Дата обращения: 20.05.2017)
26. Ом Су Чхон. “Исследование и анализ положения перевода русской литературы в Корее,” Русский язык и литература, – Сеул, 2005. Том. 17. № 3. С. 248-251.
27. Осипова Э.В. Театральное искусство Дальнего Востока как пространство межкультурных коммуникаций: проблемы зрительского восприятия в контексте «свой – чужой» // Известия Восточного института. 2018. № 1. С. 97-113.
28. Осипова Э.В. Северо-восточная Азия – Дальневосточная Россия: практика межкультурного (театрального) общения / Научный журнал ГИТИС «Театр, живопись кино, музыка». 2015. № 4. С. 178-197.
29. Солдатова М.В. Литературные связи России с корейскими государствами / В сборнике: Корейский полуостров: история и современность. РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК; Федеральное государственное бюджетное учреждение Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Центр корейских исследований. – Москва, 2020. С. 293-308.
30. Тангалычева Р.К. Преодоление стереотипов восприятия и поведения в российско-корей-

- ской межкультурной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 4. С. 127-143.
31. Урбанова Э.В. Взгляд из Сеула: как Южная Корея воспринимает русскую культуру / В сборнике: Республика Корея: история и современность. Материалы Сибирской региональной студенческой научно-практической конференции. – Иркутск, 2024. С. 56-60.
32. Хуанг Юн-Сук “Анализ положения танцевального искусства 2007-го года в Корее,” Ежегодный справочник культурной жизни Кореи 2008.
33. Цой И.В., Зайнуллина П.И. Культура как направление реализации стратегий «мягкой силы» Южной Кореи на примере форума «Диалог Россия – Республика Корея» // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 34. С. 36-45.

References

1. “Wide Maslenitsa” in Busan // URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfsNimL/content/id/2658658 (08.07.2023).
2. HammAli Navai - Bird in Korean Cover by Song Wonsub // URL: https://vk.com/video-175355019_456241368 (02.26.2025).
3. JONY - Comet Cover in Korean Cover by Song Wonsub // URL: https://vk.com/video-175355019_456241861 (02.26.2025).
4. Lee Jiyeon, “Cultural Meaning and Perspectives of the “Korean Wave” in Russia,” Research on the Cultural Phenomenon “Korean Wave” in Russia and its Future Plan, The National Assembly’s Culture and Tourism Committee, 2005 Aug., P. 75-123.
5. Lee Moonyoung, “Acceptance of Russian Culture in Korea since 1991,” Russian Studies, Institute for Russian, East European and Eurasian Studies of Seoul National University, 2009. № 19. Vol. 1. P. 119-142.
6. Ahn Byung Young. History of the Spread of Russian Literature in Korea // Seullabeu hakbo [Journal of Slavic Studies]. 2003.12. № 18 (2). P. 445-458. P. 450.
7. Vasiliev P.A. Cultural Interaction between Russia and the Republic of Korea (1990-2017) / The Newman In Foreign Policy. – 09/08/2017. № 38 (82). P. 75-78.
8. Vasiliev P.A., Cultural Interaction between Russia and the Republic of Korea (1990-2017) / The Newman In Foreign Policy. – 09/08/2017. № 38 (82). P. 75-78.
9. Vitaly Borovik. Images of Fate: Painting and Graphics. – St. Petersburg: NIM RAA; SPbGAIZhSA named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts, 2020. 74 p.
10. Gracheva S.M. Contemporary St. Petersburg academic fine art. Traditions, state and development trends. – M.: BuksMArt, 2019. 368 p.
11. Gracheva S.M. Creative mutual influences of contemporary St. Petersburg and Chinese artists // Art of Eurasia. 2021. № 4 (23). P. 86-101.
12. Elchaninov A.I. Republic of Korea: monuments to Soviet and Russian figures and military-historical events. - Text: electronic // Cultural Studies Journal. 2023. № 4. P. 81-88.
13. Kim A.G. To the announcement of 2020-2021. “Years of Mutual Cultural Exchanges between Russia and South Korea”: History and Current State of Cultural Ties between the Two Countries / MCNS “Science and Education” // XVIII International Scientific and Practical Conference “Modern Scientific Research”. – November 30, 2021. P. 309-312.
14. Kim Geun Sik. The Fate of Pushkin in Korea // Pushkin and the World of the East. – Moscow: Nauka, 1999. P. 250-254.
15. Kim Hyun-taek. Korean-Russian Contacts in Culture and Art: A Look into the Past and Prospects. Report presented at the 1st Russian-Korean Forum of Humanitarian Contacts “Friendship Bridge”. - Moscow, September 19, 2014.
16. Kim Hyun-taek. Russian Literature in Korea: A Historical Review // Proceedings of the First Russian-Korean Scientific and Practical Conference of Literary Translators (Moscow, December 21-22, 2009) – M.: Vostochnaya Literatura, 2010. P. 5-10. P. 6-7.
17. Kwon Youngmin et al. The Perception of Russian Literature by Contemporary Korean Literature. Seoul: Seoul University Press, 2016. P. 114.
18. Kim Yun-chul, “A Year with Rich Theatrical Pictures” Annual Handbook of Korean Cultural Life. 2007. 282 p.

19. A Korean Prepared Russian Salads. // URL: <https://rutube.ru/video/201031310141e3486f-46594c77bc8a9c/> (26.02.2025).
20. Korean Band BLITZERS Try Russian Food for the First Time! Korean Carrot. // URL: <https://rutube.ru/video/b8cb4a6cdc88a958981e17f0e4c6430c/> (26.02.2025).
21. Kuzina L.B. The influence of modern socio-cultural practices of the countries of the Asia-Pacific region on aesthetic preferences, value and behavioral stereotypes of adolescents and young people of the Russian Federation (popular music, animation, amateur literature, everyday life) / L.B. Kuzina, N.V. Kuzina // Modern studies of social problems. 2020. Vol. 12. № 5-3. P. 137-194.
22. Li Minxi. Eastern impressions in the work of St. Petersburg artist Vitaly Lvovich Borovik // New art history, 02.2023. P. 118-129.
23. Nechiporenko S.A. Choreographic ensemble "Alisa" of Vladivostok as a conductor of Russian dance traditions / Youth. Science. Innovations. 2021. Vol. 2. P. 139-142.
24. On the evening of Russian classical music "Russian Soul - A.S. Pushkin" in Korea // URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/pr7ubfssnml/content/id/343762 (20.05.2017)
25. On the musical evening dedicated to the memory of People's Artist of Russia Lyudmila Nam in Seoul // URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/pr7ubfssnml/content/id/343154 (20.05.2017)
26. Om Su Chon. "Research and Analysis of the Situation of Translation of Russian Literature in Korea," Russian Language and Literature, - Seoul, 2005. Vol. 17. № 3. P. 248-251.
27. Osipova E.V. Theatrical art of the Far East as a space of intercultural communications: problems of audience perception in the context of "friend or foe" // Bulletin of the Eastern Institute. 2018. № 1. P. 97-113.
28. Osipova E.V. North-East Asia – Far Eastern Russia: the practice of intercultural (theatrical) communication / Scientific journal of GITIS "Theater, painting, cinema, music". 2015. № 4. P. 178-197.
29. Soldatova M.V. Literary ties of Russia with the Korean states / In the collection: Korean Peninsula: history and modernity. RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES; Federal State Budgetary Institution Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; Center for Korean Studies. – Moscow, 2020. P. 293-308.
30. Tangalycheva R.K. Overcoming stereotypes of perception and behavior in Russian-Korean intercultural communication / Journal of Sociology and Social Anthropology. 2012. Vol. 15. № 4. P. 127-143.
31. Urbanova E.V. View from Seoul: How South Korea perceives Russian culture / In the collection: Republic of Korea: history and modernity. Proceedings of the Siberian regional student scientific and practical conference. – Irkutsk, 2024. P. 56-60.
32. Huang Yun-Suk "Analysis of the situation of dance art in 2007 in Korea," Annual Directory of Cultural Life in Korea 2008.
33. Tsoi I.V., Zainullina P.I. Culture as a direction for implementing South Korea's "soft power" strategies using the example of the Russia-Republic of Korea Dialogue forum // Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science. Religious Studies. 2020. Vol. 34. P. 36-45.

Докучаева М.Н.*Кандидат педагогических наук, доцент. Самарского государственного института культуры.***Диалектика коммуникативной природы джаза***

Аннотация. Представленное исследование посвящено рассмотрению влияния джазовой импровизации с точки зрения превращения джаза в уникальную и универсальную форму общения между музыкантами, оказывающую влияние на формы отношений между людьми во всём мире. Данный феномен объясняется тем, что умение передать друг другу музыкальную мысль и развить её приводит к тому, что люди, научившись в музыкальном сотворчестве слышать друг друга, начинают «слышать» окружающий мир и интонационные коды общения людей независимо от того, в какой части света они живут. Цель работы – анализ диалектики коммуникативной природы инструментального и вокального джаза в их исторически сложившихся направлениях и эволюции от истоков до современности. Методологическую основу данной работы составили отечественные и зарубежные исследования, раскрывающие историю и эволюцию джаза, его стилистики и музыкального языка, изучение джазовой импровизации, феномен которой позволил раскрыть исторически складывающуюся диалектику коммуникативной природы джаза.

Ключевые слова: коммуникация, джаз, jam-session (джет-сэйшен), импровизация, вокал, блюз, инструментальная музыка.

Dokuchaeva M.N.*Candidate of Pedagogic Sciences, docent. Samara State University of Culture.***The communicative nature of jazz**

Abstract. The presented research is devoted to the consideration of the influence of jazz improvisation from the point of view of the transformation of jazz into a unique and universal form of communication between musicians, influencing the forms of relations between people around the world. This phenomenon is explained by the fact that the ability to convey musical thought to each other and develop it leads to the fact that people, having learned to hear each other in musical co-creation, begin to “hear” the world around them and the intonation codes of human communication, regardless of which part of the world they live in. The purpose of the work is to analyze the dialectic of the communicative nature of instrumental and vocal jazz in their historically formed directions and evolution from the origins to the present. The methodological basis of this work is made up of domestic and foreign studies that reveal the history and evolution of jazz, its style and musical language, the study of jazz improvisation, the phenomenon of which allowed us to reveal the historically emerging dialectic of the communicative nature of jazz.

Key words: communication, jazz, jam-session, improvisation, vocals, blues, instrumental music.

* © Докучаева М.Н., 2025.

Диалектика коммуникативной природы джаза

Введение. Проблематика исследования обусловлена определяющей функцией коммуникации в современном обществе. Не случайно посол доброй воли ЮНЕСКО по межкультурному диалогу Херби Хэнкок, считая джаз инструментом дипломатии, помогающим преодолевать культурные барьеры, отмечал: «Когда народы разделены, пересечение физических границ кажется невозможным, однако возможно преодолеть культурные границы, используя джаз как инструмент дипломатии. И это тот момент, когда джаз в Международный день джаза выходит в центр сцены» [13]. В таком случае, если рассматривать общение как константу в установлении и развитии контактов между людьми в совместной деятельности для обмена ценностями – эмоциональными, интеллектуальными, духовными, социальными – обращение к музыке, к джазу неизбежно.

Изучение джаза имеет серьёзную исследовательскую базу; её методологию составляют: в плане исторической эволюции – исследования В.Д. Конен, Д.Л. Коллиера, М. Стернса и т.д.; в плане изучения стилистики джаза – труды Е.С. Барбана, В.Д. Конен и многих других исследователей; в плане обучения джазу – работы И.М. Бриля, В.Н. Чугунова, Степурко О.М. и др. В ракурсе научных интересов зарубежных и отечественных исследователей с начала осмысления уникального искусства внимание было приковано, помимо истории рождения и развития стилей, ко всем компонентам его музыкального языка и разнообразию его функций:

- в музыкальном образовании внедрение в практику учебного процесса джазовой импровизации как способа воспитания творческой индивидуальности исполнителя и слушателя [14];

- рассмотрение джаза в культурологическом аспекте [10].

Основная часть. В XXI веке джаз продолжает развиваться и в силу своей мультикультурности и способности «слышать» и «слушать» интонации и ритмы практически любой культурной идентичности, становится одним из самых актуальных музыкальных жанров.

Новизна данного исследования состоит в рассмотрении искусства джаза с точки зрения его коммуникативности и её эволюции, что для современного мира имеет огромное гуманитарное значение.

Цель работы – проанализировать, как совершенствовались процессы музыкальной коммуникации джаза, формируя новый международный музыкальный язык.

Для человечества за десятилетия эволюции джаза (еще рано говорить о нескольких столетиях его истории) его язык стал понятен людям, независимо от их места проживания, культурных и лингвистических традиций, так как открывает совершенно новые коммуникационные возможности. Это касается всех импровизационных параметров языка джаза: ритма, интонационной природы, формы, тембра и т.д. М. Стернс отмечал: «Вероятно, течение cool на Западном побережье пережило свой

последний подъем в конце 1955 г., когда аранжировщик и саксофонист Джимми Джюффри ликвидировал в своем небольшом составе постоянный пульс ударных и контрабаса одновременно. «Бит лишь подразумевается - он не должен быть явным» – писал Джюффри. «Другими словами, он узнаваем, но не слышен». [12, с. 140]. Таким образом, даже смена ритма рождала новое течение джаза. Интонационная нетемперированная природа джаза безгранична по своим возможностям и будет рассмотрена ниже отдельно. Что касается коллективной импровизационной природы джаза, она сегодня близка многим культурам. В Советском Союзе уже в конце 50-х годов XX века «Джаз обретает множество новых поклонников» – пишет А.В. Медведев, отмечая, что «идёт скрытая упорная работа «коллективного сознания – и музыкантов, и слушателей, которым вскоре предстоит найти друг друга» [11, с. 36]. И уже в те годы, как отмечает Е.С. Барбан: «...музыкознание склонно было рассматривать музицирование как акт коммуникации, продуктивно используя методологию семиотики и теории информации» [2, с. 162].

Е.Н. Борисова и В.А. Гроховский поднимают вопросы, связанные с коммуникативным контекстом коллективных импровизационных практик будущих джазовых пианистов, отмечая в импровизационном музицировании «четыре составляющие – музыкально-техническую, творческую, коммуникативную и социальную, которые необходимо рассматривать в единстве музыкального, физического, культурного и межличностного контекста») [3, с. 42-44]. При этом авторы проводят параллель между процессом музыкальной речи и речью человека через такие параметры лингвистики как «лексика и фразеология, словообразование, морфология, синтаксис, пунктуация, стилистика и культура речи». В музыке это касается и интонации мелодической линии, и её преобразования, и музыкального ритма и темпа «высказывания» и т.д.

В процессе музыкального сотворчества взаимное влияние людей в непрерывном диалоге (интеракция), восприятие человека другим человеком (перцепция) полностью соответствует коммуникативной природе музыкального искусства, особенно джаза. Такие функции общения как: информационно-коммуникативная; мотивационная; деятельностьная и межличностная – раскрывают глубинные структуры личности и соответствуют реализации музыкантов в исполнительстве и восприятии музыки, в невербальном общении. Джаз, как и вся музыка в целом, является звуковым кодом окружающего мира, основой его эмоционального и интеллектуального восприятия и квинтэссенцией звуковой коммуникации, так как является искусством сольной и коллективной импровизации. Свободное творческое общение участников джем-сэйшенов (которые могут постоянно меняться) – это общение единомышленников, приносящее им радость совместного творчества. В этом диалоге в процессе музицирова-

ния реализуются новое содержание, интерпретация музыкальных мыслей и музыкальных образов, новые жанры и направления джаза, постижение природы и сути музыки, так как исполнители в процессе импровизации являются и композиторами одновременно. Для того, чтобы разобраться в коммуникативной природе различных джазовых направлений, несомненно надо рассмотреть эволюцию джазовых стилей, так как это – взаимозависимые аспекты.

Джаз, возникший как социальное взаимодействие рабов на плантациях, стал языком нового музыкального мира, повлиявшего не только на искусство, но и всё мироздание XX и дальше, так как раскрыл людям идею родства музыкального и глобально человеческого. Люди, завезенные из различных племён, оторванные от своих «корней» во всех смыслах этого слова, должны были «договориться» (через интонации и попевки в определённых ритмах, понятные им по ритуалам своей родины). Коммуникационная природа является сутью джаза. Позже история джаза начала реализовываться в плясках рабов на площади Нового Орлеана по воскресеньям, рабочих песнях, блюзах, сприричулс и других жанрах, основой которых была вопросно-ответная форма как основа музыкальной коммуникации. Например, блюз зародился задолго до рождения джаза, вошел в мировую культуру практически одновременно с ранним джазом, являясь одновременно его источником (основой системы выразительных средств и уникального настроения «улыбки сквозь слёзы») и затем продолжил самостоятельный путь со множеством «ответвлений» в XX и XXI веке.

Традиционный, или «Нью-Орлеанский», стиль возник на основе популярной в то время музыки духовых оркестров. Это был новый вид музыкального высказывания, где в основе гармонии реализовались принципы кэжуока, рэгтайма, раннего блюза, театра менестрелей. В традиционном духовом оркестре откристаллизовались музыкальные находки Луи Армстронга. Коллективная музыкальная импровизация стала основой традиционного джаза новоорлеанских оркестров. И тогда, когда музыканты из-за экономических перемен вынуждены были уезжать на север в Чикаго и Нью-Йорк, где джаз переместился с открытых площадей в клубы, стремление музыкантов к творческому общению не уменьшилось. Почти параллельно с традиционными развивались и белые оркестры, в которых полифония одновременной импровизации групп духовых инструментов на четкой ритмической и гармонической основе ритм-группы сменилась на импровизацию сольную.

К истокам джаза также относится Театр менестрелей, музыке которого свойственен эффект театрализации в оформлении мелодии (краткие хоровые или инструментальные рефрены, связанные с танцевальным ритмическим акцентированием афроамериканского происхождения и

окаймляющим её фрагменты). Позже из традиции менестрельного театра и танца кэжуока вырос регтайм, в котором музыкальная коммуникация двух культур: европейской (форма, гармония) и афроамериканской (ритмы, приёмы импровизации) уже начали объединяться, как и в блюзе. В.Д. Конен отмечала, что в регтайме «Субъективно-эмоциональный элемент преображался в пародию на подлинные переживания... — через нерушимо квадратную структуру тем, расчлененную композицию, при которой темы следуют одна за другой в нетронutom виде. Подобная нарочитая неотступность вызывает яркие ассоциации с миром маски, игрушки, куклы» [8, с. 171].

В жанрах джазовых направлений 20-30 годов XX века («буги-вуги», «нью-орлеанский» и «чикагский стили», «коммерческий джаз») происходило дальнейшее становление джаза.

Свинг – это уже практически концертный джаз таких великих мастеров как: Д. Гершвин, Д. Эллингтон, Г. Миллер, Б. Гудмэн, К. Бэйси других. Квадратная структура мэйнстрима – 32 такта ААВА (по 8 тактов, где после исполнения темы каждому музыканту давался фрагмент для сольной импровизации – бридж), практически – функциональная мажорно-минорная гармония сочеталась со свободными джазовыми импровизациями, в основном, в мелодии. Это очень облегчало музыкальную коммуникацию. Конечно и сам музыкальный язык, и состав оркестров эволюционировали: широко используются различные виды септаккордов; в оркестре: появляются контрабас, гитара, фортепиано и т.д., но главное состояло в том, что музыканты после концертов хотели продолжить творчество и посоревноваться друг с другом, и это было совершенно естественно.

В бибопе, возникшим в 40-е годы XX века в Нью-Йорке (в первую очередь это направление джаза связано с именами Диззи Гиллеспи, Чарли Паркера, Телониуса Монка и т.д.), где ставка делалась на виртуозность, очень быстрый темп и сложные импровизации на гармонию джазового стандарта (не на мелодию), на усложнение аккордов, музыканты играли, обращаясь к слушателям, пытаясь противопоставить своё искусство коммерциализации (по их мнению) джаза. В импровизациях боба снижена песенность, основа которой – интонационный посыл, а ритм во много раз стремительнее человеческой речи, так что. бибоп – достаточно экстремальный вид коммуникации, но это была музыка стремительно меняющегося времени. Её называли «горячей». В следующем стиле – «прохладном» cool музыкальный язык, снова стал более мелодичным, а индивидуальность музыкальных фраз только помогала общению со слушателями и друг с другом. В то же время cool, считающийся более интеллектуальным стилем, вобрал в себя достижения и предшествующего джаза, и веками формировавшееся в академической гармонии. В нем уже начинается сближение с европейской академической музыкой, продолженное потом в композици-

ях музыкантов «третьего течения».

Например, в 1945 году во Франции впервые прозвучала композиция Ж. Косма «Les Feuilles morte», в которой просматривается феномен переклички времен в музыке. Композитор обратился к «золотому ходу джаза» (II – V – I) который при смещении начала гармонизации на первую долю такта «становится» «золотой секвенцией» – самой известной музыкальной «формулой» с эпохи барокко. Оборот II-V-I может встречаться не только в каденциях в натуральном или альтерированном варианте. «Таким образом джазовая гармония (во всяком случае, в импровизациях мейнстрима) является своеобразной «каденционной гармонией» – отмечает М. Есаков [6, с. 18] и т.д. В cool уже начинает применяться политональность, которая используется значительно шире, чем в свинге и бибопе.

Парадоксально, что jam-session при этом становятся очень популярными и в бибопе, и в cool. Практиковавшиеся еще в 20 годы XX века как совместное исполнение музыки, эти встречи выросли в «Неформальное и некоммерческое спонтанное музицирование, носящее форму дружеских и соревновательных сольных импровизаций группы музыкантов» [2, с. 115.]. «Джемы» и у музыкантов в XXI веке являются формой выявления новых талантов и «лабораторией» новых идей и направлений джазовой музыки.

И так же как художникам – абстракционистам стало тесно в рамках академической живописи, так и музыкантам фри-джаза в начале 60 годов XX века стало тесно в рамках академической функциональной тональной системы и привычных ритмов. Импровизация становится своеобразной интуитивной медитацией даже у музыкантов ритм-секции – это была еще одна, очень необычная форма коммуникации у музыкантов. Джаз подчеркивает свободу и множественность форм коммуникативного взаимодействия, например, последующие течения также дали и новый музыкальный язык, и новые подходы к импровизации. Система вертикальной импровизации на аккорды с надстройками в бибопе привела к модальному джазу – выходу и гармонической системы с равноправием всех звуков с опорой, чаще всего, на одну устойчивую ступень. Направления авангардного джаза: 50-60- годов XX века, стремились к модернизации музыкального языка в области модальной импровизации, атональной композиции, сонористики, вниманию к интонационной сфере иных музыкальных культур как противоположность популярной музыки. Представители авангардного free-джаза принципиально «отходят» от тонального принципа гармонии, они ищут новые средства выразительности (Джон Колтрейн, Орнет Коулман, Тэйлор Сесил, Майлс Дэвис и другие). Если

Хард-боп явился продолжением бибоба конца сороковых - начала пятидесятых годов XX века (в нём слышатся достижения cool, в области и импровизации, но в его основе – гармонии, основывающийся на традици-

ях негритянского джаза и усложненных схемах блюзов), то «прогрессив» в это же время стал концертной фазой развития свинга. В нем продолжает усложняться гармония, при этом уже появляется политональность, атональность и двенадцатитоновая система.

Вместе с гармоническими ладами начинает на новом уровне существовать модальность с перенесением внимания на ритмические, тембральные, интонационные моменты, на мелодическое развитие импровизации. В это же время развиваются: блюз-рок, ритм-энд-блюз, рок-н-ролл, которые базировались в основном на блюзах. Чрезвычайную популярность обретает джаз-рок и группа «The Beatles» с их усиленным электронным звучанием. К 70 годам XX века формируется стиль фьюжн (сплав) – само название говорит о синтезе музыкальных культур. К концу XX века на один из первых планов выходит этно-джаз. Язык коммуникации в джазе стремительно эволюционирует. Стили могли «впитывать» черты друг друга. Пространство джазовой музыки раздвинулось от музыкального языка доклассических эпох с цифровками и модальностью до остинатных мелодико-ритмических оборотов бас-гитары в джаз-роке. Раздвигалось и «пространство» музыкальной импровизации.

Если же говорить о вокальном джазе, то он, несомненно, является квинтэссенцией джазовой коммуникации по своей природе. СКЭТ у певцов, тембр голоса играют огромную роль в коммуникативном самовыражении музыканта. И если игра в большей степени считается интеллектуальным музицированием, полётом творческой мысли, то пение воплощает чувственность и эмоциональность.

В музыкальном языке *worksongs* (с их «шаут-эффектами», короткими мелодическими фразами, связанными с прерывистым дыханием во время тяжелой работы) и *спиричуэлс* (с их нетемперированными звуками и экстатической манерой исполнения) сложилась вопросно-ответная форма, ставшая основой многих джазовых направлений. Кроме того, такие приёмы как *штробас*, *бэлтинг*, *вибрато*, *шаутинг*, *глиссандо*, *субтон*, *дерти-тоны*, *филировка*, *фальцет*, *драйв*, не просто являются специфическими приёмами данного пения, но и обладают терапевтическим воздействием как для самих связок, так и для души, завораживая своей медитационной музыкальной природой как слушателя, так и исполнителя. Музыкальный терапевт Д. Алвин пишет: «Музыка во многих аспектах – поразительно гибкое и податливое средство, способное затронуть личность с любым интеллектом и уровнем образования [1, с. 4], на неё откликаются даже аутисты. Это связано с тем, что музыка даже без участия речи является тропинкой в мир чувств и эмоций. Таким образом, СКЭТ и другие приёмы джазового пения, идущие прямо из глубины человеческого тела и души, являются таким же проводником человека во взаимоотношения с миром как инструментальная игра.

Музыка настолько связана с человеком, что практически являются проекцией его в мир. Прообразы первых инструментов: хлопки ладоней и притоptyвания являются, по мнению Т.В. Чередниченко, озвученной горизонталью и вертикалью, а «поющий устанавливает себя в качестве центра мира и заполняет мир собой» [14, с. 25-26]. Можно вспомнить Бобби Макферрина, который своим невероятным по мастерству владением голоса, философским отношением к пению и вовлечением слушателей в совместную импровизацию учит людей через музыкальную коммуникацию чувствовать невероятное наслаждение сотворчества и даром делиться своими мыслями и чувствами через музыку друг с другом.

Впоследствии джаз вокальный и инструментальный прорастали друг в друга, бесконечно обогащая музыкальные взаимодействия музыкантов друг с другом, рождая особый способ мышления и коммуникации через свои выразительные средства, а главное – через импровизацию: мелодическую, ритмическую, тембровую, сольную и коллективную в рамках определённого направления и его структуры. Четыре интонационных архетипа: призыва, жалобы, плача и медитации, выделенные Д.К. Кирнарской [7], являются интонационной природой коммуникации как в музыке, так и в речи через интонации эмоций, логику фраз и предложений и т.д.

Что касается джазового гармонического языка, он должен рассматриваться не как отдельный параметр музыки, а в контексте всей эволюции гармонии, что связано с акустической природой звука. В эволюции ладовой и гармонической составляющей джаза в свете главной идеи джаза – коммуникации – меняется восприятие многих понятий, например, модуляции. Отношение к модуляции и отклонениям у классических и джазовых музыкантов различается. О.М. Степурко, вспоминая М. Есакова, отмечал его тезис о том, что джазовый музыкант «всегда находится в той тональности, аккорд которой обыгрывает» [9], что очень облегчает музыкальное общение. Цифровки, обозначающие латинскими буквами ступень, на которой строится аккорд, воспринимаются музыкантами как новая тоника, что позволяет более свободно сопоставлять достаточно далекие тональности. Такая система понимания тонального плана укрепились уже в мейнстриме.

Неаккордовые звуки также важны в джазе как в академической гармонии с эмоцией предслышания в предъеме и нежеланием расстаться с предыдущей эмоцией и недосказанностью в задержании. Секвенции, как развитие музыкальной речи, является одним из самых распространенных приемов в технике композиции и в джазе. Органный пункт в джазе может восприниматься как медитация (пример: Д. Эллингтон «Караван»). Эллипсис – также является одним из самых часто встречающихся выразительных средств джаза, в котором смена септаккордов без разрешения

является типичным джазовым приёмом развития. Как эллипсис, так и энгармоническая замена способствуют переключению слушательского внимания на появление нового музыкального материала. Все эти приёмы музыкального развития чрезвычайно важны для восприятия музыки у исполнителей и слушателей.

Система обозначений в джазе требует отдельного исследования, но, в целом, можно сказать, что она проще, чем общепринятая академическая и также призвана упрощать коммуникацию. Как и в функциональной гармонии для обозначения аккордов применяются буквы, цифры и знаки, но в джазе в привычные обозначения вводятся некоторые изменения. В частности, к латинскому обозначению тональности прибавленная буква может обозначать сразу вид аккорда, а бемоль и диэз обозначаются не буквами, а знаками. Таким образом, тональность *fis-moll* будет обозначаться $F^{\#}m^7$, то есть сразу с указанием вида септаккорда. Это интересный феномен. В плане терминологии тоже могут быть разные названия, но суть понятия от этого не меняется. Например, тесное, широкое расположение голосов – в джазе называется закрытой и открытой позицией и т.д. Система обозначений и особенности джазовой гармонии направлены на облегчение музыкальной коммуникации импровизаторов.

Джаз и сегодня является посредником между человеком и меняющимся миром. Он поражает в прямом смысле этого слова своей подлинностью, искренностью и экзотичностью исполнения. Каждый исполнитель в *jam-session* – соавтор, вовлекающий в музыку и слушателей. С другой стороны, в нём всегда присутствовало стремление к общности разговора, доверительности, отсюда и обращение к темам мейнстрима (свинговые хиты), и общечеловеческим музыкальным канонам (вариант «золотой секвенции» в обороте II-V-I).

«Уникальность джаза проявляется во всех его параметрах, в том числе и в том, как он менее чем за сто лет покорил мир, соединяя в себе множество культур, эволюционируя и вбирая интонации исконно-ментальные и рождённые новой эпохой, являясь «звуковым кодом» XX в.» [5, с. 172].

В джазовой импровизации нет языковых барьеров. Е.С. Барбан проводит параллель между коммуникативной компетенцией джазового музыканта, джазовый язык которого можно сравнить с речевым высказыванием (языковая норма, стиль, диалект), которые коррелируют «с эстетическими представлениями эпохи и с социальной реальностью» и отмечает, что: «Музыкально-языковое поведение импровизатора в целом определяется и контролируется его коммуникативной компетенцией. Именно она... влияет на специфику и качество формы и содержания музыкальной импровизации» [2, с. 167]. Знание формы блюзового и свингового квадрата, ладовые, ритмические, мелодические и гармонические принципы импровизации в игре и пении, являются той основой, которая

позволяет музыкантам понимать друг друга с первой встречи, обмениваться друг с другом музыкальными мыслями, в совместном творчестве самореализовываться, раскрывать свой внутренний мир в общении со слушателями и коллегами.

Заключение.

Джаз, вобравший в себя интонации музыки многих стран и веков, стал символом общения людей разных стран, передачи своего музыкального культурного кода, чувства эмоциональной и интеллектуальной общности с ними. «Джаз завоевал мир, так как его философия - это свобода и творческое сотрудничество» [4, с. 369], а джазовая импровизация является не только необходимым компонентом в общей картине музыкальной культуры, примером выразительного исполнительства, но и символом общемировой коммуникационной музыкальной философии XX и XI века.

Библиографический список

1. Алвин Дж., Уорик Э. Музыкальная терапия для детей с аутизмом / Москва: Изд-во Теревинф, 2004. 208 с.
2. Барбан Е.С. Джазовый словарь / Санкт-Петербург: Изд-во Композитор; 2014. 368 с.
3. Борисова Е.Н., Гроховский В.А. Коллективная импровизация как коммуникация (на примере обучения джазовых пианистов в вузе). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-improvizatsiya-kak-kommunikatsiya-na-primere-obucheniya-dzhazovyh-pianistov-v-vuze?ysclid=m6wesyw5ev562791520> (Дата обращения: 18.02.2025).
4. Докучаева М.Н. Джаз как звуковой код XX века // Модернизация культуры: идеи парадигмы культурных изменений: материалы Международной научно-практической конференции. Самара: Самарская гос. академия культуры и искусств, 2013. Ч. II. С. 365-369.
5. Докучаева М.Н. Симбиоз эмоционального и рационального – парадокс музыки в джазе // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Международной научно-практической конференции. Самара: Самарская гос. академия культуры и искусств / под ред. С.В. Соловьевой В.И. Ионесова Л.М. Артамоновой. Самара: Самарская гос. академия культуры и искусств, 2014. Часть III. С. 172-176.
6. Есаков М.М. Основы джазовой импровизации. Ч.2 / Москва: Мин-во культуры РФ, 1989. 71 с.
7. Кирнарская Д.К. Психология специальных способностей. (Музыкальные способности.) / Москва: Изд-во Таланты-XXI век, 2004. 496 с.
8. Конен В.Д. Рождение джаза / Москва: Изд-во Советский композитор, 1990. 320 с.
9. Михаил Есаков (1938-2009) (О.М. Степурко о М. Есакове) // URL: <https://jazz-portal.blogspot.com/2009/06/1938-2009.html> (Дата обращения: 18.02.2025).
10. Русанова Е.С. Культурный смысл джаза в свете концепции Теодоро Адорно // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2021. № 3. С. 36-41.
11. Советский джаз. Проблемы. События. Мастера / Сборник статей. – М.: Изд-во Советский композитор, 1987. 592 с.
12. Стернс М. История джаза // URL: <https://klex.ru/23l8?ysclid=m6wc68z4js853578871> (Дата обращения: 08.02.2025).
13. Хэнкок: джаз как инструмент дипломатии помогает преодолевать культурные барьеры // URL: <https://tass.ru/kultura/5169976> (Дата обращения: 18.02.2025).
14. Чередищенко Т.В. Музыка в истории культуры / Москва: Изд-во А-Пресс, 1994. 223 с.
15. Шпаковская Е.Б. Джазовая импровизация как способ воспитания творческой индивидуальности исполнителя и слушателей. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. / С.-Петербургский. гос. университет культуры и искусств. Санкт-Петербург, 2018. 120 с.

repbypr, 2002. 21 c. // URL: <https://www.dissercat.com/content/dzhazovaya-improvizatsiya-kak-sposob-vospitaniya-tvorcheskoi-individualnosti-ispolnitelya-i-> (Дата обращения: 18.02.2025).

References

1. Alvin J., Warwick E. Music Therapy for Children with Autism / Moscow: Terevint Publishing House, 2004. 208 p.
2. Barban E.S. Jazz Dictionary / St. Petersburg: Composer Publishing House; 2014. 368 p.
3. Borisova E.N., Grokhovsky V.A. Collective Improvisation as Communication (based on the training of jazz pianists at a university). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-improvizatsiya-kak-kommunikatsiya-na-primere-obucheniya-dzhazovyh-pianistov-v-vuze?ysclid=m6wesyw5ev562791520> (18.02.2025).
4. Dokuchaeva M.N. Jazz as a Sound Code of the 20th Century // Modernization of Culture: Ideas of the Paradigm of Cultural Change: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Samara: Samara State Academy of Culture and Arts, 2013. Part II. P. 365-369.
5. Dokuchaeva M.N. Symbiosis of the Emotional and the Rational – the Paradox of Music in Jazz // Modernization of Culture: Ideas and Paradigms of Cultural Change: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Samara: Samara State Academy of Culture and Arts / edited by S.V. Solovieva, V.I. Ionesov, L.M. Artamonova. Samara: Samara State Academy of Culture and Arts, 2014. Part III. P. 172-176.
6. Esakov M.M. Fundamentals of Jazz Improvisation. Part 2 / Moscow: Ministry of Culture of the Russian Federation, 1989. 71 p.
7. Kirnarskaya D.K. Psychology of Special Abilities. (Musical Abilities.) / Moscow: Talenty-XXI Century Publishing House, 2004. 496 p.
8. Konen V.D. Birth of Jazz / Moscow: Soviet Composer Publishing House, 1990. 320 p.
9. Mikhail Esakov (1938-2009) (O.M. Stepurko about M. Esakov) // URL: <https://jazz-portal.blogspot.com/2009/06/1938-2009.html> (18.02.2025).
10. Rusanova E.S. The cultural meaning of jazz in light of the concept of Theodoro Adorno // Studia Humanitatis Borealis / Northern humanitarian studies. 2021. № 3. P. 36-41.
11. Soviet jazz. Problems. Events. Masters // Collection of articles. – M.: Soviet composer Publishing House, 1987. 592 p.
12. Stearns M. History of Jazz // URL: <https://klex.ru/23l8?ysclid=m6wc68z4js853578871> (02.08.2025).
13. Hancock: Jazz as a Tool of Diplomacy Helps Overcome Cultural Barriers // URL: <https://tass.ru/kultura/5169976> (02.18.2025).
14. Cherednichenko T.V. Music in the History of Culture / Moscow: A-Press Publishing House, 1994. 223 p.
15. Shpakovskaya E.B. Jazz Improvisation as a Way of Fostering the Creative Individuality of the Performer and Listeners. Dissertation for the Degree of Candidate of Pedagogical Sciences. / St. Petersburg. State University of Culture and Arts. St. Petersburg, 2002. 21 p. // URL: <https://www.dissercat.com/content/dzhazovaya-improvizatsiya-kak-sposob-vospitaniya-tvorcheskoi-individualnosti-ispolnitelya-i-> (18.02.2025).

Киреев М.Н.

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Енина С.А.

Старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Аникеев Д.В.

Аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Особенности формирования личностной идентичности в досуговой деятельности*

Аннотация. Идентичность личности – это сложное и многогранное понятие, описывающее чувство собственного «Я», совокупность представлений человека о себе, своих качествах, особенностях и месте в мире. Это не статичная величина, а динамический процесс, постоянно формирующийся и изменяющийся на протяжении всей жизни.

Досуговая деятельность оказывает значительное влияние на формирование и развитие идентичности личности, действуя как своего рода «лаборатория самопознания».

Важно осознанно выбирать досуговые занятия, которые способствуют личностному росту и развитию гармоничной личности. Кроме того, доступность и разнообразие досуговых возможностей также играют значительную роль в формировании идентичности. Ограниченный доступ к досуговым ресурсам может негативно повлиять на развитие личности.

Ключевые слова: идентичность, досуг, культурно-досуговая деятельность, самопознание.

Kireev M.N.

Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Studies. Belgorod State University of Arts and Culture.

Enina S.A.

Senior Lecturer of the Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State University of Arts and Culture.

* © Киреев М.Н., Енина С.А., Аникеев Д.В., 2025.

Anikeev D. V.

Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Studies. Belgorod State University of Arts and Culture.

Features of formation of personal identity in leisure activities

Abstract. Personal identity is a complex and multifaceted concept that describes a sense of one's own "I", the totality of a person's ideas about himself, his qualities, characteristics and place in the world. This is not a static quantity, but a dynamic process, constantly forming and changing throughout life.

Leisure activities have a significant impact on the formation and development of personal identity, acting as a kind of «laboratory of self-knowledge».

It is important to consciously choose leisure activities that promote personal growth and the development of a harmonious personality. In addition, the availability and variety of leisure opportunities also play a significant role in the formation of identity. Limited access to leisure resources can negatively impact personal development.

Key words: identity, leisure, cultural and leisure activities, self-knowledge.

Проблема самоидентичности не только широко волнует специалистов и ученых в области психологии, социологии, философии и других наук, но и стала важной социальной темой, о которой задумывается каждый в современном обществе. Социальная культура с необычайной скоростью претерпевает серьезные изменения, оказывая влияние на образ жизни людей и социокультурное пространство.

Идентичность представляет собой сложный психологический процесс. В реальной жизни нам трудно различить, какая идентичность индивидуальная, а какая групповая. Различие между индивидуальной идентичностью и социальной идентичностью, национальной идентичностью и этнической идентичностью проводится только для удобства теоретического обсуждения. Если речь идет об индивидуальной идентичности, то она не может быть достигнута без национальной, социальной, культурной идентичности и т. д. Индивидум не может существовать независимо от природы, государства, общества, групп, и его самоидентичность, естественно, включает в себя множество социальных содержаний и ролей, таких как социальная принадлежность, самооценка, а также его образ жизни и культурная модель.

Психологические исследования показывают, что индивидуальная идентичность переходит от социальной идентичности к самоидентичности. Психоаналитические школы считают, что индивидуальная идентич-

ность, в первую очередь, интериоризируется от родителей или учителей для формирования качеств, необходимых личности, или через подражание и послушание в социальных ситуациях для формирования определенных моделей мышления и поведения и постепенного установления определенных ценностей. Вот почему, начиная с подросткового возраста, у людей проявляется сильное чувство идентичности, а также проявляется кризис идентичности.

С одной стороны, благодаря социальному опыту, накоплению знаний и совершенствованию ценностей у индивидов постепенно формируются собственные стандарты оценочных суждений, подвергая сомнению исходную структуру знаний и мировоззренческие представления, что приводит к кризису самоидентичности.

Размышляя о процессе индивидуального роста, мы можем обнаружить, что до появления самосознания мысли и поведение индивидуума развивалось на основе инстинкта и привычки [2]. Младенцы получают одобрение и восхищение, наблюдая за выражением лица и поведением своих родителей. Когда их поведение устраивает родителей, они видят улыбку взрослого. Ребенок будет повторять и закреплять это поведение. Когда их поведение неудовлетворительное, родители будут хмуриться, сердиться. Ребенок будет постепенно избегать такого поведения. Такие привычки постепенно вырабатываются в повседневной жизни и в полной мере отражаются в школьном образовании. Словесная похвала учителей, поощрения или наказания в классе используются для укрепления индивидуальной идентичности посредством формирования привычки.

Основной коннотацией идентичности является признание идентичности, одобрение, подчеркивая, что личности дают самоутверждение психологически, а через внешнее принуждение и невольный выбор оно должно принадлежать усвоенным нормам, а не самоидентификации.

Личностный рост и развитие всегда тесно связаны с общественным развитием. Самоизоляция от общества не существует, в социальных отношениях индивиды формируют индивидуальную самоидентичность через внутренние потребности и внешние ограничения, в том числе внешнюю социальную идентичность и внутреннюю самоидентичность, которые взаимосвязаны и способствуют дополнению друг другу [3]. Самоидентичность есть внутренняя идентичность, то есть процесс индивидуального отбора и конструирования себя путем интеграции самоидентичности, роли, ценности и духовного мира, интериоризации социальных требований и ролевых ожиданий, интеграции внутренних потребностей [4].

Социальная идентичность – это разновидность экстравертной идентичности, то есть процесс познания и признания индивидами своего социального статуса, который является основой для выбора индивидами

социальных норм и выделения своей атрибуции идентичности [1]. Функция социальной идентичности включает в себя важный аспект: внутри сообщества она направляет его членов к пониманию социальных требований и социальных ожиданий посредством пропаганды, просвещения, общественного мнения. Социальная идентичность относится к процессу индивидуального познания и интернализации социальных норм, целью которого является помочь людям овладеть моральными нормами.

Самоидентификация и социальная идентичность являются двумя аспектами индивидуальной идентичности. Самоидентификация заключается в том, чтобы признать и понять себя с точки зрения индивидуального «Я», главным образом для подтверждения чувства идентичности, принадлежности и значения «Я»; в то время как социальная идентичность в основном распознает и постигает себя с точки зрения социальной роли и направлена на получение самовышления и поведения в социальных ситуациях, нормы и рамки, которые координируют отношения между собой и обществом.

От успешности формирования самоидентичности будет зависеть роль, которую индивид будет играть в обществе в будущем.

Сейчас идентичность меняется, продвигается от традиции к новациям и инновациям. Новые институты формируют новые ценности.

Досуговая деятельность также тесно связана с формированием различных человеческих норм и ценностей.

Идентичность личности в досуге – это сложная и многогранная тема, исследующая как свободное время влияет на формирование и выражение «Я». Досуг предоставляет собой уникальную возможность для самовыражения, экспериментирования с ролями и идентичностями, которые могут отличаться от тех, что человек демонстрирует в профессиональной или семейной жизни. В контексте досуга, идентичность может проявляться через:

- Выбор деятельности. То чем человек занимается в свободное время, отражает его ценности, интересы и убеждения.

- Социальные группы. Взаимодействие с другими людьми в контексте досуга формирует чувство принадлежности и самооценки.

- Ролевое поведение. Досуг часто предоставляет пространство для экспериментирования с различными ролями и идентичностями.

- Самореализация и творчество. Досуг – это время для саморазвития и реализации творческого потенциала.

- Отдых и релаксация. Даже пассивный отдых, такой как чтение или просмотр фильмов, влияет на формирование идентичности, позволяя человеку восстановиться, перезагрузиться и понять свои потребности. Выбор таких видов отдыха отражает предпочтения и ценности личности.

Однако важно понимать, что идентичность в досуге не всегда являет-

ся полностью автономной от других сфер жизни. Социальные ожидания, финансовые ограничения и другие факторы могут влиять на выбор досуговой деятельности и, соответственно, на выражение идентичности.

Изучение идентичности личности в досуге важно для понимания процесса самопознания и личностного роста. Анализ досуговой активности может помочь людям лучше понять себя, свои ценности и потребности, а также способствует развитию здоровой и гармоничной личности. Более того, изучение этой темы актуально для социологов, психологов, специалистов в области организации досуга и других областей, для создания более эффективных стратегий по улучшению качества жизни людей.

Досуговая деятельность является формой, позволяющей выразить содержание идентичности. Она обеспечивает выбор из совокупности социальных практик тех, которые соответствуют потребностям, направленности и самоощущению человека. Идентификационный тип определяет специфику использования жизненного пространства и конструирования досуговых траекторий. **Культурно-досуговая деятельность** обладает возможностями индивидуализации и социально-культурной интеграции личности, выступая пространством для самовыражения и поиска личностной идентичности через групповую идентичность.

Формирование личной идентичности – сложный и многогранный процесс, в котором досуговая деятельность играет значительную роль. Особенности ее влияния можно рассмотреть с нескольких сторон:

1. Экспериментация и самовыражение.

– Проба ролей. Досуг предоставляет пространство для экспериментирования с различными социальными ролями и идентичностями. Участие в театральных постановках, спортивных командах, музыкальных группах или волонтерских организациях позволяет подросткам и молодым людям примерять на себя разные «маски», исследовать свои возможности и предпочтения, и, в конечном счете, выбрать те роли, которые им наиболее соответствуют.

– Самораскрытие и самоутверждение. Выбор видов досуга часто отражает внутренний мир человека, его ценности и стремления. Занятие творчеством (рисование, письмо, музыка), спортом, коллекционированием позволяют выразить себя, продемонстрировать свои способности и получить признание от окружающих, что укрепляет чувство собственной значимости.

– Развитие уникальности. Досуг, особенно нестандартный и творческий, способствует развитию индивидуальности и формированию уникального образа «Я». Оригинальные хобби, необычные увлечения помогают отличиться от других и утвердить свою неповторимость.

2. Социализация и идентификация.

– Принадлежность к группам. Участие в различных сообществах, объединенных общими интересами (клуб по интересам, фан-группа, онлайн-сообщество), способствует формированию групповой идентичности и чувства принадлежности. Взаимодействие с единомышленниками помогает укрепить самооценку и понять свое место в социуме.

– Сравнение с другими. Наблюдение за другими людьми в досуговой среде, сравнение своих достижений и способностей с достижениями сверстников влияет на самовосприятие и формирование адекватной самооценки.

– Социальное обучение. Досуговая деятельность предоставляет возможность наблюдать за поведением других людей, учиться эффективным стратегиям взаимодействия и адаптироваться к различным социальным ситуациям.

3. Развитие компетенций и самоэффективности.

– Освоение новых навыков. Досуг часто связан с приобретением новых знаний и навыков. Успехи в освоении хобби или спортивных дисциплин повышают самооценку и уверенность в себе.

– Преодоление трудностей. Достижение целей в досуговой деятельности (например, участие в соревнованиях, выступление на концерте) учит преодолевать трудности, развивает настойчивость и волевые качества, что положительно сказывается на формировании личной идентичности.

– Позитивный опыт. Положительные эмоции и удовлетворение от досуговой деятельности способствуют формированию позитивного самовосприятия и укреплению чувства собственной ценности.

Однако необходимо учитывать и негативные аспекты. Например, негативное влияние сверстников. Влияние негативной группы или негативного опыта может привести к формированию негативной самооценки и деструктивной идентичности.

Зависимость от досуга: чрезмерное увлечение каким-либо видом досуга может привести к деформации личности, а также игнорированию других важных аспектов жизни.

Недоступность досуга: отсутствие возможности заниматься интересными видами досуга может ограничивать развитие личности и формирование позитивной идентичности.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что досуговая деятельность играет важную роль в формировании личной идентичности, предоставляя возможности для самовыражения, социализации, развития компетенций и самоэффективности. Однако для здорового развития личности необходимо обеспечить баланс и разнообразие досуговых занятий, а также минимизировать негативные влияния.

Библиографический список

1. Агеев В.С. Социальная идентичность личности // Социальная психология: хрестоматия / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М.: Аспект Пресс. 2003. 475с.
2. Барлыбаев Х.А. Структура сознания и идентичность. Уфа: Гилем. 2011. 113 с.
3. Орлова Э.А. Идентичность человека как философская и научная проблема // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 87-110
4. Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. Серия «Психология». 2005. Вып. 1 (45). С. 13-17.

References

1. Ageyev V.S. Social identity of the individual // Social Psychology: Reader / Comp. E.P. Belinskaya, O.A. Tikhomandritskaya. – M.: Aspekt Press. 2003. 475 p.
2. Barlybaev H.A. Structure of consciousness and identity. Ufa: Gilem. 2011. 113 p.
3. Orlova E.A. Human identity as a philosophical and scientific problem // Issues of social theory. 2010. Vol. 4. P. 87-110
4. Sapozhnikova R.B. Analysis of the concept of “identity”: theoretical and methodological foundations // Bulletin of Tomsk. state ped. University. Series «Psychology». 2005. Issue. 1 (45). P. 13-17.

Мирошниченко Е.В.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Калашникова Н.Н.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Сыровацкий Е.Ю.

Аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Развитие творческой активности молодежи посредством волонтерской деятельности*

Аннотация. В статье ставится задача рассмотреть специфику волонтерства, основные мотивы волонтерской деятельности. Раскрыты некоторые принципы взаимоотношения организаций с волонтерами. Частично освещена волонтерская деятельность в сфере культуры, влияние волонтерства на гражданско-патриотическое воспитание молодежи.

Ключевые слова: волонтерство, культура, социальная деятельность, движения, объединения, добровольчество, общественные организации.

Miroshnichenko E. V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State Institute of Arts and Culture.

Kalashnikova N.N.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State Institute of Arts and Culture.

Syrovatsky E. Y.

Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Studies. Belgorod State Institute of Arts and Culture.

* © Мирошниченко Е.В., Калашникова Н.Н., Сыровацкий Е.Ю., 2025.

Развитие творческой активности молодежи посредством волонтерской деятельности

Development of creative activity of youth through volunteer activities

Abstract. The article aims to consider the specifics of volunteerism, the main motives of volunteering. Some principles of the relationship between organizations and volunteers are revealed. The article partially highlights volunteer activities in the field of culture, the impact of volunteerism on the civic and patriotic education of young people.

Key words: volunteerism, culture, social activities, movements, associations, volunteerism, public organizations.

Под волонтерством понимается коллективная или индивидуальная деятельность, связанная с оказанием безвозмездных услуг для удовлетворения определенных общественных нужд [5, с. 39].

История развития волонтерской деятельности началась в глубокой древности. Зачатки безвозмездной добровольной помощи были заметны ещё среди древних людей, когда по непонятным причинам одни помогали другим в охоте, строительстве жилья, укрытии от хищников. Такая помощь была редкостью, так как в те времена царил естественный отбор. Если ты слаб или стар – тебе попросту не выжить. Для своего племени ты обуза, поэтому проще тебя отдать на растерзание диким животным, нежели рисковать своей жизнью, спасая тебя. Однако общество развивалось, человек эволюционировал. С каждым разом всё больше и больше люди проявляли внимание к своим собратьям, и чем более гуманным становилось общество, тем больше древние люди становились похожими на современных людей.

Окончательно звериные законы отступили с приходом в человеческое общество веры. Появление веры (в нашем случае христианской) позволило людям взглянуть друг на друга под другим углом. Люди стали не просто «соседями», они стали «ближними», «братьями». Начали появляться такие принципы как гуманизм, социальная ответственность, взаимопомощь.

Во всех уголках земного шара стали появляться волонтерские движения. Мощным толчком к развитию волонтерства стал добровольный уход на фронт монахинь Свято-Никольской обители в 1870 году. Женщины по своей воле ушли работать медсёстрами. К ним начали присоединяться и другие женщины. Так образовалось движение «Красный Крест».

Развитие волонтерского движения было настолько масштабным, что 17 декабря 1985 года на Всемирном собрании ООН был назначен новый праздник: День добровольца, который стали отмечать пятого декабря на международном уровне. 2001 год был объявлен годом волонтера. В России годом добровольца был объявлен 2018 год [4, с. 78-79].

С каждым годом роль волонтерских объединений все возрастает. Если еще 20 лет назад волонтерами были люди, помогающие морально, материально и физически ветеранам войны, пожилым людям, животным, то сегодня волонтеры задействованы практически во всех областях жизни. Это и волонтеры культуры, и пожарные-волонтеры, и медики, и спасатели. Этот список можно перечислять долго. Ясно одно: чем больше развивается наше гражданское общество, тем больше люди хотят оказывать бескорыстную помощь друг другу [1, с. 87].

Однако это стремительное развитие требует корректировок. Например, деятельность волонтеров, по-прежнему, сильно ограничивается. Отчасти, это можно считать разумным, ведь волонтер – это просто доброволец, который зачастую не имеет нужного образования, если речь идет, например, о медицине. В таких случаях стоит быть избирательнее, ведь речь идет о жизни и здоровье людей. Требуются обучающие центры для людей, которые хотят заниматься серьезным делом, методическое обеспечение, инструкторы, тренировки, даже соревнования. И все это уже начинает появляться.

Современное общество как никогда нуждается в осознании необходимости и значимости волонтерских движений. Проблемой развития волонтерства в нашей стране озабочено как государство, так и граждане.

Добровольцы – физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности), а волонтеры – это жители России или иностранные граждане, которые принимают участие на основе гражданскоправовых соглашений в организации и проведении мероприятий, связанных с физической культурой и спортом. За их деятельность не предусмотрено денежное вознаграждение. Из этих определений можно заключить, что законодатели трактуют волонтерство как форму добровольной активности, ограниченной определенной областью [1, с. 89].

Добровольчество, или волонтерская деятельность, продолжает принципы благотворительности и представляет собой различные формы общественной деятельности, в которой люди участвуют добровольно, без денежного вознаграждения в интересах общества на принципах взаимопомощи [2, с. 86]

Индивидуальные и социальные потребности, присущие человеку, лежат в основе мотивов, которые и побуждают его к волонтерской деятельности (Рис. 1).

Существуют некоторые принципы взаимоотношения организации с волонтерами. Прежде всего, организация, которая хочет привлекать волонтерский труд, должна себе дать ответы на вопросы: «Действительно ли ей нужны волонтеры?», «Какую работу будут выполнять волонтеры?», «Оправданы ли расходы, связанные с реализацией волонтерской программы?».

Часто организации привлекают волонтерский труд не потому, что испытывают реальную потребность в нем, а только потому, что это сегодня модно. И когда волонтер приходит в такую организацию, ему начинают «подсовывать» любую работу, только чтобы он был чем-то занят.

Нужно помнить – волонтерская программа разрабатывается и внедряется для того, чтобы помочь организации достичь стратегических целей. И, если привлекать волонтеров, для этого должны быть основания [6, с. 153].

Есть еще один перекося в данном вопросе – злоупотребление волонтерским трудом, когда, например, людей привлекают на узкоспециализированную работу в качестве волонтеров. Хотя на самом деле их работа должна оплачиваться. Организовывая работу волонтеров, нужно просчитать все риски, связанные с волонтерской программой.

Волонтер, к примеру, может испортить технику, резко изменить свои планы и не выполнить задание, улучшить или ухудшить имидж организации. Также должен быть координатор волонтерской программы, а каждый волонтер иметь свою должность и знать свои обязанности [3, с. 142].

Важно учитывать, что все расходы, которые возникают во время выполнения волонтером своих обязанностей, должны ему компенсироваться. На самом деле, организовать работу волонтеров еще сложнее, чем работу сотрудников, которые работают за зарплату.

В России молодежное волонтерское движение получило второе дыхание в 2014 году, во время проведения зимней Олимпиады в Сочи. В настоящее время в 58 регионах России действует свыше 140 волонтерских центров. Их работу координируют комитеты по делам молодежи, образовательные учреждения и структуры министерства образования.

Согласно данным «Росмолодежи», наиболее крупными обществен-

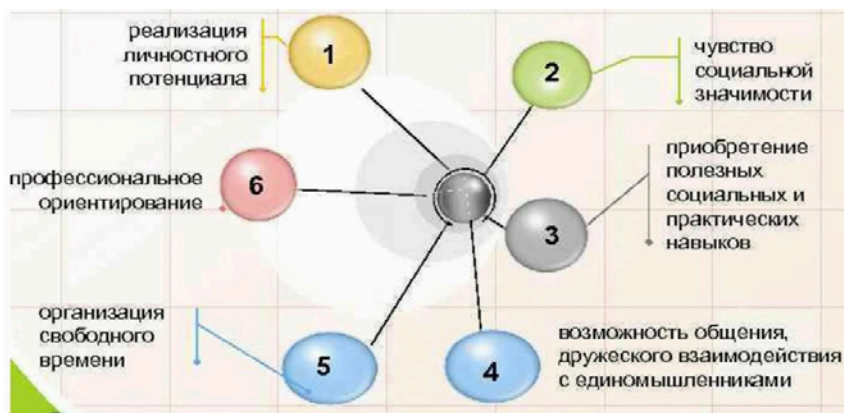

Рисунок 1. Основные мотивы волонтерской деятельности.

ными организациями являются «Волонтеры Победы» и «Волонтеры-медики». Участники этих организаций не только принимают участие в массовых мероприятиях, но также оказывают помощь ветеранам ВОВ, помогают медицинскому персоналу в больницах и задействованы в условиях проведения СВО.

Один из первых этапов развития волонтерства в сфере культуры начался в 2018 году. Тогда было основано Всероссийское общественное движение добровольцев в сфере культуры «Волонтеры культуры», созданное в рамках Ассоциации волонтерских центров совместно с программой «Волонтеры культуры» из Нацпроекта «Культура». Благодаря поддержке государства и систематическому развитию в рамках Ассоциации волонтерских центров, это движение выросло в широкомасштабное и уникальное явление. Ассоциация волонтерских центров (АВЦ) является самой большой волонтерской организацией в России, основанной в 2014 году для развития добровольчества. Она, объединяет свыше четырех миллионов волонтеров по всей стране и за ее пределами.

Волонтерство способствует гражданско-патриотическому воспитанию молодежи, происходит:

1. Осознание социальной ответственности. Волонтерская деятельность способствует пониманию молодежью важности участия в жизни общества. Помогая другим, молодежь учится ценить доступные ей ресурсы и осознает свою способность влиять на окружающий мир.

2. Стимулирование активной гражданской позиции. Участие в волонтерских проектах позволяет молодежи высказывать свое мнение, принимать участие в решении социальных проблем и выражать свою гражданскую позицию, что способствует формированию активных граждан.

3. Формирование патриотических ценностей. Волонтерские проекты, направленные на поддержку ветеранов, защитников Отечества или мероприятий, связанных с историей страны, помогают молодым людям глубже понять значение патриотизма и уважения к прошлому.

4. Укрепление межэтнических и межкультурных связей. Волонтерская деятельность часто объединяет людей разных национальностей и культур. Это формирует толерантность, уважение к многообразию и способствует гармонизации межнациональных отношений.

5. Развитие лидерских качеств. Участвуя в волонтерских проектах, молодежь имеет возможность развивать свои лидерские качества, научиться организовывать мероприятия, работать в команде и принимать ответственные решения.

6. Создание здоровой, активной среды. Волонтерские организации часто организуют мероприятия, направленные на улучшение экологии, сохранение культурного наследия и другие инициативы, что способствует созданию общего благоприятного пространства.

Работа в волонтерском движении поможет молодым людям измениться как внутренне, так и внешне. Человек, принимающий участие в таком виде деятельности, получит подготовку, которая поможет ему обрести самоуважение, стать активным и уверенным в себе. Занятия волонтерством помогут подрастающему поколению в социализации к изменяющимся событиям современного мира, научат общаться и сотрудничать со сверстниками, а также позволят включиться в различные виды деятельности. Волонтерство открывает двери для развития нравственности и предоставляет возможность получения новых знаний и умений, которые полезны для дальнейшей жизни молодых людей.

Исследуя развитие волонтерского института в России, мы обратили внимание на несколько сайтов, содержащих базы данных о волонтерах и их деятельности. В данный момент существуют платформы «Добро» и «Волонтеры в культуре». На «Добро» пользователи могут выбирать для участия различные волонтерские мероприятия и проекты. Сайт предлагает информацию об организаторах и о том, как организован процесс волонтерства для членов этого сообщества. Особенно примечателен аналитический раздел этой платформы. Похожий по содержанию ресурс – это база данных «Волонтеры в культуре». Эта платформа содержит информацию о численности волонтеров, формате и содержании мероприятий, где они будут задействованы, а также о культурных объектах, сохранение которых может осуществляться при их участии.

Безусловно, в России есть много неравнодушных людей, кому культурное волонтерство в удовольствие. Сколько творческих, активных певцов, танцоров и музыкантов не может найти и проявить себя, стесняется или не может совмещать работу и хобби. Для всех желающих должно быть место, где люди могли бы быть собой, заниматься любимым делом, делиться своим талантом и радовать других. Волонтерство полезно как учреждениям культуры, так и самим волонтерам. Первые получают выгоду от деятельности волонтеров на их базе (это и реклама, и помощь с реквизитом, и постановка мероприятий). Вторые же получают возможность реализовать себя, попробовать свои творческие способности, удовлетворить внутренние благородные порывы [1, с. 46].

Направления деятельности и содержание волонтерской деятельности в учреждениях культуры: социально-педагогическое направление – включает организацию и проведение социально-значимых мероприятий, которые направлены на формирование жизненной позиции молодежи и воспитание нравственных идеалов и ценностей; информационно-просветительское направление – предполагает распространение информации о волонтерской деятельности в СМИ с целью позитивного освещения добровольчества и подстегиванию граждан к совершению добрых поступков; профилактическое направление включает деятельность специалистов

и волонтеров, которая направлена на оказание помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Принципы волонтерской деятельности молодежи:

- принцип доступности – от простого – к более сложному, исключая перегрузки;
- принцип систематичности и последовательности – содержание учебно-воспитательного процесса выстраивается в определенной системе;
- принцип наглядности – использование технических средств обучения;
- принцип воспитывающего обучения – формирование личности молодого человека;
- принцип учета возрастных и индивидуальных особенностей молодежи.

Ожидаемые результаты: формирование постоянного состава группы волонтерского направления; установление связей с другими волонтерскими организациями; утверждение плана постоянных мероприятий по волонтерскому направлению работы; увеличение числа вовлеченных в добровольческую работу; расширение уровня знаний в молодежной среде о волонтерском движении и взаимопомощи; создание системы волонтерской деятельности в учреждении культуры.

Итак, волонтерская деятельность – это способ социального служения, осуществляемый по собственному желанию граждан, направленный на бескорыстное оказание социально значимых услуг на местном, национальном или международном уровнях, способствующий личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан.

Библиографический список

1. Балаян М.Н. Социокультурный потенциал волонтерского движения современной студенческой молодежи: специальность 22.00.06 «Социология культуры, духовной жизни»: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Майкоп. 2015. 147 с.
2. Бархаев А.Б. Социально-психологические условия вовлечения волонтеров в деятельность общественных организаций : специальность 19.00.05 «Социальная психология»: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – Москва. 2010. 292 с.
3. Великанова Е.В. Волонтерские организации учебных заведений как фактор формирования социально-культурного пространства // Вестник Тамбовского университета. 2012. № 12 (116). С. 140-146.
4. Горлова Н.И. Современные тенденции развития института волонтерства в России // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 77-80.
5. Каримов В.Р. Развитие волонтерской компетенции студентов педагогических вузов: 13.00.08 «Теория и методика профессионального 118 образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Челябинск. 2011. 237 с.
6. Конвисарева Л.П. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи: специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Кострома. 2006. 211 с.

References

1. Balanyan M.N. Sociocultural potential of the volunteer movement of modern student youth: specialty 22.00.06 "Sociology of culture, spiritual life": dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. – Maykop. 2015. 147 p.
2. Barkhaev A.B. Social and psychological conditions for involving volunteers in the activities of public organizations: specialty 19.00.05 "Social Psychology": dissertation for the degree of candidate of psychological sciences. – Moscow. 2010. 292 p.
3. Velikanova E.V. Volunteer organizations of educational institutions as a factor in the formation of socio-cultural space // Bulletin of Tambov University. 2012. № 12 (116). P. 140-146.
4. Gorlova N.I. Modern trends in the development of the institute of volunteering in Russia // Bulletin of Kostroma State University. 2017. Vol. 23, № 3. P. 77-80.
5. Karimov V.R. Development of volunteer competence of students of pedagogical universities: 13.00.08 "Theory and methodology of professional 118 education": dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. – Chelyabinsk. 2011. 237 p.
6. Konvisareva L.P. Volunteer movement as a factor in the development of social activity of youth: specialty 13.00.02 "Theory and methods of training and education (by areas and levels of education)": dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. – Kostroma. 2006. 211 p.

Шиндель С.В.

Доктор культурологии, доцент кафедры «Экономика и гуманитарные науки», Энгельсский технологический институт (филиал) Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (СГТУ).

Семёнова Т.В.

Старший преподаватель кафедры «Экономика и гуманитарные науки», Энгельсский технологический институт (филиал) Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (СГТУ).

Зражевская Е.О.

Старший преподаватель кафедры «Экономика и гуманитарные науки», Энгельсский технологический институт (филиал) Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (СГТУ).

Язык как «дом бытия» и «философия» почвы: рецепция немецких мыслителей этнической лингвокультуры*

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь экзистенциальных категорий «язык» и «почва», которая волновала выдающихся носителей немецкого языка и культуры XIX-XX веков – писателей Г. Бёлля и Э. Юнгера, философов М. Хайдеггера и О. Шпенглера. Взгляды мыслителей находятся в корреляции, и могут быть интерпретированы как триединство почва-кровь-язык (Boden-Blut-Sprache). Образно и предельно точно определяет сущность родного языка как «удостоверения, которое никто не должен подписывать или продлевать» гуманист Генрих Бёллер. Его соотечественник, Эрнст Юнгер – писатель, философ – скрупулёзно описывает в своем дневнике «Излучения» опыты по возделыванию почвы, тем самым на подсознательном уровне актуализируя дихотомию – язык и почва. Язык по Мартину Хайдеггеру – это «дом бытия», дом, возникший на почве диалектов. «Прафеномен» или прообраз всего сущего, незыблемая основа (почва) для культуры – такова природа языка, по мнению Освальда Шпенглера. На наш взгляд, философские умозаключения мыслителей свидетельствуют о материалистичности и категоричности этнической лингвокультуры, особенности которой обнаруживаются в грамматическом строе, фонетике, морфологии немецкого языка. Междисциплинарный подход в русле лингвокультурологии позволяет выявить данную взаимосвязь, и представляется целесообразным как с точки зрения понимания, так и методики преподавания немецкого языка, что, в свою очередь, свидетельствует о практической значимости представленной статьи.

Ключевые слова: немецкий язык, этническая лингвокультура, Г. Бёллер, Э. Юнгер, М. Хайдеггер, О. Шпенглер.

* © Шиндель С.В., Семёнова Т.В., Зражевская Е.О., 2025.

Язык как «дом бытия» и «философия» почвы: рецепция немецких мыслителей этнической лингвокультуры

Shindel S.V.

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor of «Economics and Humanitarian Sciences», Engels Technological Institute (branch) Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin.

Semenova T.V.

Semenova Tatiana Vasilievna, Senior Lecturer, Department of Economics and Humanities, Engels Technological Institute (branch) Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin.

Zrazhevskaya E.O.

Zrazhevskaya Elena Olegovna, Senior Lecturer, Department of Economics and Humanities, Engels Technological Institute (branch) Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin.

Language as “house of being” and “philosophy” of soil: German thinkers on the reception of ethnic linguoculture

Abstract. The article deals with the relationship between the existential categories of “language” and “soil”, which worried the outstanding speakers of German language and culture of the XIX-XX centuries - writers G. Böll and E. Jünger, philosophers M. Heidegger and O. Spengler. The views of the thinkers are in correlation and can be interpreted as a trinity of soil-blood-language (Boden-Blut-Sprache). The humanist Heinrich Böll figuratively and extremely accurately defines the essence of the mother tongue as “a certificate that no one has to sign or renew”. His compatriot Ernst Jünger - writer, philosopher - meticulously describes in his diary “Radiations” the experiments of soil cultivation, thus subconsciously actualizing the dichotomy of language and soil. Language according to Martin Heidegger is the “house of being,” a house that emerged from the soil of dialects. “Präphänomenon” or prototype of all things, an immutable basis (soil) for culture - this is the nature of language, according to Oswald Spengler. In our opinion, the philosophical inferences of thinkers testify to the materialistic and categorical nature of ethnic linguoculture, the features of which are found in the grammatical structure, phonetics, morphology of the German language. The interdisciplinary approach in the context of linguoculturology makes it possible to reveal this relationship, and it seems appropriate both from the point of view of understanding and methodology of teaching German, which, in turn, indicates the practical significance of the presented article.

Key words: German language, ethnic linguoculture, G. Böll, E. Jünger, M. Heidegger, O. Spengler.

Концептуальное поле понятий «Boden» (почва), «Blut» (кровь) и «Sprache» (язык) находит свое отражение в трудах писателей Г. Бёлля и Э. Юнгера и философов М. Хайдеггера и О. Шпенглера. Все они – носители немецкой культуры, каждый из них пытался постичь сущность и сформулировать определение языка. Так, Генрих Бёллер изложил свою концепцию в Нобелевской речи, а также во франкфуртских лекциях, посвященных

проблеме «эстетике гуманного». Особый интерес представляет наследие Эрнста Юнгера, в символическом пространстве которого обнаруживается – культурфилософия почвы – имманентная потребность фиксировать результаты труда на страницах собственных дневников. И если творческое наследие Г. Бёлля пользуется по всему миру большой популярностью, и послужило объектом глубокого исследования в том числе и наших работах [3, 7, 11], то эпистолярное наследие Э. Юнгера издается на русском языке сравнительно недавно, что открывает новые горизонты для его исследования в будущем. Если мы обратимся к трудам классиков немецкой философии М. Хайдеггеру и О. Шпенглеру, то первый мыслит язык как «дом бытия», второй как «прафеномен» – некий костяк, незыблемую основу всего сущего. Для всех четырех мыслителей – этнических немцев – сущность родного языка – вещь само собой разумеющаяся, вполне понятная и потому объяснимая. По-другому дело обстоит для тех, кто пытается постигнуть эту же сущность будучи носителем русского языка и в связи с профессиональной необходимостью: очевидные трудности испытывают, и философы, не владеющие немецким языком, и филологи, не всегда сведущие в философии. В данной статье предпринимается попытка проведения рецепции немецкого языка и культуры в философских взглядах Г. Бёлля и Э. Юнгера, М. Хайдеггера и О. Шпенглера в аспекте корреляции понятий «Boden» (почва), «Blut» (кровь) и «Sprache» (язык). Лингвокультурологический метод исследования позволяет выявить взаимосвязь данных категорий на уровне фонетической, морфологической, синтаксической системы, а также грамматического строя немецкого языка.

Писателю и гуманисту Генриху Бёллю принадлежат слова: «Сам я немец. Единственное удостоверение личности, которое мне никто не должен выписывать, и никто продлевать – это язык, на котором я пишу; родной язык» [8]. «Просто немец» Генрих Бёллер произнес эту фразу во время торжественной церемонии вручения ему Нобелевской премии по литературе. Слова писателя следует понимать так: именно язык дает право человеку быть причастным к национальности; знание языка служит тем самым «удостоверением», которое обеспечивает пропуск и открывает двери в мир немецкой истории, литературы, культуры. Здесь прослеживается и метафизический смысл языка, если угодно, его символическое значение и пространственное измерение. Будучи этническим немцем, Бёллер высказывался, прежде всего, о «родном» языке – категории, тесно связанной с психологией своего носителя. «Родной язык» по-немецки – «Muttersprache» – дословно означает «материнский язык», «язык матери», выражаясь образно – «язык, который впитал с молоком матери», а «Отечество» – по-немецки – «Vaterland» – земля отцов (в определенном смысле отцов-предков): такова дихотомия, отражающая экзистенциальные смыслы человеческого бытия. Для немца Бёлля, потомственного католика (мы

не затрагиваем сейчас его отношение к представителям конфессии) немецкий язык был неразрывно связан с родной землей: «Я родился здесь, на этой земле. Все мои предки происходили из треугольника Клеве, Аахен, Кельн, а это, если угодно, католический ландшафт. Земля тут католическая, и куры католические, и собаки тоже, и брюква, что тут растет, и все остальное, что тут растет. Я вижу это в очень материальном, даже материалистическом духе» [8].

А вот размышления другого этнического немца, ровесника Генриха Бёлля, Эрнста Юнгера – философа и писателя, офицера, прошедшего две мировые войны: «Столовую свеклу, редис, кустовую фасоль высевал на грядке, а кормовую на опытном участке. Из капусты, помимо обыкновенной, посадил темно-красный сорт, почти с черным отливом из пристрастия к оптике. Еще у меня будут виться по жердям турецкая фасоль с красными цветами, куры тоже должны быть одной, ласкающей глаз породы. Только так можно рассчитывать и на экономический успех» [9, с. 252]. Итак, перед нами немец, совмещающий заботу о красоте с расчетами экономической эффективности. В перерывах между садовыми работами философские размышления и наблюдения за насекомыми: «В первый раз в своей новой обители за микроскопом. Когда я разрубил в саду толстый, изрешеченный крупными дырами буковый сук, на колоде остался черный с зеленым металлическим отливом жучок, покрытый длинными волосками: *Xestobium plumbeum*. В своей коллекции я обнаружил лишь его разновидность с красно-бурыми надкрыльями, которая попала мне в сети бороздок валежника среди трав под старыми буками. Ловля живущих в древесине тварей – особое искусство» [14, с. 36]. И так далее, день за днем: планомерный труд на земле, перемежающийся с тонкими наблюдениями за природой, эдакая «прикладная культурфилософия почвы», опыт, зафиксированный на бумаге.

Об успешности своего труда – создании произведений литературы размышляет и Генрих Бёльль. На первый взгляд, может показаться, что речь идет о простом перечислении предметов, с помощью которых организуется рабочее место писателя, и совокупность которых влияет на результат его деятельности. «Стол, за которым я пишу, высотой 76,5 см, шириной 69, 5 см, длина его поверхности составляет 111 см. У него резные ножки, выдвижной ящик, ему должно быть 70 или 80 лет, он был собственностью двоюродной бабушки моей жены, который, она, после того как муж скончался в сумасшедшем доме, а она, перебравшись в квартиру поменьше, продала своему брату, дедушке моей жены» [11]. Как известно, Генрих Бёльль был выходцем из рода краснодеревщиков, и стол имеет прямое отношение к имуществу рода его супруги – здесь прослеживается то самое уважительное отношение к своим корням (крови) и почве (земле). Остальные предметы, в представлении писателя значимы лишь потому,

что с помощью них и создается та самая литература, возникая на чем-то «смертельно белом, вроде бумаги». Думал ли Г. Бёльль всерьез о той экономической выгоде, которую может принести ему литература? Возможно, да, но скорее нет. «Ordnung» и «Arbeit», – свойственны и Бёльлю и Юнгеру, они находят свое отражение повсюду, и союз которых обеспечивает ту самую эффективность, о которой сознательно пишет Эрнст Юнгер, и о которой подсознательно размышляет Генрих Бёльль. Писатель иронизирует на тему экономической эффективности, в том числе над попыткой «рассчитать» условия успешности той или иной литературы, как вида искусства: «Всегда будет оставаться остаток, который можно назвать «необъяснимым» («таинственный» также хорошо звучит), всегда остается и будет оставаться область, хоть и крошечная, в которой законы нашей системы координат не действуют, где правят до сих пор не объяснимые законы поэзии и искусства, чьи воплощения также неуловимы, как тело женщины, мужчины или просто животного» [8, с. 451].

Вообще, почва и кровь (Boden und Blut), добавим сюда и язык (Sprache), то, что волновало немецких мыслителей на рубеже XIX-XX веков. Так, в работе М. Хайдеггера [10] прослеживается репрезентативная цепочка, а лучше сказать триада понятий: «кровь» – «почва» – «язык». Язык, по Хайдеггеру, – это «дом бытия», крестьянский дом, глубоко укорененный в почве, ставший органичной частью ландшафта. Язык науки для немецкого философа – это язык «поставы» или поставляющего исчисления. Он ничего не говорит о мире как таковом, но лишь об объектах, т.е. уже обработанных предметах, пред-поставленных наблюдателю. Далее, язык поэзии – это язык, в котором осуществляется «спор мира и земли», в котором языком мира является язык мифологический, а языком земли – язык диалектов, непосредственно укорененных в определенной местности. Именно поэтому, чтобы понимать поэзию, надо жить в местности, ограничивающей ареал данного языка. В труде «Истоки художественного творения» Хайдеггер пишет: «Язык не просто передает в словах и предложениях все очевидное и все спрятанное как разумеющееся так-то и так-то, но впервые приводит в просторы разверстого сущее как-такое-то сущее. [...] Язык впервые дает имя сущему, и благодаря такому именованию впервые изводит сущее в слово и явление» [10, с.3]. О значимости языка в своей знаменитой работе «Закат Европы» пишет Шпенглер, полагая, что язык – это «прафеномен» любой локальной культуры. «Прафеномен» – своеобразный костяк, незыблемая основа, вокруг которой существует культура и вне которой она распадается. «Картина истории – будь то история человечества, мира организмов, земли, неподвижных звезд – есть картина памяти» [13, с.180]. Таким образом, история какого-либо этноса, являющаяся основой социальной памяти, напрямую зависит от возможностей фиксировать события (наличия письменности) и, естественно общего языка [12]. Так или иначе,

идет ли речь о «доме» или «прафеномене» – оба понятия сводятся к ареалу, на территории которого язык функционирует.

Следует отметить, что о связи пространства с культурой (а значит и языком) в отношении немцев писал Н.А. Бердяев: «Возьмем немца. Он чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шире нет ни вокруг него, ни в нем самом, он ищет спасения в своей собственной организованной энергии, напряженной активности. Все должно быть у немца на месте, все распределено, без самодисциплины и ответственности немца не может существовать. Всюду он видит границы и всюду он ставит границы. Немец не может существовать в безграничности. Ему чужда и противна славянская безбрежность. Он только с большой напряженной энергией хотел бы расширить свои границы. Немец должен презирать русского человека за то, что тот не умеет жить, устраивать жизнь, организовывать жизнь, не знает меры и места, ни умеет достигать возможного. Русскому же противен германский язык. Германец чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию» [1, с. 65]. Согласимся с мнением Н.А. Бердяева в части рассуждений о значении для немцев границ физических, связанных именно с родной землей, «корнями». В тоже время отметим: ограниченная географически территория никак не стесняла дух «немечества», глубина и широта которого, к примеру, обнаруживаются в пространстве немецкой классической философии.

Порядок, высокий уровень организации сельского хозяйства и культуры отмечал и Николай Иванович Греч – русский филолог, публицист, издатель, который в середине XIX века был проездом в Пруссии (Вестфалии). Рассматривая ухоженные поля и крестьянский быт, он пишет: «Почва, – обработана очень прилежно, рожь и овес стоят хорошо... Крестьяне живут не деревнями, а отдельными усадьбами». В целом жизнь Германии представляется путешественнику чем-то вроде хорошо отлаженного большого механизма: «Поезды отходят и приходят в назначенное время, соображая движение свое с прибытием и отплытием пароходов. Омнибусы ходят скоро и исправно. Все рассчитано, предусмотрено. И публика привыкла к заведенному однажды *порядку*» [5, с. 51].

Итак, порядок и границы... границы, которые немец повсюду видит и которые ставит. Если все так, то природа такой «немечести, заключенной в границах» должна найти свое отражение в языке; попытаемся ее концептуализировать, взяв на вооружение немецкий принцип «kurz und gut».

«Язык — это дом бытия»; и мы, вслед за Хайдеггером добавим: язык, а именно немецкий язык, это дом такого бытия, в котором непрестанно совершается работа и царит порядок. Доминанты национальной культуры – извечные немецкие Ordnung (порядок) und Arbeit (работа), которые находят свое отражение практически повсюду, особенно в языке. Такая особенность очевидна вдумчивому знатоку, и становится очевидной ка-

ждому, кто принимается за изучение немецкого языка всерьез и надолго. И не только потому, что изучение иностранного языка требует усилий в принципе, сколько потому, что немецкий язык и буквально начинается с педантичной и в определенном смысле монотонной работы над произношением. Безусловно, фонологическая система каждого языка имеет свои особенности. Освоение немецкого языка предполагает постоянное напряжение артикуляционного аппарата: надо умело чередовать произношение кратких согласных (особенно в случаях удвоения таковых) и длинных гласных звуков (особенно в случаях, когда за гласной стоит согласная h); не забывать акцентировать внимание на «твердом приступе» в самом начале слова, соблюдать особенности звучания дифтонгов. При отработке навыков чтения, говорения, всего того, что связано с построением устной речи на немецком языке, следует научиться технике «правильного» дыхания. Это необходимо потому, что задается определенный ритм, ритм четкой немецкой артикуляции, который необходимо выдерживать и который, при правильном произношении, имеет характерные и легкоузнаваемые черты. Только планомерная ежедневная работа в начале обучения, и (если коммуникация происходит вне языковой среды) регулярные тренировки в процессе говорения, могут дать приближенный к произношению носителя языка результат. В немецком языке глухие согласные P,p и T,t, F,f требуют придыхания, а звонкие B,b и D,d и W,w – словно «чеканятся». По этим самым характерным звукам, произносимых с легким придыханием, можно узнать также и «немца», говорившего, например, по-русски. Вот какой пример приводит к книге «Зона полного покоя» Г. Вольтер: «На вопрос о том, работали ли на лесоповале немецкие женщины, он ответил утвердительно: да, они и жили в такой же «зоне», с одной кухни баланду хлебали. - Любили ли мы их? Да, только вприглядку. *Отна пуханка хлеб была лучше, чем отна тefочка!*» [4, с. 306]. Так фонематические особенности произношения немецкого языка налагаются на некоторые звуки в русском языке. Кстати, «натренированное на волну аутентичного произношения ухо» позволяет даже в условиях нахождения в инокультурной среде воспроизвести, а лучше сказать реконструировать исконный язык. Пример тому – «Словарь поволжско-немецкого маркштадского диалекта» Виктора Дизендорфа [6] (автор смог реконструировать бесписьменный диалект).

Позволим еще одно лирическое отступление, «навееянное», кстати, той самой немецкой согласной «Т, t». Генрих Бёльль в своей Нобелевской речи подчеркивал букву «Т, t» в слове Teutsche (Deutsche) – оба слова переводятся как «немец/немцы». С одной стороны, здесь намек на диалектные формы, на основе которых складывался постепенно литературный вариант немецкого языка. И опять же – тесная связь с родиной писателя, часть жителей которой еще произносили «Teutsche» и те, которые предпочитали говорить «Deutsche». Но и «Teutsche» и «Deutsche» – это все одна и та же

почва, земля, страна. Подобно Эрнсту Юнгеру, Генрих Бёлль также любил свою почву и свои «корни», правильнее сказать, своих предков и только в этом, и именно в этом смысле свою «кровь».

Далее. Все, без исключения существительные в немецком языке пишутся с заглавной буквы: красивая традиция, которая уходит своими корнями в Средневековье (XV в). Впрочем, не только и не просто традиция, но еще и маркер смысловой доминанты в предложении. Первым немецким словом, написанным с заглавной буквы, было слово «Gott» (Бог) [15]. Окончательно «узаконил» заглавную букву у существительных немецкий языковед, лексикограф, филолог Конрад Дуден в начале XX века. Итак, существительное в немецком языке участвует в организации предложения, и задает порядок слов, который бывает прямым (подлежащее на первом месте) или обратным (на первом месте любой второстепенная часть речи). Но самое главное место в предложении занимает сказуемое, как часть речи, выраженная глаголом и обозначающая действие. Во-первых, сказуемое занимает строго фиксированное логическое второе место. Иными словами, глагол, обозначающий действие является ядром, вокруг которого «выстраиваются» другие члены предложения. Можно сказать, что сказуемое – это центр, а все остальное – периферия; разумеется, внутри периферии есть своя иерархия или порядок. Слова в предложении выстраиваются согласно простой логике – от лексических средств более значимой, к менее значимой информации. Итак, существительное выступает смысловой доминантой с маркером в виде заглавной буквы, а глагол – такая доминанта по своему неизменному логически второму месту в предложении. Все стройно, упорядоченно, а, значит, гармонично. Филологи-иностранцы, преподаватели, а также все те, кто по-настоящему занимались изучением немецкого языка – все они имеют представление о правилах построения немецкого предложения с так называемой «рамочной конструкцией». Рамочная конструкция — это такой *порядок* слов в предложении, при котором два слова образуют неделимое по смыслу сочетание, но в предложении они расходятся по разным концам, как бы заключая предложение в рамку. Приведем для наглядности простейший пример: Das Mädchen ist in die Schule gegangen.

Немецкий язык предельно материалистичен (об этом, в частности, писал и Г. Бёлль); например, первое значение слова *getaucht* (форма причастия от начальной формы глагола *tauchen*) в переводе на русский язык обозначает «погрузившийся», т.е. буквально процесс погружения в воду при таинстве крещения (даже учитывая факт символичности такого таинства). Далее: состояние любого технического средства, инструментов, предметов быта идентифицируется совершенно четко. *Der Kühlschrank ist kaputt*. (Холодильник сломан). Поставим перед прилагательным *kaputt* отрицание *nicht* – и получим обратный смысл. Слово «Kühlschrank» (хо-

лодильник) дословно переводится как «шкаф, в котором прохладно» – предельно конкретное и точное определение данного предмета. Другой пример: внешний вид женщины, а именно ее образ в одежде определяется короткой фразой: «Das Kleid passt gut. (Платье идет)»; если же перед наречием стоит отрицание nicht, то «Платье не идет» («Das Kleid passt nicht gut.») (в дословном переводе «подходит хорошо» или подходит «не хорошо»). Показательно употребление наречия gut (хорошо) – утверждается оценочная коннотация, наречие «gut» придает логическую завершенность высказыванию (снова границы).

Заключение

На наш взгляд, философские умозаключения Г. Бёлля, Э. Юнгера, М. Хайдеггера, О. Шпенглера относительно сущности этнической лингвокультуры находятся в корреляции, что, в свою очередь, отражено в рецепции триединства «Boden» (почва), «Blut» (кровь) и «Sprache» (язык). В представлениях Г. Бёлля немецкий язык предельно материалистичен, что находит свое подтверждение в семантике лексических единиц; границы и порядок определяются особенностями грамматического строя, что обнаруживается в правилах организации синтаксиса на уровне простого предложения. Смысловые доминанты – написание существительных с заглавной буквы и фиксированное логически второе место глагола – коррелируют с доминантами национальной культуры – с понятиями – Ordnung und Arbeit. Фонематическая система немецкого языка требует постоянной напряженной работы со стороны артикуляционного аппарата, как-то: особенности произношения дифтонгов, «твердый приступ», чередование длительных с соседствующими короткими по звучанию слогами. В этой связи представляется оправданным интерпретировать немецкий язык как «дом бытия», в котором совершается работа и царит порядок; определять язык как некую неизблемую основу, «прафеномен» – о чем сознательно писали М. Хайдеггер и О. Шпенглер, и что подсознательно имели ввиду Э. Юнгер и Г. Бёльль.

Безусловно, взгляды М. Хайдеггера и О. Шпенглера применимы к бытию каждого языка, поскольку описывают его через экзистенциальные категории. Это, если угодно, формирует «общее» лингвокультуры. В тоже время необходимо выявлять «частное», признаки которого обнаруживаются в пространстве национального языка и культуры на примере отдельно взятого этноса. Как писал И.В. Гёте: «Кто не знает иностранного языка, тот не знает своего собственного», а впоследствии его мысль продолжил А.П. Чехов: «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек». В завершение отметим: лингвокультурологический подход к изучению иностранных языков представляется нам не только наиболее адекватным, но и перспективным: он способствует формированию устойчивого интереса, осознанной, по-настоящему глубокой мотивации. Это особенно важно в

случае с немецким языком, преподавание которого на современном этапе в образовательных учреждениях находится под угрозой исчезновения.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: «Мысль», 1990.
2. Волошинов А.В., Шиндель С.В. Гармония–симметрия–красота // Человек. 2017. № 4. С. 81-93.
3. Волошинов А.В., Шиндель С.В. Александр Солженицын и Генрих Бёль: диалог культур // Обсерватория культуры. 2008. № 4. С. 68-78.
4. Вольтер Г.А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее / под ред. В.Ф. Дизендорфа. – М.: 1998.
5. Греч Н. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. – С.-Петербург: Типография Карла Крайя. 1847.
6. Дизендорф В.Ф. Словарь немецко-поволжского маркштадтского диалекта. Wörterbuch der wolgadeutschenmarkstädter Mundart: [в двух томах]. Саратов Саратовский источник, 2015.
7. Семухина Е.А. Языковые категории и их типы. Модусные языковые категории // Проблемы современной лингвистики в контексте антропоцентризма. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2016. С. 30-46.
8. Топер Г. / Бёль Г. Избранные произведения. – М.: Панорама, 1994.
9. Трунев С.И. Влияние почвы / Волга. 2008. № 4. С. 252.
10. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет. – М.: Издательство «Гнозис», 1993. 464 с.
11. Шиндель С.В. Некоторые проблемы исследования немцев Поволжья // Философия и культура. 2023. № 4. С. 239-248.
12. Шпенглер О. Закат Европы / Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1998.
13. Юнгер Э. Сады и дороги: пер. с нем. /Эрнст Юнгер. 2 изд. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2022.
14. Luther Testament. Deutsche Bibelgesellschaft. Stuttgart. 2000.

References

1. Berdyayev N.A. The Fate of Russia. Experiments in the Psychology of War and Nationality. – Moscow: "Mysl", 1990.
2. Voloshinov A.V., Shindel S.V. Harmony-Symmetry-Beauty // Man. 2017. № 4. P. 81-93.
3. Voloshinov A.V., Shindel S.V. Alexander Solzhenitsyn and Heinrich Böll: Dialogue of Cultures // Observatory of Culture. 2008. № 4. P. 68-78.
4. Voltaire G.A. Zone of Complete Peace: Russian Germans During the War and After It / edited by V.F. Diesendorf. – Moscow: 1998.
5. Grech N. Parisian Letters with Notes on Denmark, Germany, Holland and Belgium. – St.Petersburg: Karl Kray Printing House. 1847.
6. Diesendorf V.F. Dictionary of the Volga German Marxstadt dialect. Wörterbuch der wolgadeutschenmarkstädter Mundart: [in two volumes]. Saratov Saratov source, 2015.
7. Semukhina E.A. Language categories and their types. Modus language categories // Problems of modern linguistics in the context of anthropocentrism. Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics. 2016. Pp. 30-46.
8. Toper G. / Böll G. Selected works. – M.: Panorama, 1994.
9. Trunev S.I. Influence of the soil / Volga. 2008. No. 4. P. 252.
10. Heidegger M. The Source of Artistic Creation // Works and Reflections of Different Years. – M.: Gnosis Publishing House, 1993. 464 p.
11. Shindel S.V. Some Problems of Studying the Volga Germans // Philosophy and Culture. 2023. № 4. P. 239-248.
12. Spengler O. The Decline of the West / Rostov n / D: Phoenix Publishing House, 1998.
13. Junger E. Gardens and Roads: trans. from German / Ernst Junger. 2nd ed. – M.: Ad Marginem Press, 2022.
14. Luther Testament. Deutsche Bibelgesellschaft. Stuttgart. 2000.

Юань Чжэньцзюнь

Студент, Российская академия музыки имени Гнесиных, Москва.

Влияние европейских традиций на развитие системы академического пения в Китае*

Аннотация. В данной статье рассмотрено влияние европейских традиций вокала на систему академического пения в Китае. В частности, указано, что наибольшее влияние на систему академического пения в Китае оказало европейское пение бельканто – благодаря его использованию удалось улучшить систему китайского академического пения – произвести работу с диафрагмой, проработать резонирующие полости для пения.

Ключевые слова: академическое пение в Китае, бельканто, пение бельканто, западный метод пения, традиционное пение Китая.

Yuan Zhenjun

Student, Gnessin Russian Academy of Music.

The influence of European traditions on the development of academic singing in China

Abstract. This article examines the influence of European vocal traditions on the system of academic singing in China. In particular, it is indicated that the greatest influence on the system of academic singing in China was exerted by European bel canto singing - thanks to its use, it was possible to improve the system of Chinese academic singing - to work with the diaphragm, to work out the resonant cavities for singing.

Key words: academic singing in China, bel canto, bel canto singing, Western singing method, traditional singing of China.

Традиционное европейское пение во многом связано с использованием системы бельканто. Западный метод пения бельканто, пришедший с развитием оперы, имеет 400-летнюю историю. Навыки пения бельканто оказывают большое влияние на различные аспекты пения, такие, как умение использовать полость для пения, умение воздействовать на диафрагму

* © Юань Чжэньцзюнь, 2025.

Влияние европейских традиций на развитие системы академического пения в Китае

и стабильный контроль дыхания. Эти навыки можно применять при пении бельканто. В пении бельканто большое внимание уделяется мощному и непринужденному произношению слов, которое немного отличается от правильного произношения в китайской вокальной музыке [6, с. 15]. В бельканто певческий звук является круглым и концентрированным, что делает преобразование высоких и низких тонов более унифицированным, а звук более проникающим, и при этом дыхание используется более полно.

Бельканто впервые появилось в Китае в 1930-х и 1940-х годах благодаря иностранным студентам, спонсируемым правительством КНР и иностранным преподавателям вокала. На заре появления бельканто китайцы были малознакомы с этим искусством. При поддержке преподавателей вокала и различных культурных обменов и просветительской работы в Китае изначально сформировалась художественная модель бельканто, которая в определенной степени способствовала развитию бельканто в Китае.

В 1950-х и 1960-х годах известные зарубежные певцы бельканто приезжали в Китай для показательного обучения, в основном объясняя вокальные методы бельканто, методы обучения вокалу и европейские вокальные техники. В то же время они также предложили сделать акцент на закрытом пении, что вызвало новый всплеск интереса к бельканто в Китае и способствовало развитию вокального искусства в КНР [3, с. 87]. С момента проведения реформ и введения политики открытости, с ростом культурных обменов, известные зарубежные оперные мастера и певцы-баритон приезжали в Китай, чтобы читать лекции и обучать навыкам и технике пения бельканто, охватывающим все аспекты преподавания вокала, что в определенной степени повысило общий уровень вокальной подготовки в Китае.

Общность бельканто и китайской академической вокальной музыки проявляется, прежде всего, в общности дыхательных позиций. И китайская академическая вокальная музыка, и бельканто подчеркивают плавность дыхания, которая является не только движущей силой вокализации, но и важной основой для пения. При пении необходимо следить за тем, чтобы звук был связным и плавным, произношение четким, а громкость можно было эффективно контролировать, чтобы создать идеальный эффект исполнения. Во-вторых, бельканто и китайская академическая вокальная музыка также имеют определенные общие черты в размещении высокопозиционного звука [1, с. 105].

Китайская академическая вокальная музыка в основном опирается на стиль пения пекинской оперы, в то время как бельканто больше опирается на стиль пения западной оперы. Китайская академическая вокальная музыка указывает, что певческий голос должен быть ровным и свободным, не должен теснить горло. Бельканто также ясно подчеркивает, что при пении нужно открывать горло.

Есть в европейском бельканто и китайской системе вокального пения и определённые различия. Во-первых, они проявляются в разнице в использовании резонансных органов. Бельканто подчеркивает общий резонанс всех резонансных полостей, таких как головная полость, гортанная полость, ротовая полость и носовая полость, и старается обеспечить их одновременное использование, чтобы отразить резонансные преимущества каждой полости и повысить художественную привлекательность [4, с. 76]. Что касается техники произношения, то для производства звука в основном используются верхний и нижний вертикальные столбчатые резонансные каналы.

Резонанс китайского вокального искусства относительно прост и легок, в основном включает в себя резонанс ротовой полости, резонанс носовой полости и резонанс головной полости. Эта разница в основном вызвана разницей между использованием полости в академическом пении Китая и пении бельканто. Кроме того, она проявляется в разнице в стремлении к певческому искусству. Бельканто делает акцент на красоте звука и делает акцент на технических достижениях. Оно позволяет достичь чистоты и полноты качества звука, реализовать длительный контроль дыхания, а также представить широкий и гибкий стиль пения. Китайское академическое пение сохраняет традиционные достоинства китайского пения и обладает характеристиками чистого, эвфемистического и элегантного голоса [2, с. 110].

Развитие и прогресс в сфере искусства часто опираются на постоянное общение и взаимное обучение. В последние годы, с развитием вокального искусства в Китае и при наличии интеграции китайского и зарубежного музыкального искусства, бельканто постоянно проникает в китайское вокальное искусство, что оказало глубокое влияние на китайское вокальное искусство.

Традиционное вокальное искусство Китая – это в основном опера, которая использует естественный голос в специфическом пении и имеет узкий диапазон голоса, акцентируя внимание на мелодичном и длинном пении, в основном описывающие истории и эмоции, с ярко выраженными восточными особенностями. Ее сложно интегрировать в мировую вокальную культуру. Являясь важным связующим звеном между китайской и западной вокальными культурами, бельканто в Китае также интегрировало западную культуру в вокальное искусство страны, что оказало определенное влияние на развитие вокального искусства Китая [5, с. 121].

В настоящее время в академическом искусстве Китая нет недостатка в бельканто. Бельканто стало художественной основой современной китайской вокальной музыки. Постоянно совершенствовалось национальное вокальное искусство, обогащались и развивались певческие формы, родился коллектив известных исполнителей национального искусства,

благодаря чему вокальное искусство Китая достигло международного уровня.

Широкое распространение и развитие бельканто в Китае не только способствовало развитию китайской вокальной музыки, но и оказало огромное влияние на культуру академического пения. Например, с точки зрения эстетического развития звука, академическое пение Китая требует яркого, сладкого, мягкого тембра в эстетике звука. Бельканто преследует полный и яркий тембр, с металлическим тембром и проникновением, свободный и мягкий. Эта системы пения требует, чтобы у певца был полный резонанс в средних, низких и высоких зонах голоса при пении, что дает трехмерный смешанный звуковой эффект. Осознав научную природу бельканто, академическое пение Китая добавило более полное понимание эстетики звука, уделяя больше внимания его плавности [9, с. 54].

Эмоции – это основная цель выражения любого вида певческого искусства. При исполнении вокала в Китае важно вызывать эмоции у слушателя, а метод пения бельканто подчеркивает использование голоса для передачи эмоций и достигает цели передачи эмоций через обработку и изменение звука. В Китае академическое пение дополняется уникальным эстетическим искусством традиционного фольклора. В Китае академические певцы уделяют внимание эстетическим нормам «правильного произношения и круглого голоса» и эстетическим характеристикам «звука и эмоций», а также обращают внимание на традиционные эстетические характеристики пения.

Бельканто улучшает вокальные навыки китайских певцов, в основном в части навыков научной вокализации, дыхания, резонанса и расширения певческой позиции. Бельканто пропагандирует комбинированное дыхание грудь-живот, или, точнее, метод нисходящего дыхания диафрагмы с двумя раскрытыми ребрами, с полной поддержкой дыхания и способности к гибкому дыханию. Особенно строги требования к силе мышц талии и живота.

На уроках европейского вокала существуют специальные курсы вокальных дыхательных упражнений, в которых используются некоторые упражнения для укрепления мышц живота, чтобы лучше помочь певцам быстро нарастить певческие мышцы группы, чтобы певцы могли легче контролировать силу своей талии и живота при использовании дыхания [8, с. 102]. В отличие от метода грудного дыхания в традиционном пении поддержка дыхания неглубокая, а звук тонкий и слабый. Звук, производимый методом комбинированного дыхания грудной клетки и живота при помощи бельканто, более текучий и эластичный, что компенсирует проблему, которую традиционный метод пения в Китае при поверхностным в дыхании не мог решить, особенно при необходимости длительной задержки дыхания при исполнении произведений.

Таким образом, влияние бельканто на китайское вокальное исполнительское искусство незаменимо, особенно в части интеграции бельканто и китайской национальной местной культуры. С введением бельканто китайское академическое вокальное пение стало играть очень важную роль в вокальных навыках, выражении языка, передаче эмоций, эстетической коннотации и других аспектах. Преимущества бельканто могут быть приняты и интегрированы местным китайским искусством и культурой, и постоянно изучаются для формирования нового национального стиля формы искусства и метода пения. Внедрение бельканто позволило Китаю получить и признать научные вокальные навыки, освоить и понять систему тренировки функций собственного тела и умение гибко использовать дыхание, а также ряд научных систем для постановки голоса, артикуляции, пространственного чувства и лучшего эмоционального выражения, что придало новую силу при подготовке вокалистов Китая и новый национальный художественный стиль [7, с. 61]. Именно формирование этого нового вокального певческого искусства с китайской национальной спецификой способствовало развитию китайской вокальной музыки и китайского оперного певческого искусства.

В процессе внедрения современных методик пения бельканто необходимо органично интегрироваться с потребностями развития современного вокального искусства, которое связано с обществом, эстетическими потребностями людей и развитием международного вокального искусства. Например, качество исполнения вокального искусства постоянно улучшается, в этом случае, при наличии современных методов пения бельканто, необходимо постоянно совершенствовать способ пения и качество пения, применять более рационально инновации в сочетании с потребностями аудитории. И только тогда можно еще больше повысить инновационное качество современных методов пения бельканто, чтобы инновационные современные методы пения бельканто могли еще больше удовлетворить эстетические потребности людей. В то же время, это также может способствовать общему развитию вокального искусства в Китае [10, с. 15].

С точки зрения певческих методов вокального искусства важно отметить, что существуют современные методы пения бельканто, национальные методы пения и современные методы пения, а развитие различных жанров певческих методов является не изолированным, а взаимовлияющим и взаимозависимым. На самом деле, с развитием вокального искусства в Китае, современные методы пения бельканто, национальные методы пения и современные методы пения оказались в неразрывной связи, они взаимодействуют друг с другом.

В процессе внедрения инноваций в современные методы пения бельканто важно уделять внимание синергии и внедрять инновации в сочетании с фактическим положением национальных методов пения и совре-

менных методов пения, чтобы в то же время способствовать инновациям при использовании современных методов пения бельканто, а также способствовать инновациям в использовании других методов пения.

Нужно неизменно стремиться к идеальному звучанию, будь то пение бельканто, которое напрямую выражает стремление к идеальному звучанию, или китайское академическое пение. Как новая концепция, диверсификация вокального пения подталкивает к инновациям в вокальном искусстве в пении и стиле с молниеносной скоростью [3, с. 82]. Эта тенденция неизбежна. Мы знаем, что в сегодняшнем многообразном социальном развитии трудно развиваться изолированно. Только при взаимном обучении можно добиться лучшего совершенствования и долгосрочного развития.

Вокальное искусство не является исключением. Появление трансграничного феномена вокального пения нарушило прежнюю концепцию фиксированного режима пения. Это еще одно крещение концепции вокального пения, которое заложило основу для создания и расширения новых форм вокального искусства в будущем. Важно воспринимать новое, разбирать, обобщать и делать выводы о причинах их возникновения, их разнообразных формах, изменениях в техники пения, определять социальные эффекты, которые они произвели, и их влияние на академическое сообщество, чтобы прийти к относительно единому пониманию этого вокального культурного феномена [5, с. 133].

В настоящее время методы вокального пения в Китае представляют собой основу для разностороннего развития. Сегодня в Китае существует сочетание вокальных форм пения с национальными особенностями. Например, сочетание китайского национального вокального пения и бельканто, сочетание национального пения и народного пения, сочетание пения китайской оперной музыки и эстрадной музыки, применение пения китайской оперной музыки в национальных вокальных произведениях и др.

Тенденцией вокального пения в начале 21 века стала взаимная интеграция различных методов пения. С быстрым развитием науки, техники и экономики материальная жизнь людей стала богаче, а их духовные потребности – более красочными. Людей уже не удовлетворяют неизменные вокальные формы пения и певческие произведения. Возникновение ситуации «трансграничного пения» [4, с. 19] создало новую форму пения, позволив классическому искусству восполнить многие недостатки современного эстрадного пения. В то же время классическое искусство сочетает в себе силу моды, и эти два направления создали новое и живое искусство и развлечения нового аудиовизуального ряда, который не только привлекает больше слушателей, но и стирает классовые границы на уровне восприятия музыки, достигая эффекта признания как утонченными, так и популярными.

Библиографический список

1. Ли Жуи. Исследование использования лирических техник бельканто для интерпретации китайских лирических вокальных произведений // Литературная жизнь. Теория литературы, 2015. № 17 (2). С. 79-80.
2. Ли Чжэнь. Влияние бельканто на развитие китайского народного пения [J]. Северная музыка, 2015. № 35 (22). 31 с.
3. Сун Хэминь, Цзан Сюэцзюнь. Обсуждение смежных вопросов интеграции пения бельканто и китайской местной музыкальной культуры // Голос Желтой реки, 2015. № 26 (2). С. 42-43.
4. Чжан Цинин. Дискуссия о влиянии пения бельканто на искусство китайского оперного пения – Пекин, 217 с.
5. Лю Ци. О влиянии пения бельканто на национальное вокальное искусство моей страны // Packaging World, 2021. № 9. С. 88, 90.
6. Цзи Мэнчао. Различные применения бельканто в операх и авторских песнях – Пекин, 2019. 189 с.
7. Цюань Янь. Исследование влияния пения бельканто на преподавание национальной вокальной музыки в моей стране // Drama House, 2020. № 14. 65 с.
8. Чжан Якунь. Обзор соответствующих исследований «Китайского бельканто» в китайской опере, 2021. № 10. С. 35-39.
9. Янь Сюнсинь. Влияние пения бельканто на вокальное пение традиционных китайских народных песен // Еженедельник северной литературы, 2016. № 14 (8). 186 с.
10. Ян Юэ. О процессе китаизации бельканто с точки зрения эстетики – Пекин, 2022. 160 с.
11. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диалога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.

References

1. Li Rui. A Study on the Use of Bel Canto Lyrical Techniques to Interpret Chinese Lyric Vocal Works // Literary Life. Theory of Literature, 2015. № 17 (2). P. 79-80.
2. Li Zhen. The Influence of Bel Canto on the Development of Chinese Folk Singing [J]. Northern Music, 2015. № 35 (22). 31 p.
3. Song Hemin, Zang Xuejun. Discussion of Related Issues of Integrating Bel Canto Singing and Chinese Local Music Culture // Voice of the Yellow River, 2015. № 26 (2). P. 42-43.
4. Zhang Qingying. Discussion on the Influence of Bel Canto Singing on the Art of Chinese Opera Singing – Beijing, 217 p.
5. Liu Qi. On the Influence of Bel Canto Singing on My Country's National Vocal Art // Packaging World, 2021. № 9. P. 88, 90.
6. Ji Mengchao. Various Applications of Bel Canto in Operas and Art Songs – Beijing, 2019. 189 p.
7. Quan Yan. A Study on the Influence of Bel Canto Singing on My Country's National Vocal Music Teaching // Drama House, 2020. № 14. 65 p.
8. Zhang Yakun. A Review of Relevant Research on "Chinese Bel Canto" in Chinese Opera, 2021. № 10. P. 35-39.
9. Yan Xiongxin. The Influence of Bel Canto Singing on the Vocal Singing of Traditional Chinese Folk Songs // Weekly of Northern Literature, 2016. № 14 (8). 186 p.
10. Yan Yue. On the Process of Sincization of Bel Canto from the Point of View of Aesthetics - Beijing, 2022. 160 p.
11. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet Communications - a Modern Tool for Dialogue // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2019. № 3 (129). P. 9-25.

Ферзба Г.О.

Аспирант. Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт современного искусства», Москва.

Синергия академического и эстрадного вокального искусства на примере развития Classical crossover*

Аннотация. Статья посвящена синтезу академического и эстрадного искусства в контексте становления и популяризации жанра Classical crossover, как в современном отечественном исполнительстве, так и в мировой музыкальной культуре.

Жанр Classical crossover представляет собой уникальную синергию академической и эстрадной музыки, которая за последние десятилетия привлекла внимание, как профессионалов, так и широкой публики. Classical crossover сочетает в себе элементы классической музыки с популярными жанрами, что позволяет создавать инновационные музыкальные произведения и расширять границы традиционного музыкального искусства.

Растущий интерес к жанру и рассмотрение его влияния на современную культуру, посредством появления новых вокальных конкурсов, шоу и телевизионных проектов, и появление новых артистов популяризирующих Classical crossover, актуальны и сегодня.

Ключевые слова: синергия, современное музыкальное искусство, Classical crossover, мюзикл.

Ferzba G.O.

Autonomous non-profit organization of higher education «Institute of Contemporary Art», Moscow.

Synergy of academic and pop vocal art on the example of the development of Classical crossover

Abstract. The article is devoted to the synthesis of academic and pop art in the context of the formation and popularization of the Classical crossover genre, both in modern domestic performance and in world musical culture.

The Classical crossover genre is a unique synergy of academic and pop music, which has attracted the attention of both professionals and the general public over the past decades. Classical crossover combines elements of classical music with popular genres, which allows for the creation of innovative musical works and the expansion of the boundaries of traditional musical art.

Growing interest in the genre and consideration of its influence on contemporary culture, through the emergence of new vocal competitions, shows and television projects, and the emergence of new artists popularizing Classical crossover, are still relevant today.

Key words: synergy, contemporary musical art, Classical crossover, musical.

* © Ферзба Г.О., 2025.

Многообразие форм взаимодействия в современном культурном пространстве наметило тенденции к поиску, расширению и синергии видов искусства, а также «подвижности так называемых «границ» между жанрами, и стилями» [9, с. 39]. Подобного рода тенденции нашли отражение в музыкальном искусстве и слиянии академического и эстрадного направлений в музыке, а в особенности в области вокального исполнительства.

Известно, что противопоставление «серьёзной» и «легкой» (кавычки автора. – Г.Ф.) музыки начали происходить едва ли не с момента появления данного вида деятельности. В наши дни популярность к слиянию искусств особенно высока. Обратимся к самому понятию синергии.

Синергия — (от английского слова *synergia*) совместное действие; взаимодействие различных потенциалов или видов энергий в целостном действии [1]. В контексте культурных явлений, понятие Синергии может быть определено как взаимодействие различных элементов, в результате чего происходит создание нового, интегрированного продукта или явления.

Так, желание синтезировать музыкальное искусство и интегрировать в него нечто новое сформировало направление *Classical crossover*. В переводе с английского слово «*crossover*» обозначает «пересечение, скрещивание». Таким образом, *Classical crossover* — это относительно новое направление в музыкальном искусстве, синтезирующее классическую музыку с различными ее современными видами (рок, поп, джаз, электроника и мн.др.). Подобного рода синтез позволяет «комбинировать академическую интеллектуальную основу, построенную на высоком уровне профессионализма композиторов и исполнителей, с самыми новыми музыкальными тенденциями» [5, с. 351].

На протяжении последних нескольких десятилетий *Classical crossover* стал неотъемлемой частью как отечественной, так и мировой музыкальной культуры. Его влияние ощущается не только на музыкальной сцене, но и в жизни общества, формируя новые тренды, вкусы и даже социальные отношения.

Свое развитие *Classical crossover* получил в США в конце XX века, когда артисты, такие как Сара Брайтман и Илан Эшкер, начали смешивать элементы оперы и поп-музыки. Однако предпосылками к данному направлению стало развитие киноискусства. Так, в середине XX столетия на пике популярности оказались музыкальные фильмы, где применение вокальных номеров являлось неотъемлемой частью сюжетной линии. В 40–50-х годах видным представителем академической музыки в кино выступал актер и певец американского происхождения — Марио Ланца.

Еще одним фактором к популяризации слияния академического вокального и эстрадного искусства стали мюзиклы.

Несмотря на то, что сам по себе мюзикл является довольно сложным

синтетическим жанром, включающим в себя синтез театрального искусства, хореографии и музыки, а для артиста подразумевает высокий уровень мастерства в плане сценической подготовки и владения хореографическими, нередко акробатическими элементами в купе с вокальным исполнительством.

Тем не менее, для уровня классического искусства жанр мюзикл является сравнительно новым и легким по отношению к жанру элитарному — опере, доступной лишь определенной группе людей, обладающих высоким культурным уровнем художественной восприимчивости. Но именно с появлением кинофильмов и мюзиклов классическая музыка стала выходить за рамки своей элитарности и начала быть более доступной для широкой публики. Синергия между академическим и эстрадным искусством стала возможна благодаря стремлению исполнителей и композиторов создать что-то новое и привлекательное для широкой аудитории. Сам по себе музыкальный театр в США, как и иные формы «неоднократно заново изобретал себя, чтобы соответствовать потребностям своей вечно изменчивой аудитории, в силу необходимости и жесткой конкуренции» [2, с. 10].

Знаковым событием в истории американского музыкального театра стал выход мюзикла «Призрак Оперы», написанный британским композитором Э.Л. Уэббером по одноименному роману Г. Леру. Мюзикл стал культовым явлением и самой кассовой постановкой всех времен. «Призрак оперы» шел на сцене Бродвея 35 лет (1988-2023). Всего шоу было представлено в 30 странах мира, 151 городе и собрало зрительскую аудиторию в 150 миллионов человек.

Стоит отметить, что сам по себе мюзикл «Призрак Оперы» является ярким примером синтеза классического искусства с современным. В постановке задействована классическая хореография, номера, олицетворяющие балетные постановки якобы представленные на сцене «Grand Opera» того времени, в котором разворачивается действие мюзикла. Кроме того, благодаря сюжетной линии, по законам которой действие разворачиваются в оперном театре, в мюзикле красной нитью, через всю постановку проходит тема оперы¹.

Премьера мюзикла состоялась в 1986 году на Вест-Энде, главные роли исполнили британский актер и певец Майкл Кроуфорд, и британская певица, и актриса, обладательница прекрасного сопрано Сара Брайтман.

1 Взаимоотношения между артистами театра, интриги театрального закулисья, любовная линия молодой певицы, будущей оперной дивы, репетиционный процесс и фрагменты оперных постановок, пусть и вымышленных («Il muto», «Hannibal», «Don Juan Triumphant»), для создания которых композитор вдохновлялся реальными операми великих композиторов, от Мейербергера до Моцарта, применял различные стили, тем самым синтезируя виды искусств.

Именно Сара Брайтман на сегодняшний день является одной из ведущих мировых исполнительниц в рамках Classical crossover.

Ее альбом «Time to Say Goodbye» (1997) стал международным хитом и привлек внимание к сочетанию классических и поп-музыкальных элементов. А главную музыкальную композицию она исполнила совместно с великим британским тенором Андреа Бочелли, одним из ведущих и наиболее знаковых исполнителей в этом направлении, чей дебютный альбом «Il Mare Calmo della Sera» был выпущен тремя годами ранее (1994), чем дебютный альбом Сары Брайтман. Важно отметить, что оба альбома сыграли ключевую роль не только в популяризации самих артистов, что позволило получить им международную славу, но и привлекли внимание широкой аудитории к классической музыке, став отправной точкой и новой вехой в развитии Classical crossover во всем мире.

Одним из основных аспектов Classical crossover является использование вокальных и инструментальных техник, характерных как для академической, так и для популярной музыки. Например, в произведениях Андреа Бочелли и Лоры Барнец наблюдается смешение оперного пения с элементами поп-музыки.

В частности, к данной сфере относятся современные реинтерпретации академических произведений, «академизированные» версии произведений массовых жанров, а также оригинальные произведения, изначально сочетающие признаки и академической традиции, и элементов массовых жанров [9, с. 39]. Синергия между академической и эстрадной музыкой обеспечивает не только новые музыкальные форматы, но и способствует распространению классической музыки среди более молодой аудитории².

Официально название данного стилевого направления утвердилось не так давно, войдя в список номинаций музыкальной премии Grammy, ежегодно присуждаемой Национальной Академией звукозаписи США³.

Все это, безусловно, свидетельствует о том, что Classical crossover привлекает внимание потребителей и способствует расширению в рамках традиционного представления о классической музыке.

К числу других известных зарубежных исполнителей и представителей Classical crossover мировой величины можно отнести следующие имена: А. Ёшида, А. Шиката, Дж. Иванко, Дж. Гробан, К. Джэнкинс, Л. Арбогаст, С. Боггес, Стинг, Э. Фаррелл, Э. Шаплин, «2Cellos», «Il Divo» и др.

2 Согласно отчетам Международной Федерации производителей фонограмм, в 2020 году продажи классической музыки и ее производных жанров, включая Classical crossover, возросли на 5%, что свидетельствует о растущем интересе к этому направлению.

3 В последние десятилетия этот стиль стал настолько популярен, что Billboard – еженедельный американский журнал, посвященный музыкальной индустрии, – создал для него отдельный чарт среди своих хит-парадов.

Так, Квартет «Il Divo», образованный в 2003 году, быстро завоевал успех, выпустив альбомы, содержащие как оригинальные песни, так и классические произведения в новой интерпретации.

Стоит отметить, что Classical crossover развивается не только в рамках вокального исполнительства, но и в рамках инструментального. Одним из наиболее известных примеров в мировой музыкальной культуре является группа «2Cellos», а именно — дуэт виолончелистов, который стал известен благодаря своим аранжировкам поп и рок-хитов, привлек молодых слушателей к классической музыке⁴.

Еще одним ярким примером может послужить известная американская певица и звезда американских мюзиклов Барбара Стрейзанд. Восемнадцатый студийный альбом «Classical Barbara» состоит из композиций, обращенных в рамках Classical crossover

В свою очередь, в отечественной культуре жанр Classical crossover также находит своё развитие.

В России явными представителями classical crossover являются такие исполнители, как Дима Билан, вокальный коллектив «Kvatro», группа «Виртуозы», музыкальный коллектив «Хор Турецкого» и российская вокальная группа SOPRANO Турецкого, а также современные оперные певцы.

Примером одного из успешных проектов является группа «Виртуозы», состоящая из русского оркестра, которая использует элементы электронной музыки и популярной культуры, создавая уникальные композиции и хиты современности. Еще одним примером является вокальный коллектив «Kvatro», в котором участники коллектива исполняют академические вокальные произведения и романсы в современной обработке, с новыми аранжировками, делая порой забытые «вещи» (кавычки автора. – Г.Ф.) вновь популярными и доступными современному слушателю

Большую роль в популяризации данного направления сыграли телевизионные шоу и крупные вокальные проекты страны, начиная от «Фабрики звёзд», заканчивая главными конкурсами последнего десятилетия, такими как «Голос», «Ну-ка, все вместе!», «Большая опера», «Синяя птица», передачами «Романтика романса», «Точь в точь», где классическая музыка неоднократно переплеталась с современными музыкальными стилями.

Одной из ярких фигур в отечественном Classical crossover стала победительница первого сезона шоу «Голос» — певица Дина Гарипова, которая

4 Так, основанная в 2011 году, благодаря набравшей популярность шуточной видеоверсии постановки «Smooth Criminal» Майкла Джексона, группа значительно подняла интерес к классическому кларнету, и его применению в современном музыкальном исполнительском искусстве. Их дебютный альбом «2Cellos» разошёлся тиражом более 250 000 копий по всему миру, и группа выступала на крупнейших площадках, включая исполнителей Элтона Джона и Леди Гага.

сочетает классические и современные стили, и её выступления привлекают молодую аудиторию.

Стоит отметить, что с появлением данного вокального проекта популярность к Classical crossover значительно увеличилась. Среди участников и финалистов разных лет, за всё время существования шоу, современная отечественная эстрада пополнилась блистательными именами, которые выступают в рамках традиций этого жанра: Э. Калимуллина, С. Волчков, А. Воробьева, Е. Минина, С. Алахяров, М. Бужур, Э. Бериашвили и мн.др.

В шестом сезоне шоу «Ну-ка, все вместе!» исполнитель Иван Уланов со своей группой «Сезон дождей», исполняющей композиции в стиле романтического инди-рока, представил современный вариант всеми любимой песни «Девчата» (1961), написанной А. Пахмутовой и М. Матусовским. Подобные эксперименты не в первый раз представляются участниками подобных современных теле-проектов. Classical crossover также служит мостом между различными музыкальными культурами. Это явление позволяет слушателям узнать больше о разных музыкальных традициях, смешивая стили и жанры.

В России подобные эксперименты довольно успешны. К числу отечественных представителей классического кроссовера следует отнести композитора Игоря Крутого, который интегрирует классику в современные хиты, тем самым знакомя молодежную аудиторию с известными классическими произведениями.

В последнее время широкую популярность обрёл музыкальный фестиваль «Сириус», на котором различные коллективы, нередко демонстрируют слияние разных музыкальных традиций. Так, например, композитор и продюсер собственного центра Игорь Крутой, создает новые аранжировки для популярных песен с элементами симфонической музыки. Его вклад в популяризацию классической музыки очень велик. Он нередко выводит на современную отечественную и мировую эстраду новые имена, представляет удивительные коллаборации с уникальными артистами, такими как Lara Fabian, Димаш Кудайберген, Диана Анкудинова.

Так, в 2010 году, вместе с бельгийской певицей Ларой Фабиан, композитор представил студийный альбом «Мадемуазель Живаго», а в 2012 году альбом был переиздан и в Европе. В альбоме были представлены песни маэстро, написанные на стихи певицы на французском, итальянском и английском языках, а также кавер-версия песни «Любовь похожая на сон». Название альбома отсылает к роману русского писателя Бориса Пастернака «Доктор Живаго», а сами композиции представляют музыку в стиле Classical crossover, где академические традиции синтезируются с современным исполнением и мощными вокалом исполнительницы.

В 2014 году Игорь Крутой написал для певицы композицию «Любовь уставших лебедей». Впоследствии, песня обрела популярность в испол-

нении казахского певца Димаша Кудайбергенова, в котором он воплотил ярчайшие возможности Classical crossover, синтезировав академический и эстрадный вокал. А в конце 2024, на юбилейном вечере маэстро, данную композицию тонко и проникновенно исполнила всемирно известная оперная певица, Народная артистка Абхазии (2006) и России (2012), Хибла Герзмава. Стоит отметить, что композитор Игорь Крутой в разное время сотрудничал с ярчайшими представителями академической вокальной традиции – оперными исполнителями Дмитрием Хворостовским (1962–2017), Анной Нетребко, Суми Чо, Аидой Гариффулиной, Хиблой Герзмой. Последняя, также впервые выступила солисткой на фестивале «Сириус» в рамках резиденции Российского национального оркестра летом 2023 года, исполнив романсы Петра Чайковского.

«Второй год проходит Большой летний музыкальный фестиваль. Очень приятно, что в таком месте, как «Сириус», могут собраться звезды классической сцены. Мы с РНО подготовили прекрасную русскую программу, с оркестром романсы звучат неизбито и очень изысканно. Я уверена, что любая певица должна иметь у себя в репертуаре камерные произведения. С удовольствием выступаю с такими программами, потому что камерное вокальное искусство очень важно для меня, для моего роста как исполнительницы» в своем интервью рассказала оперная певица [8]. В новом году Игорь Крутой также представит совместный проект с Димой Биланом, Суми Чо и Ильдаром Абдразаковым⁵.

Стоит отметить отдельный вклад народной артистки Хиблы Леварсовны Герзмой, которая на сегодняшний день является одним из крупнейших представителей Classical crossover в России. Примечательно, что в этом году Хибла Герзмава заняла почетное место наставника в новом сезоне вокального шоу «Голос», первый выпуск которого состоялся на телевидение 31 января, что еще раз доказывает значимость подобных вокальных проектов в развитии и популяризации Classical crossover.

В рамках исследования вопроса о феномене «Classical crossover» в качестве синергии академического и эстрадного вокального искусства было проведено интервью с Заслуженной артисткой России, Народной артисткой Абхазии – Алисой Гицбой. Так, по мнению Художественного руководителя и инициатора международного музыкального конкурса-лаборатории при поддержке Президентского Фонда Культурных Инициатив, солистки московского музыкального театра «Геликон-опера», Алисы Гицбы – популярность Classical crossover развилась под влиянием западных

5 Артисты исполняют музыку маэстро в новом ледовом шоу в постановке Ильи Авербуха: «8 марта во дворце спорта «ЦСКА» состоится премьера моего ледового шоу в постановке Ильи Авербуха. Петя на сцене мою музыку будут Ильдар Абдразаков, Хибла Герзмава, Дима Билан, и из Милана приедет Суми Чо», как рассказал сам композитор в интервью ТАСС [7].

тенденций, как любое нововведение в культуре, что и является взаимобменом между академическим и эстрадным искусством. Роль Classical crossover в отечественном и мировом культурном пространстве отводится его развлекательной функции, как деятельности, направленной на привлечение молодого поколения – с одной стороны, и воспитательно-просветительской – с другой, где по средствам Classical crossover проходит узнаваемость классических шедевров и популяризация классики. Однако по ее мнению, сама по себе классика — является эталоном, не нуждающимся в улучшении и дубликатах. Алиса Гицба выразила предположения о том, что в дальнейшем «возможно, Classical crossover получит развитие в ином ракурсе, где композиторы будут ярче проявлять свой собственный стиль, не делая акцент на современной адаптации классики».

К наиболее успешным представителям данного направления, А. Гицба, среди зарубежных коллег относит Андреа Бочелли и группа Il Divo. Обращаясь к отечественным представителям, по мнению Заслуженной, Народной артистки, вся советская эстрада была своего рода синтезом вокального искусства, так как советские певцы (Муслим Магомаев, Йосиф Кобзон, Лев Лещенко, Майя Кристалинская и другие их современники) обладали академической школой и прекрасно владели дыханием, звуковедением, основываясь на классической вокальной школе.

Таким образом, Classical crossover представляет собой не просто направление, а целое уникальное течение в музыкальном искусстве, объединяющее элементы классической и популярной музыки постепенно завоевывающее признание во всем мировом культурном пространстве. Этот феномен становится все более значимым как на отечественной, так и на мировой музыкальной сцене, изменяя представления о жанрах и расширяя границы музыкального восприятия. Подобные эксперименты с жанрами не только привлекают внимание широких масс, но и служат сегодня важным инструментом в популяризации классической музыки среди молодого поколения. Популярность Classical crossover подтверждается современными известными исполнителями – Андреа Бочелли, Сара Брайтман, которые успешно интегрируют классические элементы в свои работы.

Classical crossover стал не только формой музыкального самовыражения, но и важным элементом культурной интеграции, обогащающим музыкальную палитру как в России, так и за рубежом. Он продолжает развиваться и привлекать внимание новых слушателей, обеспечивая тем самым своему жанру устойчивое и растущее влияние на музыкальную культуру.

Д. Кирнарская, как одна из сторонников направления classical crossover наряду с другими исследователями считает его: «исключительным в своём роде видом из списка современных массовых продуктов, принимая его

как новый естественный эволюционный этап, подчиняющийся влиянию времени» [6].

Л. Данько представлена классификация особенностей направления classical crossover: синтетическая природа музыкального материала; ориентированность на массовую аудиторию; коммерческая направленность classical crossover; применение новейших аудиовизуальных технологий; различные формы презентаций музыкального материала, которые можно рассматривать как формы реализации художественной продукции синтезированного музыкально-художественного проекта [3, с. 201].

Подводя итоги можно сделать вывод о том, что значение синергии между академическим и эстрадным искусством в жанре Classical crossover является многогранным и многоаспектным. Он не только содействует популяризации классической музыки, но и создает новые культурные реальности, меняя представления о музыкальном искусстве и открывая новые горизонты для артистов и слушателей. Эти примеры вдохновляют молодых исполнителей искать свою нишу в рамках нового музыкального направления, выступая неким образовательным инструментом для будущего поколения музыкантов. Большое внимание уделяется также культурному контексту, в котором происходит развитие жанра. Одним из важнейших факторов, способствующих этому процессу, является интеграция в образовательные программы, где академическая музыка напрямую взаимодействует с популярной⁶.

Анализ развития направления позволил сформулировать ряд принципов Classical crossover с акцентом на значимости для отечественной культуры: 1. Представляя собой уникальное музыкальное направление, Classical crossover, постепенно завоевывает признание в отечественной культуре. 2. Сочетая в себе традиционные элементы классической музыки с различными жанрами популярной музыки, Classical crossover открывает новые горизонты для современных исполнителей и слушателей. 3. Classical crossover обогащает классическую музыку новыми окрасками, привлекая молодую аудиторию. 4. Classical crossover предоставляет возможность классическим музыкантам выйти за пределы привычной аудитории и взаимодействовать с поклонниками иных жанров. 5. Classical crossover отражает не только изменения в представлениях о музыке, но и трансформацию самого музыкального рынка. 6. Благодаря Classical crossover классическая музыка, раскрывается в новых форматах. 7. Синтез уже имеющихся направлений и возможности новых интерпретаций способствуют популяризации Classical crossover в современной летописи музыкальной культуры. 8. Classical crossover требует для исполнителя определенного

6 В ряде музыкальных училищ России начали вводить курсы по современным аранжировкам и работе с мультимедийными технологиями, что призвано подготовить новое поколение музыкантов к вызовам современного рынка.

уровня подготовки. 9. Classical crossover оказывает влияние на музыкальные технологии и производственные процессы.

Таким образом, вышеперечисленные принципы подтверждают, что у данного направления есть большой потенциал и перспективы к дальнейшему развитию в рамках синергии академического и эстрадного вокального искусства по средствам интеграции стилей, привлечения новой аудитории, обогащения культуры, что представляет большой интерес для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Антинази А. Энциклопедия социологии : сайт / Sociology.niv.ru. // URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (Дата обращения: 16.01.2025)
2. Брейтбург К.А. История мюзикла Бродвея в контексте социокультурной среды / К.А. Брейтбург. – Санкт-Петербург: Планета музыки, 2023. 292 с.
3. Данько Л.И. Classical crossover: эволюция и формы проявления // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург, 2010. № 5 (84). С. 284-289.
4. Данько Л.Г. Мюзикл как особая форма музыкально-драматического спектакля: Лекция для студентов ин-тов культуры по курсу «История музыки» / Л.Г. Данько; Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н.К. Крупской, Кафедра теории и истории музыки. – Ленинград: ЛГИК, 1977. 26 с.
5. Зайцева М.Л., Будаган Р.Р. Становление музыкального направления classical crossover в современном скрипичном // Вестник славянских культур, 2018. Т. 49. № 3. С. 351-370.
6. Кирнарская Д.К. Серия интервью о classical crossover. Творческая лаборатория Gosh project. Россия, 2016 год // URL: <https://www.google.ru/search?q=кирнар-ская+о+classical+crossover&newwindow=1&client=afari&hl=ru-ru&prmd=vin&source=lnms&tbm=vid&sa=X&ved=> (Дата обращения: 23.12.2024).
7. Суми Чо. Билан и Абдразаков исполняют музыку Крутого в новом ледовом шоу: сайт / Tass.ru. // URL: <https://tass.ru/kultura/22662577> (Дата обращения: 29.01.2025)
8. Хибла Герзмава впервые выступила в «Сириусе» в рамках резиденции Российского национального оркестра: сайт / Festival.parksirius.ru. // URL: <https://festival.parksirius.ru/khibla-gerzmava-vpervie-vistupila-v-siriuse> (Дата обращения: 04.02.2025)
9. Цукер А.М. Массовая музыка как объект междисциплинарного исследования // Искусствование в контексте других наук в России и за рубежом. – Москва, 2014. С. 634-642.
10. Э. Ллойд Уэббер и его мюзиклы. Из истории музыки 20 века. Вып. 2: Ноты: Учеб. пособие / Ред.-сост: А. Жученко. – Санкт-Петербург: Композитор, 2009. 81 с.
11. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 2 (188). С. 9-17.
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Электоральная культура в противодействии «цветным революциям» // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 7 (193). С. 9-17.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 67 (192). С. 8-17.
15. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Государственная граница — пространство взаимодействия культур // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 9 (195). С. 9-17.

References

1. Antinazi A. Encyclopedia of Sociology: website / Sociology.niv.ru. // URL: <http://sociology.niv.ru/>

- doc/encyclopedia/socio/index.htm (16.01.2025)
2. Breitburg K.A. History of the Broadway Musical in the Context of the Sociocultural Environment / K.A. Breitburg. – St. Petersburg: Planet of Music, 2023. 292 p.
3. Danko L.I. Classical crossover: evolution and forms of manifestation // Bulletin of the Ural State University. Series 1, Problems of Education, Science and Culture. – Ekaterinburg, 2010. № 5 (84). P. 284-289.
4. Danko L.G. Musical as a special form of musical and dramatic performance: Lecture for students of cultural institutes on the course “History of Music” / L.G. Danko; Leningrad state institute of culture named after N.K. Krupskaya, Department of Theory and History of Music. – Leningrad: LGIK, 1977. 26 p.
5. Zaitseva M.L., Budagyan R.R. Formation of the musical direction classical crossover in modern violin // Bulletin of Slavic Cultures, 2018. Vol. 49. № 3. P. 351-370.
6. Kinnarskaya D.K. Series of interviews about classical crossover. Creative laboratory Gosh project. Russia, 2016 // URL: [https://www.google.ru/search?q=кирнар-ская+о+classical+crossover&newwindow=1&client=safari&hl=ru-ru&prmd=vin&source=lnms&tbm=vid&sa=X&ved=\(23.12.2024\)](https://www.google.ru/search?q=кирнар-ская+о+classical+crossover&newwindow=1&client=safari&hl=ru-ru&prmd=vin&source=lnms&tbm=vid&sa=X&ved=(23.12.2024)).
7. Sumi Cho. Bilan and Abdrazakov will perform Krutoy's music in a new ice show: website / Tass.ru. // URL: <https://tass.ru/kultura/22662577> (29.01.2025)
8. Khibla Gerzmava performed for the first time at Sirius as part of the residence of the Russian National Orchestra: website / Festival.parksirius.ru. // URL: <https://festival.parksirius.ru/khibla-gerzmava-vpervie-vistupila-v-siriuse> (04.02.2025)
9. Zucker A.M. Mass music as an object of interdisciplinary research // Art criticism in the context of other sciences in Russia and abroad. – Moscow, 2014. P. 634-642.
10. E. Lloyd Webber and his musicals. From the history of music of the 20th century. Issue 2: Notes: Textbook / Ed.-compiler: A. Zhuchenko. – St. Petersburg: Composer, 2009. 81 p.
11. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // The Power of History - History of Power. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the aspect of the connection of traditional values with modernization // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 2 (188). P. 9-17.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Electoral culture in counteracting “color revolutions” // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 7 (193). P. 9-17.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. “Global East”: Historical Reality or Geopolitical Fiction // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 67 (192). P. 8-17.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. State Border — a Space of Interaction of Cultures // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 9 (195). P. 9-17.

Пэн Лимин

Аспирант. ФГБОУ ВО «ВВГУ» (Владивостокского государственного университета), г. Владивосток.

Отражение взаимосвязи понятий повседневность в живописи китайских художников

Аннотация. В статье рассматривается возможность изучения культуры повседневности азиатской страны с помощью анализа художественных произведений, создаваемых современными китайскими живописцами. Учитывая, что воспроизводимые сюжеты бытового жанра, уличные зарисовки, фиксируют определенные настроения, детали быта, труды прочие подробности существования человека, авторы анализируют культурные ценности страны, определяющие каждое конкретное произведение китайских художников. Культурная идентичность, очевидная в соответствии с набором символических смыслов, выявляемых в живописных произведениях, равно как и повседневность, представленная многослойно, осознаются взаимосвязанными именно потому, что произведения искусства, транслирующие их, являются не только способом самовыражения, сколько суммированием ценностей традиционной культуры, репрезентацией национального образа мира. Авторы подчеркивают необходимость изучения повседневной жизни и культурной идентичности, обращая внимание на произведения живописи китайских художников, позволяющие открывать новые горизонты исследований в этой области.

Ключевые слова: Китай, маркер, повседневность, культурная идентичность, современность, живопись.

Peng Liming

1st year postgraduate student in the Vladivostok State University, Vladivostok.

Reflection of the relationship between the concepts of everyday life and in the paintings of Chinese artists

Abstract. The article considers the possibility of studying the culture of everyday life through the analysis of works of art created by contemporary Chinese painters. Considering that the reproduced scenes of the genre of everyday life, created street sketches, capture certain moods, details of everyday life, work and other details of human existence, the authors analyze the cultural values of the country that determine each specific work of Chinese artists. Cultural identity, obvious in ac-

* © Пэн Лимин, 2025.

Отражение взаимосвязи понятий повседневность в живописи китайских художников

cordance with the set of symbolic meanings revealed in paintings, as well as everyday life, presented in a multi-layered manner, are recognized as interconnected precisely because the work of art that conveys them is not only a way of self-expression, but a summation of the values of traditional culture, a representation of the national image of the world. The authors emphasize the need to study everyday life and cultural identity, paying attention to the paintings of Chinese artists, which allow opening new horizons of research in this area.

Key words: China, marker, everyday life, cultural identity, modernity, painting.

Введение

Китай, обладая многовековой историей и богатым культурным наследием, представляет собой уникальный объект для изучения процессов формирования культурной идентичности. В последние десятилетия, отмечаемые ускорением экономических и социальных изменений, повседневная жизнь простого человека стала источником вдохновения для молодых художников. Исследование художественных произведений, создаваемых современными живописцами, позволяет наблюдать фиксацию культурных ценностей практически в каждой конкретной композиции, что свидетельствует о сумме традиций, обычаев и культурных норм, которые формируя уникальность культуры отдельной нации или народа, обнаруживают культурную идентичность, изучение которой с помощью визуальных источников определяет **актуальность темы** публикации. **Актуальность** культурологического исследования данной темы в творчестве современных китайских живописцев заключается в том, что повседневность как объект художественного осмысления отражает изменения в социальной, культурной и экономической жизни Китая. В условиях глобализации и быстрого развития технологий, повседневные практики и образы становятся важными маркерами идентичности и культурной самобытности. Исследование этой темы позволяет глубже понять, как современные художники интерпретируют и представляют повседневную жизнь, а также как их творчество реагирует на вызовы времени.

Цель данного исследования составлена необходимостью анализа результатов фиксации культуры повседневности в живописных произведениях современных китайских художников, определяемых как культурно идентичные.

Задачи исследования, решение которых обусловлено его целью, представлены выявлением так называемых «маркеров повседневности», наблюдаемых в живописных композициях современных китайских художников; позволяющих как интерпретировать проявления культуры повседневности как элементы культурного кода.

Объектом исследования являются современные живописные произведения китайских художников.

Предметом исследования сюжеты, определяющие жанровую классификацию современных живописных произведений китайских художников, позволяющие установить их значение в структуре культуры повседневности Китая.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно направлено на специфические подробности культуры повседневности, недостаточно рассмотренные в существующих работах, и не представленные в российском искусствоведении. Кроме того, в исследовании представлены ситуации, запечатленные живописными произведениями, как иллюстрирующие традиционные китайские повседневные практики. Авторы публикации представляют собственную коллекцию живописных работ современных художников, подобранных в соответствии с темами сюжетов, определяющих жанровые рамки.

Теоретическая значимость работы обеспечена уточнением актуального состояния теории культуры повседневности и обзором подходов к изучению возможностей трансляции культурной идентичности произведениями современного китайского искусства. Такие подходы, будучи междисциплинарными, направлены на объединение результатов исследования с помощью методов, характерных для социологии, теории культуры и визуальной антропологии, что обеспечивает углубленное более полное представление о значении культуры повседневности в художественном процессе Китая. Современное китайское искусство часто демонстрируется на выставках и **практической значимостью** поэтому может обладать предлагаемое авторами обозрение работ, позволяющее осмыслить структуру предполагаемой иерархии ценностных характеристик культуры повседневности Китая, отдельные явления которой представлены различными композициями, собранными в соответствии с жанровой классификацией.

Основная часть. Определяя предполагаемую иерархию ценностных характеристик проявлений культуры повседневности, которые фиксируются в живописных сюжетах китайских художников, необходимым полагается уточнение понятия «культурная идентичность», как суммы параметров, обеспечивающих принадлежность автора произведения и его композицию к определенной культуре. Учитывая, что культурная идентичность формируется на основе взаимовлияния историко-культурных, экономических и социальных условий развития общества, культура повседневности Китая демонстрирует зависимость от воздействия традиционных вероисповедных концепций на поведение граждан, влияния культуры европейской цивилизации и результатов процесса глобализации на современном этапе.

Ныне китайские художники часто используют элементы европейской культуры, обуславливая становление «гибридных» форм искусства, сви-

детельствующих о взаимодействии культур Запада и Востока. Поэтому, в процессе поиска культурной идентичности живописных произведений Китая, необходимо учитывать, что ее компоненты определяются сочетаниями древних традиций и современных влияний, создающими многослойный культурный ландшафт. И по мере того, как быт любого человека подразумевает не только рутинные действия, но и социальные взаимодействия, определяемые обычаями, они воспринимаются основой культурной идентичности, и художники обращаются к жанровым произведениям, визуализируя культурные изменения в жизни человека и общества.

В таком случае, маркерами культуры повседневности следует признать элементы, фиксирующие жизнь и опыт людей, в соответствии с их интересами и затем, сгруппировать маркеры по формальным признакам, например, как:

- **бытовые предметы**, использование которых в повседневном обиходе (мебель, утварь, костюмы, игрушки и проч.) рассматривается художниками как возможность связи личного жизненного опыта с культурной традицией и нормами общественной жизни. Например, композиции художников Ван Игъян и Чжан Сяогао содержат элементы традиционного китайского быта, подчеркивая связь сюжетов с культурным наследием нации [2];

- **публичные ритуалы, обычаи**, такие как: празднование национального Нового года или свадьбы, рождение наследника, являются важными темами для художников. Произведения, посвященные этим событиям, могут отображать как традиционные, так и современные нормы общественного уклада, что позволяет изучать изменения в общественной жизни страны и оценивать процессы трансформации культурной идентичности, как это представлено в живописных работах Сунь Сяняна;

- **язык и текст** произведений свидетельствует о внесении в живописное полотно изображения китайских иероглифов, иных языков на уровне отдельных слов и фраз, что поддерживает идею о трансляции культурной идентичности с помощью языковых маркеров культуры повседневности. Например, художник Ай Вэйвэй [1] использует в своих работах текстовые фрагменты, иллюстрируя актуальность социально-политических задач общества, обнаруживая его позицию современного критика. Таким образом, следует предположить, что культурная идентичность, запечатленная в работах современных художников Китая, многоаспектна и способна трансформироваться, соответствуя особенностям воспроизведения мира в работах каждого конкретного автора. Для наглядности данные предположения сформулированы в табличной форме (Табл. 1).

Таблица 1.

Ключевые элементы	Характеристика творчества
Традиционные мотивы и символы	Многие молодые художники используют элементы китайской традиционной живописи, каллиграфии и народного искусства, подчеркивая взаимосвязь истории с современностью.
Социальные и политические темы	Современные художники часто обращаются к актуальным социальным и политическим вопросам, таким как: урбанизация, экология, права человека и культурные изменения, происходящие в Китае.
Глобализация и культурный обмен:	Художники анализируют влияние западной культуры на китайское общество, создавая работы, в которых очевидно смешение традиционных и современных стилей.
Личное и коллективное	В своих произведениях художники могут исследовать как личные переживания, так и коллективную память, что позволяет глубже понять культурную идентичность.
Технологии и новые медиа	Использование цифровых технологий и новых медиа становится важной частью художественного выражения, соответствуя современному подходу к созданию произведений искусства и коммуникациям.
Идентичность и принадлежность	Темы идентичности, принадлежности и конкретной культуре, самосознательности становятся частыми в работе художников, исследующих задачу о том, что значит быть китайцем в современном мире.

Изучение различных аспектов повседневности в китайском искусстве также связан с процессами глобализации и урбанизации. В условиях изменений, происходящих в китайском обществе, художники часто исследуют возможности конфликтов между традицией и современностью. Используя тушевые элементы традиционной китайской живописи в сочетании с современными техниками и темами, они создавая произведения, демонстрирующие сложные отношения между прошлым и настоящим. Кроме того, присутствие культуры повседневности в современном китайском искусстве может быть рассмотрено посредством социальной критики, про-

являющейся путем изображения бытовых сюжетов, анализируемых как: жизнь в городе, быт семьи, ремесла, традиции, сезонные работы и др.

Естественно, что художники стремятся запечатлеть ситуации, которые будучи безусловно значимыми в жизни каждого человека часто остаются незамеченными, просто потому что, являясь рутинными и подчеркивающими красоту простых моментов, обнаруживают тем самым, не опровергаемые ценности общества: жизнь, порядочность, благосостояние, труд, любовь и т.п.

Например, Лю Сяодун создает свои работы для того, чтобы сфокусировать внимание современников на наболевших социальных проблемах. В этом контексте обычные ситуации и сюжеты становятся не только фиксирующими жизненный опыт, но привлекают широкие слои общественности к публичным чтениям и обсуждениям проблем, касающихся усиления культурной идентичности и сохранения стабильности государства. Чжао Пэйжи своими реалистическими композициями заставляет граждан задуматься о социальной справедливости, основах общественного благосостояния и пробуждают мысли о традиционном понимании культуры.

Художники Вэй Минсы и Ли Юнь Шунь часто используют традиционные элементы китайской культуры, обозначая тему необходимости сохранения культурной идентичности произведений искусства в современном мире [3]. Их произведения содержат автобиографические элементы, что позволяет зрителям оценить степень открытости авторов, демонстрирующих взаимосвязь личного и общественного, глубинного и культурного. Эксперименты Ай Вэйвэя в области формообразования свидетельствуют о влиянии процесса глобализации на становление направлений в живописи. Например, его инсталляции, такие как «Семь тысяч мертвых» (созданные как мемориальные, хранящие память о жертвах землетрясения в Сычуани), обнаруживают осознание абсолютной ценности жизни и значимости труда, поскольку в этом контексте труд воспринимается не только физическим актом, но и символическим, направленным на сохранение прав и достоинства человека. Произведения этого автора часто подвергают зрителей в сомнения по поводу безусловности традиционных представлений о китайской культуре [2].

Следовательно, подводя предварительный итог, можно полагать, что проявления культуры повседневности в творческих актах современных живописцев Китая представляется значимым феноменом, позволяющим изучать как личные, так и коллективные акты восприятия, свидетельствующие о развитии культуры и обеспечивающие взаимосвязь мира искусства и жизни общества.

Тема тизация творчества молодых художников Китая: бытовой жанр, отображение культуры повседневности. Используя ранее предложенный способ создания классификации сюжетов живописных китайских

произведений, свидетельствующих об интересе авторов к проявлениям культуры повседневности в творческих поисках, можно представить наиболее часто используемые для того ситуации, например:

- **изображения торгов, городского рынка.** Несмотря на то, что торговля всегда привлекала внимание максимально большого количества людей, последние десятилетия позволяют считать городской рынок значимым общественным пространством городов, которое формируется преобразованиями в структуре общества, экономике, культуре и проч. Многие композиции молодых авторов обнаруживают осмысление глубинного смысла повседневности и заставляют признать ценность простейших движений человека, выявляющих социальные связи и культурный контекст, в то время как определяющим становится художественное осмысление существования, понимание его роли в современном мире. По мере совершенствования технологий и взаимного поглощения разных культур городские торговые места преобразовываются и традиционные рынки находятся под угрозой исчезновения, что отображается в произведениях живописи.

Например, в творчестве молодой художницы Пэн Лимин, главными героями становятся продавцы и покупатели, вступающие в эмоциональный контакт в момент торговли. Автор, уделяя внимание проблеме сохранения культурного наследия сельских рынков, обозначает их значимость как пространств, в которых объединяются различные социальные течения и группы, формируются культурные связи. В ее произведениях рынок становится местом, позволяющим гражданам получить новый жизненный опыт, реализовать задуманное и войти в контакт с объектами уличного искусства, посещая «Маркеты искусства», - публичные мастерские, позволяющие художникам и наблюдателям преодолевать барьер социальности и границы жанровой определенности в ситуации доступности искусства массовому зрителю [1];

- **изображение читающих людей, интерпретация культуры чтения в живописи художников Китая.** Исторически сложившееся уважение к способности читать, ассоциируемое с мудростью, известно в китайской культуре. Этот мотив не только символизирует любовь к литературе, но и служит метафорой поиска знаний, саморазвития, совершенства внутреннего мира. Художник Цинь Цзецзя предпочитает этот образ для передачи глубинных смыслов, и потому изображаемый в его произведениях читатель является символом поколения, стремящегося к совершенству.

Книжные магазины в подобных произведениях изображаются как пространства, наполненные светом и тишиной, где каждый может найти уединение и покой. Внимание зрителя концентрируется с помощью светового луча, охватывающего лица читающих и страницы книг, словно зеркала, отражающие свет. Такие элементы создают атмосферу, в которой зритель способен почувствовать волшебство знаний и значимость чтения. Образ

читателя, перебирающего книги в специализированном магазине, на сегодняшний день является одним из максимально популярных в современной культуре Китая;

- **материнство, изображения матери и дитя, проявления заботы по отношению к ребенку** представляются символами любви и заботы. Чжао Шуанлинь, Ян Шибинь и ХэГуан [3], работая с сюжетами о материнстве, обращаются не только к теме заботы, но и иллюстрируют изменения, совершающиеся в обществе, внутренние конфликты самих женщины, определенные ожиданиями. Например, Янь Пинчасто изображает женщин в ситуациях уединения, размышляющими об материнских обязанностях, вызывая сопереживание у зрителей;

- **семьи, отношения**, претерпевающие в современном Китае большие перемены за счет увеличения количества работающих матерей и трансформации ролей в семьях, предписываемых традициями, явного влияния европейской культуры, так же являются популярными сюжетами живописных композиций. Благодаря таким работам современное искусство воспринимается не только отражением реальности, но и основанием для ее переосмысления;

- **труженики: рабочие, крестьяне**. Изображение трудящихся в искусстве молодых китайских художников постепенно становится средством демонстрации роли человека в жизни общества. Такие живописцы, как Сунь Чанву и Ву Чжицзюнь [4] создают композиции, посвященные труду, как неотъемлемой части культуры повседневности, определяемой переживаниями, связанными с тяжёлым трудом, и затрагивают проблемы социальной справедливости, открывая новые горизонты для возможности для анализа общественного устройства. Например, Чжан Сяоган, изображая трудовые будни граждан Китая, обращается к сложным сценам трудовой реальности, суровость которых контрастирует с яркими красками, привлекающими общее внимание. Ли Нан, также, использует элементы традиционного китайского искусства, изображая диалоги между прошлым и настоящим. В его произведениях часто встречаются сюжеты, связанные с трудовой деятельностью в различных областях хозяйствования;

- **город, как пространство взаимодействия**, общественное пространство изображается местом соединения людских судеб, созидания уникальной городской культуры, отображающей ценности общества, его страхи и надежды. Хань Кэвэй и Ю Шуай, предпочитающие данную тему в творчестве, обращают внимание на проблемы взаимодействия человека и окружающей среды, изображая архитектурные картины, повседневные ритуалы и прочее, определяющее восприятие человека [1, 3]. Например, изображения пешеходов, ожидающих сигнала светофора, уличных музыкантов, подчеркивающих скорость городской жизни. Шэнь Лэй [3] подобным образом обращается к трактовке образа молодежи, исследуя стремле-

ние новых поколений к поиску своего места в мире, формирования новой культурной идентичности, культурных традиций.

Заключение

Таким образом, можем сделать вывод, что живописные произведения современных художников Китая являются зеркалом, отражающим повседневную жизнь простого человека, свидетельствующим об изменениях в жизни общества [5]. Работы художников, демонстрирующие подлинные ценности существования человека, способствуют осмыслению трансформации культуры, неизбежной в силу исторических преобразований государства. Наблюдаемые, часто повторяемые сюжеты живописных произведений, классифицируемые по формальному основанию, могут осмысливаться на уровне инструментов, выявляющих структуру культуры повседневности и восприниматься ее маркерами, соотносимыми с изучением культурной идентичности современного искусства Китая.

Библиографический список / References

1. Wang, Y. Contemporary Chinese Art: A Critical History. London: Thames & Hudson. 2020.
2. Zhang, L. Cultural Identity in Modern China: The Role of Art and Literature. Beijing: Peking University Press. 2019.
3. Liu H. Everyday Life of Ordinary People in Contemporary Chinese Art. Journal of Chinese Art Studies, 2021. № 15 (2). P. 45-67.
4. Chen J. Tradition and Modernity in Chinese Painting: A New Perspective. Art Journal, 2018. № 12 (3). P. 78-92.
5. Неглинская М.А. Об актуальных тенденциях современного китайского искусства и перспективах его изучения // Общество и государство в Китае. 2010. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-aktualnyh-tendentsiyah-sovremennogo-kitayskogo-iskusstva-i-perspektivah-ego-izucheniya> (Дата обращения: 25.01.2025).

Гу Цзяюань

Аспирант. Институт креативных индустрий, Владивостокского Государственного Университета (ВВГУ).

Метляева Т.В.

Кандидат культурологии, доцент. Институт креативных индустрий, Владивостокского Государственного Университета (ВВГУ).

Образ России в творчестве китайских художников: диалог культур*

Аннотация. В статье исследуется образ России в произведениях китайских художников в разные временные периоды, анализируется исторический аспект художественного обмена между Китаем и Россией, влияние художественных стилей и техник на развитие художественного творчества китайских художников. Прослеживается как по мере углубления культурного обмена, формировался художественный стиль китайских художников и как менялся образ России в географических пейзажах, городском пространстве и образе человека изображаемых в произведениях китайских художников в период с середины XX в. и по настоящее время. В советский период китайское искусство находилось под влиянием реалистического стиля, что сказалось в дальнейшем на китайской живописи в целом. В настоящее время культурный обмен между Китаем и Россией стал более разнообразным что, способствует развитию и взаимному обогащению различных творческих направлений, в том числе и изобразительного искусства обеих стран.

В настоящем исследовании, на примере отдельных работ китайских живописцев, представлен образ России через изображение природных пейзажей и городского пространства тех городов, где обучались или путешествовали художники из Китая, а также через образы русских персонажей с ярко выраженными индивидуальными чертами. Эти произведения не только демонстрируют глубокое понимание и восприятие российской культуры китайскими художниками, но и отражают их тонкое восприятие образа другой страны.

Объектом исследования выступает образ России, предмет – динамика образа России в творчестве китайских художников в период с середины XX в. и по настоящее время. Цель данной статьи – исследовать динамику образа России в китайской живописи с середины XX по настоящее время и проследить влияние художественных стилей и техник русской художественной школы на творчество китайских художников. В работе применялись структурно-функциональный подход, методы анализа и синтеза: на основе анализа отечественных и зарубежных сайтов научных исследований, проведен сбор основной информации по теме – динамика образа России в китайской живописи с середины XX по настоящее время. Диалог культур.

Ключевые слова: изобразительное искусство, художественное творчество, городской пейзаж, образ России, культурный обмен, художественные стиль и жанр, межкультурный диалог.

* © Гу Цзяюань, Метляева Т.В., 2025.

Gu Jiayuan

Graduate student of the Institute of Creative Industries, Vladivostok State University.

Metlyaeva T. V.

Candidate of cultural studies, Associate Professor. Institute of Creative Industries, Vladivostok State University.

The image of Russia in the works of Chinese artists. Dialogue of cultures

Abstract. The article examines the transformation of the image of Russia in the works of Chinese artists in different time periods, analyzes the historical aspect of artistic exchange between China and Russia the influence of artistic styles and techniques on the development of artistic creativity of Chinese artists. It traces how, as cultural exchange deepened, the artistic style of Chinese artists was formed and how the image of Russia changed in geographical landscapes, urban space and the image of a person depicted in the works of Chinese artists from the mid-20th century to the present. During the Soviet period, Chinese art was influenced by the realistic style, which later affected Chinese painting as a whole. Currently, cultural exchange between China and Russia has become more diverse, which contributes to the development and mutual enrichment of various creative directions, including the fine arts of both countries.

In this study, using the example of individual works of Chinese painters, the image of Russia is presented through the image of natural landscapes and urban space of those cities where artists from China studied or traveled, as well as through images of Russian characters with pronounced individual traits. These works not only demonstrate the deep understanding and perception of Russian culture by Chinese artists, but also reflect their subtle perception of the image of another country.

The object of the study is the image of Russia: the subject is the dynamics of the image of Russia in the works of Chinese artists from the mid-20th century. and to the present time. The purpose of this article is to explore the dynamics of the image of Russia in Chinese painting from the mid-20th to the present and to trace the influence of artistic styles and techniques of the Russian art school on the work of Chinese artists. The work used a structural-functional approach, methods of analysis and synthesis: based on the analysis of domestic and foreign scientific research sites, basic information was collected on the topic - the dynamics of the image of Russia in Chinese painting from the mid-20th to the present. Dialogue of cultures.

Key words: fine arts, artistic creativity, urban landscape, image of Russia, cultural exchange, artistic style and genre, intercultural dialogue.

Китай и Россия, как две великие цивилизации на Евразийском континенте, имеющие глубокие культурные корни и свою, порой довольно сложную историю обмена. В области искусства взаимное влияние и контакты между двумя странами особенно заметны в контексте глобализации, ускорившейся в начале XXI в.

Целью данной статьи является проведение анализа исторического аспекта художественного обмена между Китаем и Россией в период

с середины XX в. по настоящее время, и исследование трансформацию образа России в творчестве китайских художников в разные временные периоды, а также возможность проследить влияние русской школы живописи на китайское изобразительное искусство временного периода с середины XX в. по настоящее время.

История культурного обмена России и Китая

С середины XX в., по мере укрепления китайско-российских отношений и широкого распространения западной культуры, китайские художники начали знакомиться с российской культурой через различные каналы. Важную роль в этом взаимодействии сыграли переводы российских литературных произведений, таких писателей как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, которые широко распространялись в Китае в этот период [Ли, Ван, 2023, с. 82]. Данные произведения не только оказали влияние на развитие китайской литературы, но и пробудили воображение художников и их интерес к изображению социальной жизни России. В то же время российские живописные произведения, особенно работы художников передвижников, благодаря своему глубокому социальному содержанию и уникальному художественному стилю, привлекли внимание и интерес многих китайских художников [Шан, 2020, с. 43].

Начало культурного обмена ознаменовалось переводом большого количества российских литературных произведений на китайский язык, таких как «Война и мир» и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и др. Эти произведения вызвали большой резонанс в китайской литературной среде, и многие китайские художники в этот период творили под их влиянием. Чтение этих произведений помогло им узнать о российской истории, культуре,

Рис. 1, 2. Хе Доулин. Золотой век – Толстой – Страсть к путешествиям; Пушкин – Свобода. Из серии «Русский лес».

народных обычаях и послужило источником вдохновения для последующего художественного творчества. Таким примером становятся произведения художника Хе Доулина и его картины, собранные в серию «Русский лес» (Рис. 1, 2).

Большую роль в становлении Хе Д. как художника сыграли русские художники, такие как: И.Е. Репин, И.И. Левитан, В.А. Серов и другие [Юань, 2018, с. 191].

Благодаря знакомству с творчеством русских писателей художник учился понимать «загадочную русскую душу», искания и порывы преобразовать мир, так глубоко и проникновенно описанные в произведениях А.П. Чехова (Рис. 3).

С улучшением китайско-российских отношений взаимные визиты в контексте культурного обмена между художниками двух стран стали все более частыми. Китайские художники получили возможность лично посещать Россию, изучать её культуру и художественное творчество. Одновременно работы российских художников часто становились участниками выставок в Китае, давая тем самым возможность китайским зрителям сформировать новые художественные впечатления. Этот прямой обмен между двумя странами способствовал глубокому взаимопониманию и заимствованию приемов и техник в искусстве живописи.

Влияние советской школы реализма на творчество китайских художников

Именно в советский период китайско-российский художественный обмен вступил в новую фазу. Советская система художественного образования оказала глубокое влияние на развитие китайского искусства. С одной

Рис. 3. Хе Доулин. Бронзовый век – Чехов – Ожидание; Шостакович – Увертюра. Из серии «Русский лес».

стороны, большое количество китайских студентов отправилось в Советский Союз для обучения в творческих вузах, где они получили системное художественное образование, и многие китайские художники этого периода творили под влиянием советского реалистического стиля живописи. С другой стороны, советская художественная практика и методы обучения живописи были внедрены в китайские художественные школы, оказав глубокое влияние на китайское художественное образование и практику в целом [Чан, 2016, с. 157].

В этот период в китайской живописи начали появляться элементы русского искусства, как в выборе тем, так и в способах исполнения, о чем свидетельствуют, например, картины художника Цзинь Шаньши (Рис. 4).

Именно в этот период начинают появляться картины таких китайских художников как Цюань Шаньши, посвященных образу России, которые затем становятся участниками многих выставок в Китае. В течение шести лет, которые художник прожил в России, он глубоко изучал и впитывал русскую культуру и искусство, используя время каникул для посещения музеев и культурных объектов, и изучения оригинальных произведений русских классиков художественного искусства. Посещение сельской местности и знакомство с реальной жизнью русского народа дало ему новое понимание традиции реалистической школы живописи. Вдохновлённый

Рис. 4. Цзинь Шаньши. Восхождение на пик Мустаг; Таджикская невеста, 1956.

русской природой, широкими просторами, он пишет цикл картин «Путешествие по России», где художник пропагандирует поэзию русской природы. В своем творчестве Цюань Шаньши придерживался идеального сочетания цвета и формы в многолетней практике масляной живописи и всегда настаивал на том, что «формировать реалистичных персонажей и природные объекты можно только с помощью масляной живописи» [Шан, 2020, с. 73] (Рис. 5).

Наряду с этим, другие художники этого периода, обучающиеся в российских вузах искусств, глубоко впечатлялись русской архитектурой Москвы и Санкт-Петербурга (в советское время Ленинград) и чаще всего в их картинах появлялись Исаакиевский собор, набережные р. Невы, Красная площадь и конечно же природные пейзажи (Рис. 6, 7, 8).

Представляя свои картины на выставках в Китае, художники стремились передать образ далекой России как «...платформу мировой литературы, как пример необычайной архитектуры, совмещающей изящество итальянских мастеров с романтизмом Востока» (Рис. 9).

Китайские художники, творившие в советский период, стремились подробно изучить реалистическое направление в основном, в масляной живописи и овладеть приемами и техниками исполнения, используя кото-

Рис. 5. Цюань Шаньши. Загородный пейзаж; Риверсайд; Вечер на Волге; Золотая осень, 1957.

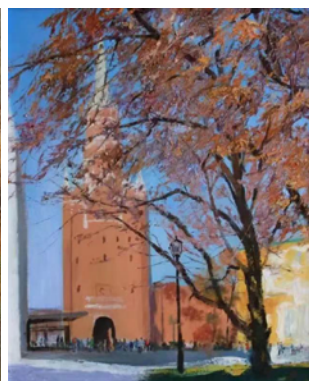
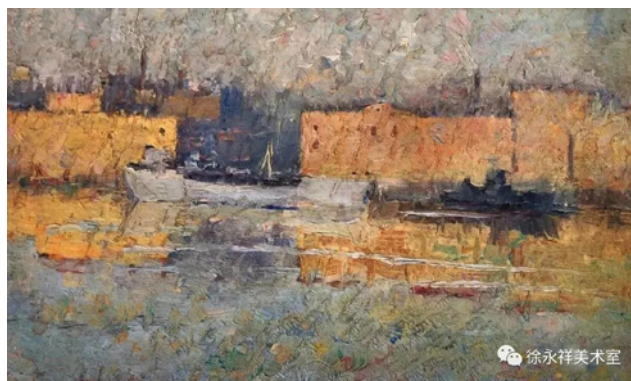

Рис. 6. Ли Тяньсян. Утренний восход солнца на Неве, 1956.

Рис. 7. Ли Цзюнь. Впечатление о России, 1959.

Рис. 8. Цюань Шаньши. На берегах Невы, 1991.

Рис. 9. Чжан Хуацин. Санкт-Петербург, 1994.

рую, как им казалось, они могли передать более органичную и естественную жизнь русского народа и природные пейзажи России. Выезжая на пленэр, самостоятельно или под руководством преподавателя, китайские студенты могли часами наблюдать размеренную тихую жизнь российских деревушек или слушать пение птиц в березовой роще, чтобы затем перенести эти впечатления на полотно (из дневниковых записей Го Шаоган) (Рис. 10, 11).

Российско-китайский образовательный обмен в художественном творчестве

В настоящее время, с ускорением глобализации и углублением китайско-российских отношений, художественный обмен между двумя странами стал более разнообразным и открытым. Китайские художники, сохра-

няя традиции национального искусства, активно обучаются в вузах других

Рис. 10. Го Шаоган. Часовня у озера, 1972.

Рис. 11. Куань Шань Ши. Березовый лес 2, 1957.

Рис. 12. Чжоу Сяосун. Пейзаж на автостоянке, 2016; Гребля по Неве, акварель, 2010.

Рис. 13. Цюй Сянцзянь. На улицах Санкт-Петербурга; В Репинском парке (3), 2016.

стран, и заимствуют лучшие черты мирового искусства, включая российское, что ведет к формированию нового художественного стиля, отражающего яркие черты современности и национальной специфики. Продолжается культурный обмен и обучение китайских студентов в вузах России и наоборот [Сунь, 2020, с. 167]. Огромным спросом у китайского зрителя пользуются работы китайских художников, посвященных образу России. В настоящее время этот образ предстает перед нами в работах Чжоу Сяосун, Цюй Сянцзянь, Ван Тяню и других китайских художников – активным, динамичным, ярким и немного драматичным, наверное, сказывается отпечаток пост перестроечного периода (Рис. 12).

В современном арт-пространстве китайские художники все чаще обращаются к технике акварели, нежели к масляной живописи, находя новые краски и оттенки, как в городском пейзаже, так и в изображении городских окраин, и окружающей природы [Сунь, 2020, с. 168] (Рис. 13–15).

Жизнь россиян, судя по внимательному отношению китайских художников, также становится более яркой, насыщенной и в тоже время спокойной (Рис. 16, 17).

Городские пейзажи и жители в современной китайской живописи

В китайской живописи образы российских городов часто обладают ярким экзотическим и романтическим характером. Торжественность и величие Красной площади в Москве, элегантность и спокойствие каналов Санкт-Петербурга становятся частыми темами в произведениях художников, которые с помощью тонких мазков и богатой палитры красок живо воспроизводят городские пейзажи на холсте, позволяя зрителю погрузиться в образ далекой и загадочной страны (Рис. 18).

Рис. 14. Ван Тяню. Зимние сумерки в Суздале, 2016.

Рис. 15. Цюй Сянцзянь. Вечер на Латоге, 2016.

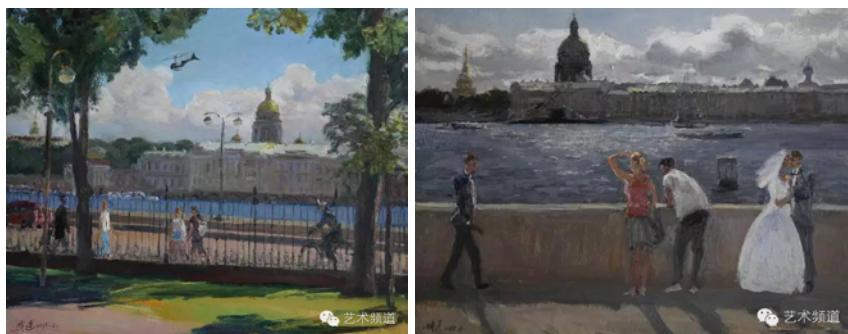

Рис. 16. Цюй Сянцзянь. На берегах Невы (9), На берегах Невы (2), 2016.

Рис. 17. Дун Кечэн. Красная площадь; На улицах Санкт-Петербурга, 2016.

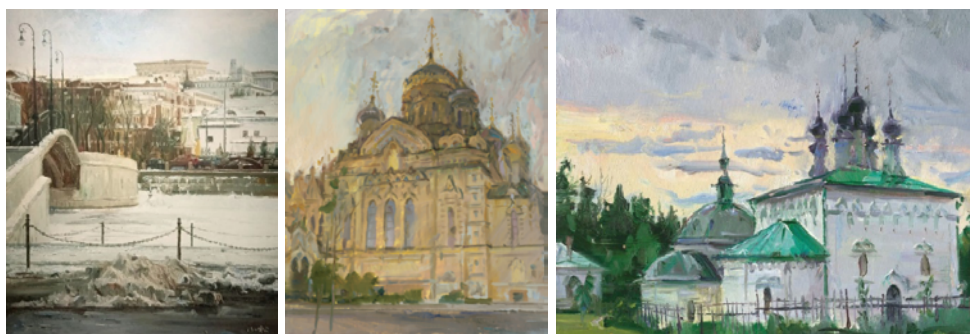

Рис. 18. Чжоу Сяосун. Исаакиевская церковь в Санкт-Петербурге. Через час после дождя. Из цикла «Серебряная империя. У моста», 2015.

Важную роль в формировании образа России играют персонажи, изображенные на полотне художника. Так, при создании персонажей китайские художники часто останавливают свой выбор на классических произведениях русской литературы, таких, например, как меланхоличные образы А.П. Чехова, и пересоздают их через язык живописи [Ли, Ван, 2023, с. 83] (Рис. 19). Эти образы не только обладают яркими личностными чертами, но и несут в себе понимание и восприятие российской культуры в целом.

Большое внимание как в прошлом, так и в настоящее время художники обращают на повседневную жизнь и духовное состояние обычных россиян, изображая разнообразие и сложность русского характера через свои работы.

Рис. 19. Хе Доулин.
Иллюстрации к пове-
сти А.П. Чехова «Дом
с мезонином», 1957.

Влияние российской школы живописи на творчество китайских художников

Манера исполнения, художественные стили российских художников оказали значительное влияние на творчество китайских мастеров. Особенно это заметно в использовании цвета и композиционных приемов. Китайские художники переняли богатый опыт и уникальные техники русской живописи, акцентируя внимание на контрасте и гармонии цветов, используя смелые мазки и насыщенные цветовые решения для передачи глубины и объемности изображений. Заимствуя также композиционные методы в российской школе живописи, китайские художники уделяют большое внимание общей планировке и созданию визуального эффекта [Ян, 2016, с. 271] (Рис. 22). Особенно данные техники широко применялись

Рис. 20. Ван Яохуа. Свидание у моря, 2018.

Рис. 21. Лю Юнкан На рыбалке, 2024.

Рис. 22. Ван Тянью. С видом на Волгу осенью, 2010.

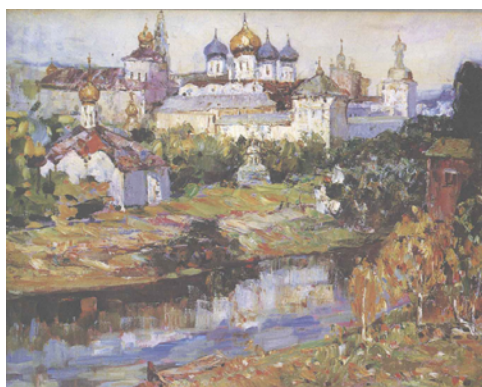

Рис. 23. Чжан Хуацин. Поселок Зеленогорский, 2012.

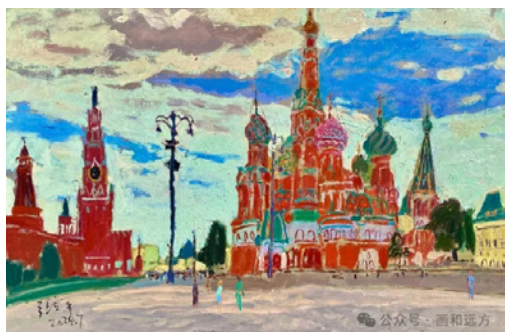

Рис. 24. Чжан Липин. Красная площадь, Москва, 2024.

Рис. 25. Ван Яохуа. Улица Алеутская во Владивостоке, 2018.

в создании городских пейзажей, отображающих образ России как яркий, красочный, насыщенный, порой парадоксальный и немного сказочный, как, например, в работах Чжан Липин или Ван Яохуа (Рис. 23).

Эволюция стилей в китайской школе живописи

По мере того как китайские художники продолжали обучение в российских творческих вузах, их методы и художественные стили исполнения также претерпели ряд изменений. От классической школы реализма до последующих экспериментов в стиле экспрессионизма, абстракционизма и других стилей, китайские мастера, впитывали лучшее в российской художественной традиции, интегрируя элементы своей национальной специфики и дух времени. Эта эволюция стилей не только обогатила художественный язык китайской живописи, но и способствовала развитию инноваций и развитию китайского искусства в целом.

Заключение

Образ России, представленный в китайской живописи, является ярким свидетельством художественного обмена, преодолевающего время и пространство. На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы: Художественный обмен между Китаем и Россией имеет глубокие исторические и культурные корни. История этого обмена отражает не только изменения в отношениях между двумя странами, но и иллюстрирует взаимное понимание и уважение культур двух стран, что было прослежено в данной статье на примере формирования образа России в творчестве китайских художников. Такое взаимодействие оказало значительное взаимное влияние на техники художественного исполнения российских и китайских мастеров. Китайские художники, осваивая российские живописные техники, также интегрировали свои национальные особенности и эстетические взгляды, создавая уникальные художественные стили. Эта

эволюция стиля обогатила художественный язык китайской живописи, предоставив художникам более широкие возможности для творчества.

Анализируя образ России в творчестве китайских художников в разный временной период можно сделать вывод о том, что это образ сравнимый с прекрасной природой, бескрайними, широкими просторами, наполненный яркими красками активной жизни центральных городов и спокойной, размеренной жизнью ее окраин. Образ России в творчестве китайских художников передан прекрасной архитектурой с ее монументальными фресками и мозаикой Санкт-Петербурга, Москвы и природным ландшафтом маленьких русских провинциальных городов и деревушек, а также исконно русских городов, таких как Суздаль.

Образ России, представленный в картинах китайских художников, является результатом межкультурного обмена между Китаем и Россией. Данное взаимодействие не только демонстрирует талант и креативность художников, но и отражают глубокие корни и уникальное очарование культур обеих стран. Можно надеяться, что художественный обмен между Китаем и Россией продолжит процветать, создавая новые яркие страницы для культурного общения и сотрудничества двух стран.

Библиографический список

1. Ли Минда, Ван Дань. Эволюция русских литературных образов в Китае [J], 2023. № 13. С. 82-84. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UjxGsw0MzDHjyqCmf8cU1ffyMhtxhpAneb1ME7kOgsK5Z3O8VQvOfq--DZWw_hrFRqPQFZ5D7aRbLiX-AiTFD1fJlJ8Uo6NSjiQh48q2eONVsVl6aOrE2veqWh9OAxtpRYW9xB6ZEahgQ7PNDAruei2OaD1ZVIJnfOQJ6vcKuU7l0A7YVvKfQFWHgAzllNp3DWqgHY5Zc84=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (Дата обращения: 08.07.2024)
2. Чан Гуаннань. Влияние советской живописи на китайское художественное образование [J]. Исследование художественного образования в Китае, 2016. № 9. С. 157. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UjxGsw0MzDEICCy4QyNgjOo31BZbcUaRhZr8oqSyEprASHcOUCib3ecAux4YthHDR-Ci5cb0nvql2dRar9iqeP0_DYBBnlvVxQUzbfzVcgsLhE4blBBgetZun9VyA0Q7d0xr3bhxJ3MAIEY-Tnn6ighfmOiHbK_EDP0AXgktp66uF7mmjpCeJCYmSdwTcdWRYnr6MD2e5V4=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (Дата обращения: 19.07.2024)
3. Шан Хунцзян. Исторический процесс культурного и художественного обмена между Китаем и Россией, его эволюция и стратегии развития [J]. Искусство и мастерство, 2020. № 36 (6). С. 42-46, 73. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UjxGsw0MzDGv6vBZOr4RzvXG-zOrH2_PzNw39h0u4CrGPiM0JJ0Y_QXOnNV1x8CytJOC6zDCwLtkCnxi8EGcCiSiFbpHKPFAlVACi7C0tuq5ynfsQvwLKDw7BPDwSXCTaa2x0dVGJ6KgQwnlq6oon7wgbKALUlSBTAWKcZVvB2Vbl-9_BBTimv7L3Z71nrlhVsOt1iJOVo=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (Дата обращения: 01.08.2024)
4. Сунь Линсяо. Влияние русской живописи на традиционную живопись Китая [J]. Искусствоведческая оценка, 2020. № 17. С. 167-169. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UjxGsw0MzDGueaRo7su3j4pCiGLQb22j6UKvN9Dyc4DwLsysg0yJbqtTTV46YOPRSV5gB1shCHh3Rgq60R2c57AXKzRbecDjqKNzz_aURRG03iY9X7CPz3etkrsix8jv1oR4G0E91WLRPg7-PMhdQm7b8b-korbzKYQ7vBS7oG_d-X3-WqAmPjYZcCS11kRpc9vcB_K_gk=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (Дата обращения: 03.08.2024)
5. Юань Цзюньхуа. Влияние русской живописи на развитие китайской культуры [J]. Журнал Хэйхэ института, 2018. № 9 (9). С. 191-193. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UjxGsw0MzDHTbHZWc9STHJy7iAiFH3OSq960XC_Sylzw93U_881HVCiC-1G2YhuJzRfx7A46wag_FmP3Cxfw2FtUpEAhGQADuAHQ2to_WlQJG7Tq_Ceit5gEN83W5o3o

HP5sQ4QfjsWEflKheyiE0BVYf14f20fvYxT5HEX6AeVqKPKU0KRcpSa53kliDLMTgb192R7aCwQ=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (Дата обращения: 09.08.2024)

6. Ян Сян. Краткий анализ обмена между Китаем и Россией и наследования творческих направлений живописи в искусстве Китая [J]. Драматический дом, 2016. № 16. С. 271. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UJxGsw0MzDHTbHZWc9STHJy7iAiFH3OSq960XC_SylxnFOeqW1d1dfaHzTpFqabfZrvxt40VHTC-M0bFeG5jUtCWx4rsE8geoSvpssCbNA_qjxHKYORMFiCCNFsodaehHhpUVzF52MUC7U8Uf5_rwxM81tY_v6RBu_WqP6z9W905JezBvGmfVYEWU-UwzfVS1qFOyjfR0Bw=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (Дата обращения: 17.08.2024)

References

1. Li Mingda, Wang Dan. Evolution of Russian Literary Images in China [J], 2023. № 13. P. 82-84. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UJxGsw0MzDHTbHZWc9STHJy7iAiFH3OSq960XC_SylxnFOeqW1d1dfaHzTpFqabfZrvxt40VHTC-M0bFeG5jUtCWx4rsE8geoSvpssCbNA_qjxHKYORMFiCCNFsodaehHhpUVzF52MUC7U8Uf5_rwxM81tY_v6RBu_WqP6z9W905JezBvGmfVYEWU-UwzfVS1qFOyjfR0Bw=&uniplatform=NZKPT&language=CHS
2. Chang Guangnan. The Influence of Soviet Painting on Chinese Art Education [J]. Research on Art Education in China, 2016. № 9. P. 157. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UJxGsw0MzDEICcy4QyNgiOo3t1BZbcUaRhZr8oqSyEprASHcOUCib3ecAux4YthHDR-Ci5cb0nvql2dRrAr9iqeP0_DYBBnlvVxQUzbfzVcgsLhE4blBBgetZun9VyA0Q7doxr3bhxJ3MAIEY-Tnn6ighfmOiHbK_EDP0AXgktp66uF7mmjpCeJCYmSdwTcdWRYnr6MD2e5V4=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (19.07.2024)
3. Shang Hongjiang. The Historical Process of Cultural and Artistic Exchange between China and Russia, Its Evolution and Development Strategies [J]. Art and Craftsmanship, 2020. № 36 (6). P. 42-46, 73. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UJxGsw0MzDGv6vBZOr4RzvXG-zOrH2_PzNw39h0u4CrGPiM0JJ0Y_QXOnNV1x8CytJOC6zDCwLtKCNxi8EGcCiSiFbpHKPFAIVAC-i7C0tuq5ynfsQvwLDDKdw7BPDwSXCtaa2x0dVGJ6KgQwnIq6oon7wgbKALU1SBTAWK-cZVYB2Vb1-9_BBTimv7L3Z71nrlhVsOtlIjOVO=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (01.08.2024)
4. Sun Lingxiao. The Influence of Russian Painting on Traditional Chinese Painting [J]. Art Criticism Assessment, 2020. № 17. P. 167-169. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UJxGsw0MzDGueaRo7su3j4pClgGLQb22j6UKvN9Dyc4DwLSysg0yJbqtTTV46YOPRSV5gB1shCHh3Rgq6oR2c57AXKzRbecDjqKNzz_aURRG03iY9X7CPz3etkrsix8jv1o-R4G0E91WIRPg7-PMhdQm7b8b-korbzKYQ7vBS7oG_d-X3-WqAmPjYZcCS11kRpc9vcb_K_gk=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (03.08.2024)
5. Yuan Junhua. The Influence of Russian Painting on the Development of Chinese Culture [J]. Journal of Heihe Institute, 2018. № 9 (9). P. 191-193. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UJxGsw0MzDHTbHZWc9STHJy7iAiFH3OSq960XC_Sylzw93U_881H-VCIc-1G2YhuJzRfx7A46wag_Fmp3Cwxfu2FtUpEAhGQADuAHQ2toWlQJG7Tq_Ceit5gEN-83W5o3oHP5sQ4QfjsWEflKheyiE0BVYf14f20fvYxT5HEX6AeVqKPKU0KRcpSa53kliDLMTgb192R7aCwQ=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (08/09/2024)
6. Yang Xiang. A Brief Analysis of the Exchange between China and Russia and the Inheritance of Creative Directions of Painting in Chinese Art [J]. Drama House, 2016. № 16. P. 271. // URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UJxGsw0MzDHTbHZWc9STHJy7iAiFH3OSq960XC_SylxnFOeqW1d1dfaHzTpFqabfZrvxt40VHTC-M0bFeG5jUtCWx4rsE8geoSvpssCbNA_qjxHKYORMFiCCNFsodaehHhpUVzF52MUC7U8Uf5_rwxM81tY_v6RBu_WqP6z9W905JezBvGmfVYEWU-UwzfVS1qFOyjfR0Bw=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (17.08.2024)

Political science

Политология

Нансо М. Д.

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Агирбов Т.А.

Студент, Северо-Кавказская государственная академия.

Мода как социокультурный тренд современности*

Аннотация. В статье исследуется мода как важнейший социальный и культурный феномен, оказывающий глубокое воздействие на всю область социальных отношений, на сознание и поведение индивидов. Рассматриваются сущность моды, ее противоречивые характеристики. Мода анализируется с различных точек зрения: как механизм адаптации и социализации, как инструмент идентификации и самоидентификации, как форма демонстрации социального статуса и успеха, как способ социального регулирования. Показывается значимость моды как социального транслятора, как фактора, стирающего социальные различия. Исследуются изменчивость моды, ее востребованность обществом потребления. Выявляются риски зависимости от требований моды, которые ведут к возникновению различных форм социального отчуждения.

Ключевые слова: общество потребления, мода, подражание, модный тренд, социальные различия, идентификация, символ.

Napso M.D.

Doctor of sociological sciences, professor of department of humanities sciences, North-Caucasus state academy.

Agirbov T.A.

Student, North-Caucasus state academy.

Fashion as a socio-cultural trend of our time

Abstract. The article studies fashion as the most important social and cultural phenomenon, which has a profound impact on the whole area of social relations. The essence of fashion, its contradictory characteristics, being of an individual and society are considered. Fashion is analysed from different points of view: as a mechanism of adaptation and socialisation, as a tool of identification and self-identification, as a form of demonstration of social status and success, as a way of social regulation. The significance of fashion as a social translator, as a factor that erases

* © Нансо М.Д., Агирбов Т.А., 2025.

social differences is shown. The variability and demand for fashion in the consumer society are studied. Risks of dependence on fashion requirements that lead to the emergence of various forms of social exclusion are revealed.

Key words: consumer society, fashion, imitation, fashion trend, social differences, identification, symbol.

Ведение

Мода является важнейшим социальным и культурным феноменом, который оказывает глобальное воздействие на бытие индивида и общества. Интерес к моде вызван той ролью, которую она играет в качестве особого инструмента, регулирующего многие аспекты человеческой жизни. Развитие моды в значительной мере обусловлено процессами, которые происходят в социально-экономической сфере, на что указывают многие исследователи данного феномена. Социальные трансформации приводят к изменениям в культуре, и это непосредственно отражается как на самой моде, так и на представлениях о ней. Мода изменчива, исторична, она была и остается двигателем социальных интересов и потребностей. Непрерывность и быстрота происходящих изменений отражаются на моде и ее проявлениях, что особенно заметно в современную эпоху, характеризующуюся убыстрением темпов и возникновением новых трендов, принимающих характер модных.

Проблематика исследования.

Среди исследователей моды особое место принадлежит немецкому ученому Г. Зиммелю. Он подверг всестороннему анализу объективные условия, способствующие утверждению моды в качестве важнейшего социального инструмента, который подчеркивает индивидуальность и способствует процессам самоутверждения личности. Ученый писал о «подражательном» свойстве моды, а подражание, как известно, социально значимо, поскольку формирует общественные установки и идеалы. Следуя социокультурным и эстетическим нормам и «модным» канонам, индивид сливается с группой, становится ее членом, адаптируется к изменяющимся условиям жизни. С помощью моды индивид приобщается к актуальным трендам, разделяемым привычкам, стилю жизни, тем самым создается пространство конформизма и ощущения равенства с другими, более значимыми. Но слепое подражание моде либо ее игнорирование оборачиваются для индивида, с одной стороны, утратой свободы и потерей своего «Я», а с другой – недостаточным вниманием к себе со стороны социального окружения, что воспринимается достаточно болезненно.

Одновременно, по мнению Г. Зиммеля, происходит обособление ин-

дивида, благодаря чему индивидуальность не оказывается утраченной. Мода, писал он, является одной «из многих форм жизни, посредством которых тенденция к социальному выравниванию соединяется с тенденцией к индивидуальному различию» [1, с. 268]. Социальный институт моды реализует потребность в социальном единении и обособлении одновременно, которые являются противоположными, но взаимосвязанными тенденциями, обуславливающими друг друга. Замечание исследователя относительно дуалистической природы моды представляется крайне важным: индивид, сохраняя свою особость, формируя, в том числе и в соответствии с модными трендами, собственную линию поведения и образ жизни, привычки, создает «модное» личное пространство. В этом пространстве противоречивым образом сочетаются современное и традиционное, даже консервативное, которое в прошлом символизировало модный тренд.

Точка зрения Г. Зиммеля относительно роли моды в минимизировании рисков, связанных с процессами социально-классовой дифференциации, нашла отражение в сформулированной им теории, которая получила название «эффекта просачивания». Согласно данной концепции, низшие слои стремятся подражать модным трендам (прежде всего в одежде), которые утверждаются представителями высших социальных слоев. И чем выше уровень подражания, тем сильнее стремление вышестоящих слоев дифференцироваться от нижестоящих. Создаются новые образцы моды: происходит т. н. бегство от общепринятых или же от широко распространившихся эталонов моды. Когда та или иная «модная» потребность удовлетворена, появляется очередная, которая, как и предыдущая, призвана подчеркнуть сходство и отличия одновременно. Ученый писал о том, что в среде низших слоев мода не столь разнообразна и качественна, поскольку приобретение модных, в особенности трендовых вещей высокого качества, всегда сопряжено с немалыми финансовыми затратами.

Подражание элите и провозглашаемым ею модным образцам формирует в среде низших классов комплекс ощущений о собственной социальной значимости, и в первую очередь – неполноценности. Причина этого видится исследователем и в том, что мода оперирует множественными символами, связанными с понятиями успеха, престижа, статуса. Усваивая «модные» знаки-тренды, присущие обладателям высоких социальных слоев, индивиды стремятся выйти, хотя бы виртуально, за пределы групп принадлежности. Как справедливо замечает Д. Левин, «продвигающиеся «наверх» люди находят в моде идеальное средство для подражания и отождествления себя с высшим классом. Когда мода усваивается и за пределами породившего ее класса, последний создает новую моду. Этот процесс повторяется внутри высшего класса. По мере сниже-

ния классовых барьеров и увеличения богатства среди населения, этот процесс становится все безудержнее» [2]. Следуя моде высокостатусных групп населения, индивид преодолевает чувства социальной неудовлетворенности жизнью в многообразии ее проявлений – с одной стороны. Но с другой стороны, он обнаруживает солидарность с другими, испытывает ощущения своей исключительности и неповторимости, тем самым находя поддержку в среде таких же, как и он сам. Ж. Липовецкий подчеркивал свойство моды быть инструментом, с помощью которого индивид привлекает к себе внимание, и благодаря этому происходит акцентирование на своем внешнем виде, являющемся одной и немаловажных черт имиджа, столь востребованного обществом потребления. Так моде, по мнению французского исследователя, «удалось превратить нечто внешнее в инструмент спасения личности и в конечную цель существования общества» [3, с. 38]. Таким образом, мода является инструментом идентификации индивида, а также способом подтверждения и выражения своей неповторимости. Мода порождает разные эмоционально-психологические состояния, и индивид, ей следуя, испытывает множество чувств. Обладание модными брендами может порождать чувства превосходства над теми, к кругу которых принадлежит, и зависти от невозможности приобретения таких вещей. Когда предмет зависти недостижим, могут возникать чувства социальной ущербности и даже неполноценности. Это особенно характерно для людей, «которые внутренне несамостоятельны, нуждаются в опоре, но которые вместе с тем ощущают потребность в отличии, внимании, в особом положении» [1, с. 276].

Как и всякое социальное явление, мода изменчива. По мнению Г. Зиммеля, как только модные тенденции перестают быть модными, их сменяет новая мода – более привлекательная, а значит, социально востребованная, поскольку соответствует содержанию новых модных трендов. И это касается не только одежды. Поэтому мода, отмечал исследователь, «находится всегда на водоразделе между прошлым и будущим и, пока она в расцвете, дает нам такое сильное чувство настоящего, как немногие другие явления» [1, с. 274]. Преходящий характер моды, ее «легковесность» [3] не снижают значимости ее как ценностного феномена. Присущие обществу постмодерна быстротечность и неопределенность придают моде вечный характер, а ее постоянно изменяющиеся императивы «держат» индивида и социум в целом в состоянии «модного» напряжения, что, несомненно, питает моду в разных формах ее проявления.

В обществе потребления мода ассоциируется с социальным успехом, а сам успех выражен в категориях моды. Иными словами, успех должен соответствовать критериям, которые предъявляются модой. В этой связи Г. Зиммель писал об абстрактном характере моды, что она не всегда согласуется с объективной необходимостью и практической целесоо-

бразностью. Более того, этот ее характер проявляется в возникновении различных форм социального отчуждения. Индивид склонен следовать требованиям моды, но в формах, диктуемых ею. Поэтому «модным становится практически все, в том числе некрасивое и даже уродливое. Нередко модные вещи приобретаются не по причине необходимости в них, а в связи с желанием продемонстрировать свой статус – экономический, финансовый, социальный, культурный, иными словами. Налицо неосознанное потребление товаров и вещей, что является свидетельством нерационального отношения к объективным условиям жизни. Обладание модными вещами позволяет индивиду явить себя социальному окружению в качестве состоявшейся личности, и в таком качестве индивид, по мнению многих, всегда востребован.

Г. Зиммель рассматривал моду как социально-классовое явление, указывал на ее зависимость от специфики социального, экономического и культурного контекста. Многие из его идей были в дальнейшем подвергнуты критике со стороны ряда исследователей феномена моды, и в первую очередь по причине того, что ученый «ограничивается рамками иерархизированных классовых обществ» [5, с. 75]. С этим мнением можно согласиться, поскольку современное общество потребления все более стирает социальные различия. В ходе процессов формирования среднего класса в европейских странах мода представителей высших слоев перестает обладать свойством принуждения, «авторами» модных веяний становятся социальные группы, которые не относятся к элитарным слоям. Мода, как известно, творится в среде различных социальных слоев, в том числе и низших (к примеру, мода на джинсы). Высшие социальные слои, которые прежде являлись создателями культурных стандартов, уступили место другим «модным» игрокам. Постепенно «аристократия утратила монополию на престиж, а индустрия одежды потеснила значимые для индивидов группы в их роли законодателей моды» [6, с. 94]. Рост материального благосостояния позволяет приобретать модные вещи широкому кругу людей, не принадлежащих к высоким социальным стратам. В вопросах моды социальные слои соотносят себя с различными референтными группами, значит, они придерживаются разных модных трендов, вкусов и предпочтений. Мода варьируется, ее распространение и усвоение зависят от культурных кодов, которые присущи социальным слоям. Так, рядом с высокой модой соседствует т. н. уличная мода, ставшая впоследствии частью мировой моды, несмотря на то, что она зародилась в пространстве молодежных субкультур.

Нельзя не упомянуть о таком свойстве моды быть способом выражения стремлений к нарциссизму, которым отличается современный человек. Мода всегда сопряжена с удовольствиями, к которым стремится индивид эпохи консьюмеризма, она «делается вектором движения в сторону

нарциссической индивидуализации, инструментом распространения эстетического культа собственного «Я» [4, с. 38]. Мода принуждает индивидов следовать модным требованиям, они стали больше внимания уделять своему внешнему облику, который должен быть элегантным, притягивающим внимание окружающих, эталоном подражания, особенно в выборе одежды. И здесь важно подчеркнуть, что мода, через механизм одежды в особенности, позволяет освободиться от традиционно-консервативного, от однообразия и единообразия, благодаря чему индивид ощущает свою, с одной стороны, солидарность с социумом или социальной группой, а с другой – получает возможность выделиться. Мода вынуждает индивида приспосабливаться к диктуемым ею культурным и эстетическим стандартам, этот индивид находится в постоянно поиске того, что олицетворяет красоту в ее «модном» понимании. Так мода создает условия для самолюбования, формирует в нем элементы нарциссизма, и это делает его жизнь более насыщенной и привлекательной. В результате человек пребывает в постоянном поиске, и поскольку мода быстротечна, этот процесс индивидуализации не имеет конца.

Мода, таким образом, является абсолютным социальным регулятором, в ней нуждаются как в социальной опоре. Предлагая и утверждая культурные нормы и вкусы, мода одновременно предоставляет индивиду многообразие возможностей. Данное обстоятельство говорит в пользу гибкости моды, а также того, что индивид может к ней приспосабливаться соответствующим образом. Однако велики риски, связанные с развитием зависимости от моды и ее императивов, на что указывал И. Кант. В статье «О вкусе, отвечающем моде» исследователь подчеркивает особую роль моды в формировании определенных ценностей и псевдоценностей. Философ пишет, что мода «относится к рубрике *тщеславия*, так как в [ее] цели нет внутренней ценности; точно так же она относится и к рубрике *глупости*, так как при этом имеется некоторое принуждение — поступать в рабской зависимости исключительно от примера, который дают нам в обществе многие» [7]. Непостоянство моды парадоксальным образом сочетается с явлением, ею тиражируемым, – подражанием, которое овладевает умами и поступками многих, поскольку оно обеспечивает соответствие индивида рекламируемым и навязываемым трендам и вкусам. «Модные» символы консьюмеристского общества – больше, чем символы, они определяют образ жизни и поведение индивидов, систему нравственных установок, принятие и следование которым являются условиями, благодаря которым возможен социальный успех в его широком понимании.

Мода формирует соответствующее историческому и социальному контексту мировоззрение. Она предписывает индивиду определенную модель поведения, позволяющую осуществлять успешную интеграции

в социум, способствовать процессам идентификации, вырабатывать соответствующие времени механизмы социального общения. Мода обладает социокультурной ценностью, поскольку выполняет самые разные функции – от экономической (предлагая эталоны потребления), транслирующей (передавая последующим поколениям «осовремененные» стандарты) до эстетической (вырабатывая эталоны красоты и эстетического в целом). Модным становится и мышление, детерминирующее поведенческие стратегии, обретают модные черты нормы и стандарты. Так мода становится способом переформатирования устоявшегося, традиционного, что представляется крайне важным с точки зрения быстротечности времени.

Стремление к приобретению модных предметов объясняется многими причинами, в том числе и тем, что мода содержит знаки, которые символизируют успех в его широкой трактовке. Бегство от моды невозможно, следование ей способствует приобщению индивида к системе групповых ценностей, тем облегчая процессы его интеграции в определенный социальный контекст. В этом немаловажную роль играют так называемые референтные группы, являющиеся эталоном для подражания. Эти тенденции особенно ощутимы в молодежной среде, которая всегда готова к принятию образцов моды, выступающих в форме образов-желаний. Общество потребления придает моде различные черты, в том числе и иллюзорные: она используется в качестве инструмента формирования псевдоценностных установок – следование моде выступает нередко в форме «иметь». Это обстоятельство может использоваться индивидом для демонстрации своего социально-экономического положения, что консьюмеристским мировоззрением ценится достаточно высоко. Следовательно, мода, с одной стороны, является социально-дифференцирующим феноменом, а с другой, содержит черты, которые позволяют говорить о ней как о факторе, стирающем социальные различия. Мода является понятием универсального характера, и в данном качестве она является своеобразным локомотивом социальных процессов.

Библиографический список

1. Зиммель Г. Избранное. Том второй. Мода. С. 266-292. // URL: [https:// docviewer.yandex.ru/view/0/?page](https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page) (Дата посещения: 18.12.2024).
2. Левин Д. Некоторые ключевые проблемы в работах Зиммеля. // URL: [https:// 69-129-1-SM.pdf](https://69-129-1-SM.pdf) (Дата посещения: 18.12.2024).
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. // URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3484/3489> (Дата посещения: 18.12.2024).
4. Липовецки Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. – М.: 2012. 336 с. // URL: https://vk.com/doc12780981_535390921?hash=2365d70d6db3b6377a (Дата посещения: 18.12.2024).
5. Гурова О.Ю. Социология моды: обзор классических концепций // Социологические исследования. 2011. № 8 (328). С. 72-82. // URL: <https://studylib.ru/doc/2711645/sociologiya-mody-->

obzor-klassicheskikh-koncepcij (Дата посещения: 18.12.2024).

6. Килошенко М.И. Мода: от подражания к индивидуализации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. 2005. № 1. С. 92-97. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21115723> (Дата посещения: 18.12.2024).

7. Кант И. О вкусе, отвечающем моде. // URL: <https://iphlib.ru/library/collection/philosna/document/> (Дата посещения: 18.12.2024).

References

1. Simmel G. Selected Works. Volume Two. Fashion. P. 266-292. // URL: [https:// docviewer.yandex.ru/view/0/?page](https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page) (12.18.2024).

2. Levin D. Some Key Problems in Simmel's Works. // URL: [https:// 69-129-1-SM.pdf](https://69-129-1-SM.pdf) (12.18.2024).

3. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. // URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3484/3489> (12.18.2024).

4. Lipovetsky J. Empire of the Ephemeral. Fashion and Its Fate in Modern Society. – М.: 2012. 336 p. // URL: https://vk.com/doc12780981_535390921?hash=2365d70d6db3b6377a (12.18.2024).

5. Gurova O.Yu. Sociology of fashion: an overview of classical concepts // Sociological studies. 2011. № 8 (328). P. 72-82. // URL: <https://studylib.ru/doc/2711645/sociologiya-mody--obzor-klassicheskikh-koncepcij> (12.18.2024).

6. Kiloshenko M.I. Fashion: from imitation to individualization // Bulletin of the St. Petersburg State University. Series 6. 2005. № 1. P. 92-97. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21115723> (12.18.2024).

7. Kant I. On taste that corresponds to fashion. // URL: <https://iphlib.ru/library/collection/philosna/document/> (12.18.2024).

Новиков Д.В.

Кандидат исторических наук, ведущий специалист Координационного центра противодействия идеологии экстремизма, Кемеровский государственный университет.

Ултургашева Н.Д.

Доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный институт культуры.

Этническая информация и этнокультурные стереотипы в региональной прессе Кузбасса (период «возрождения» автохтонных этносов, 1990 г. - 2004 г.)*

Аннотация. В кузбасской прессе постсоветского периода сложилось направление, освещающее развернувшиеся этнокультурные инициативы многонационального по составу населения региона. В статье, на основании проведенного автором контент-анализа предпринята попытка охарактеризовать стереотипы, транслируемые областной прессой посредством этнической информации. Достаточно активная позиция представителей коренных этносов (проживающих на территории Кемеровской области шорцев и телеутов) в творческом осмыслении и развитии своего культурного наследия, определила и заинтересованное внимание к ним со стороны журналистов. Разнообразие форм этнокультурной самопрезентации народов, их выход на уровень социально значимых мероприятий, как и постоянное информационное обеспечение со стороны СМИ делают актуальным исследование образа данного явления, транслируемого в массовое сознание региональной прессой. На этапе организационного оформления «движения по этнокультурному возрождению» в Кузбассе (который вполне укладывается в заявленные хронологические рамки), сложилась и специфика его отражения региональной периодической печатью. Последняя достаточно явно прослеживается по материалам массовых изданий областного масштаба (таких, как газеты «Кузбасс», «Кузнецкий край»). Практически все проанализированные сюжеты нацелены на формирование в читательской аудитории конструктивного образа как межэтнических отношений в регионе, так и деятельности областных и районных властей в «этнической» сфере. Это проявляется в освещаемой тематике (например, массовые этнокультурные мероприятия, социальное обеспечение отдаленных поселков с автохтонным шорским населением, участие институтов гражданского общества в жизни региона), а также в явно прослеживаемой «солидарной» (либо нейтральной) позиции самих авторов газетных материалов.

Ключевые слова: региональная пресса, этнокультурное возрождение, национальная политика, образ, многонациональный Кузбасс, межкультурный диалог, наследие, массовое сознание.

* © Новиков Д.В., Ултургашева Н.Д., 2025.

Этническая информация и этнокультурные стереотипы в региональной прессе Кузбасса (период «возрождения» автохтонных этносов, 1990 г. - 2004 г.)

Novikov D.V.

Candidate of Sciences in History, Leading specialist of the Coordination Center for Countering the Ideology of Extremism, Kemerovo State University.

Ulturgasheva N.D.

DSc in Cultural Studies, professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Ethnic information and ethnocultural stereotypes in the regional press of Kuzbass (the period of “revival” of autochthonous ethnic groups, 1990 - 2004)

Abstract. In the Kuzbass press of the post-Soviet period, a direction has developed that covers the unfolding ethnocultural initiatives of the multinational population of the region. In the article, based on the content analysis carried out by the author, an attempt is made to characterize the stereotypes broadcast by the regional press through ethnic information. The rather active position of representatives of indigenous ethnic groups (Shors and Teleuts living in the Kemerovo region) in the creative understanding and development of their cultural heritage also determined the interested attention to them from journalists. The variety of forms of ethnocultural self-presentation of peoples, their access to the level of socially significant events, as well as constant information support from the media make it relevant to study the image of this phenomenon, transmitted to the mass consciousness by the regional press. At the stage of organizational formation of the «ethnocultural revival movement» in Kuzbass (which fits well into the stated chronological framework), the specifics of its reflection in the regional periodical press also developed. The latter can be seen quite clearly in the materials of mass publications on a regional scale (such as the newspapers «Kuzbass», «Kuznetsky Krai»). Almost all of the analyzed stories are aimed at forming in the readership a constructive image of both interethnic relations in the region and the activities of regional and district authorities in the «ethnic» sphere. This is manifested in the topics covered (for example, mass ethnocultural events, social security of remote villages with an autochthonous Shor population, participation of civil society institutions in the life of the region), as well as in the clearly visible «solidarity» (or neutral) position of the authors of newspaper materials themselves.

Key words: regional press, ethnocultural revival, national policy, image, multinational Kuzbass, intercultural dialogue, heritage, mass consciousness.

Обращение к заявленной теме продиктовано ограниченным числом исследований, посвященных этнической информации в региональных СМИ Кузбасса. Вместе с тем, нельзя не отметить постоянный процесс межэтнического взаимодействия на его территории (в различных аспектах), как и устойчивый интерес к этнокультурному развитию со стороны кузбасских медиа (учитывая их влияние на общественное сознание). Все

это определяет необходимость отслеживания позиций журналистов и других авторов, освещающих данную проблематику. В данном ключе, нами была предпринята попытка охарактеризовать социальные стереотипы (в этническом аспекте), как способ воздействия областной прессы на читательскую аудиторию. Следует отметить, что многоаспектным междисциплинарным исследованием этничности в СМИ уделяет внимание доктор исторических наук В.К. Малькова. В сферу ее интересов входят и способы передачи этнической информации, точки соприкосновения СМИ и этничности, а также соответствующие данной проблематике научные дефиниции [26, с. 20-33, 77-144, 339-349]. Представленный нами анализ региональных материалов дополняет указанные исследования.

В соответствии с заявленной темой, целью данной работы стало раскрытие образа этнокультурного возрождения автохтонных этносов как социального явления (на этапе его организационного оформления), формируемого и транслируемого в массовое сознание читательской аудитории областными периодическими изданиями («Кузбасс», «Кузнецкий край»). В качестве фона, дополняющего рассматриваемый образ, нами порою привлекались частные сюжеты по иным этническим группам, проживающим в регионе и также принявшим участие в этнокультурном движении. Статус массовых областных общественно-политических изданий, в исследуемый период определяет, как информационный охват рассматриваемых газет, так и их репрезентативность для регионального общественного пространства. Отметим, несколько выходя за хронологические рамки нашего исследования, что и «Кузбасс» (до настоящего времени), и «Кузнецкий край» (издававшийся до 2008 г.) регулярно публиковали разнохарактерную этническую информацию (в виде тематических статей, интервью с представителями региональной науки, общественности и власти, а также емких информационных сообщений). И здесь, на наш взгляд, объективно прослеживается роль кузбасской прессы постсоветского периода как индикатора интереса региональных органов государственного управления, а также и более широкой общественности к развертывавшимся в Кемеровской области этнокультурным, этнополитическим и этносоциальным процессам. Этнически окрашенная информация, транслируемая периодической печатью Кузбасса, в целом характеризуется толерантным, либо нейтральным стилем.

Поставленная цель определила использование элементов выборочного анализа. При выборе средств периодической печати (региональной прессы) нами был использован такой прием отбора, как обработка «основного массива». Были обработаны все выпуски за 1990 г.-2004 г. тех газет региона, которые имели наибольший тираж и наиболее широкое распространение по области (в рассматриваемый хронологический период). В то же время, мы не рассматривали материалы «этнических» изданий

местного уровня и городских газет (таких, как «Темнер» («Времена»), «Время» (г. Мыски)). При достаточно емком освещении поднимаемых в настоящей работе вопросов, они тем не менее имели исключительно малые тиражи и не оказывали серьезного влияния на формирование общественного мнения.

Значительный объем нарративных источников определил использование нами методики контент-анализа газетных материалов. При этом, исходя из поставленной цели, мы намеренно не привлекали к анализу публикации о социально-экономических проблемах и процессах в среде шорцев и телеутов, ограничившись материалами по национальным праздникам, фестивалям, деятельности фольклорных коллективов и формировании музейных коллекций. Первичное ознакомление с контентом позволило условно выделить как основные категории («возрождение», «поддержка», «творчество», «сохранение» «культура», «общество», «среда»), так и единицы анализа (тематические сюжеты, отражающие развитие этнокультурного творчества коренного населения, проживающего на территории Кемеровской области; транслирующие этнически окрашенные идеологемы в читательскую аудиторию). Частота встречаемости данных сюжетов была определена в качестве единиц счета.

Согласно рабочей гипотезе нашего исследования, формируемый (в рассматриваемый период) кузбасской прессой образ регионального этнокультурного движения коренных народов, в целом характеризовался созидательной ролью для социально-культурного пространства Кемеровской области. При этом, анализируемый контент демонстрирует объективный интерес к текущим этнокультурным и этнополитическим событиям на региональном уровне. Вместе с тем, как в отборе публикуемого материала, так и в его оценке прослеживается ориентация на пропаганду конструктивного развития многонационального Кузбасса. Данная задача определяла и преимущественное внимание к массовым общественным мероприятиям, прецедентам успешной реализации государственных проектов, а также конкретным этническим группам (например, коренному малочисленному шорскому народу). Однако это ограничивает возможности периодической печати, как источника изучения этнического аспекта социальной сферы Кемеровской области. В контексте влияния на целевую аудиторию – жителей Кемеровской области – мы считаем правомерным говорить о конструировании (отчасти и неосознанном, и целенаправленном) регионального самосознания кузбассовцев, посредством этнической информации. Последняя стала одним из ключевых факторов, в деятельности кузбасских СМИ, именно с постсоветского периода.

Движение по возрождению, развитию и трансляции этнокультурных маркеров, проживающих в Кузбассе автохтонных этносов (шорцев и телеутов) начинается с рубежа 1980-х – 1990-х гг. Данным обстоятельством

и определяется нижняя хронологическая грань предпринятого нами исследования. В 1990 г. были образованы национальные общественные объединения, Ассоциации шорского и телеутского народов, ориентировочно к 2004 г. накопившие опыт представительства этнических интересов на всех уровнях. Деятельность национальных обществ изначально находится в поле зрения региональных СМИ, включая прессу. При этом, роль медиа в формировании массовых представлений о данных процессах до настоящего времени является пробелом в местной историографии. Территориальные рамки нашего исследования определяются границами Кемеровской области, являющейся субъектом Российской Федерации. Данная территория характеризуется достаточно самобытным курсом региональной социальной политики (по сравнению с сопредельными областями), проводимой Администрацией (Правительством) Кемеровской области, что, несомненно, накладывает отпечаток и на характер публикаций по национальной проблематике.

Объединенные в категорию «возрождение» материалы характеризуют тенденцию, сложившуюся в официальных СМИ Кузбасса последних десятилетий. Это регулярное освещение массовых культурных мероприятий, проводимых в рамках регионального курса этнонациональной политики, в том числе организуемых по инициативе национальных общественных объединений. Стремление кузбасских журналистов (авторов публикаций в массовых изданиях) к популяризации поликультурного по составу населения региона обусловило внимание прессы к прошедшим в указанный период праздникам (посвященным памятным датам в истории Кемеровской области, а также возрождаемым в инновационной форме «традиционным» мероприятиям, отсылающим аудиторию к своему прошлому), фестивалям этнокультурной направленности [25; 27; 32; 35; 36; 40; 42].

Данные информационные материалы отражают позицию региональной прессы, ориентирующейся на поддержание как этнического, так и локального самосознания читательской аудитории. Это подтверждается исключительным авторским вниманием к организационным аспектам освещаемых праздников и фестивалей, составу участников в лице представителей творческого этнокультурного актива и властных структур региона. Важным, на наш взгляд показателем является и стремление журналистов транслировать в массовое сознание кузбассовцев собственную, готовую оценку освещаемых событий. При этом последняя выдержана в духе солидарности с этнокультурным движением на территории области. Так, в отдельных публикациях подчеркивается воспитательный потенциал Областного детского фестиваля национальных культур, а также значение инициированного этнической интеллигенцией шорцев праздника «Пайрам» (в плане интереса международной общественности к современным

проблемам развития коренных народов) [34; 39; 44].

В целом, достаточно пристальное внимание прессы к проводимым в регионе массовым мероприятиям этнокультурного характера обусловлено позицией кузбасских СМИ, проводящих идею «уникального опыта» местных органов власти и общественности по формированию многонационального и поликультурного единства в Кемеровской области. И указанные выше мероприятия дают для этого доступный и вместе с тем разнообразный материал, позволяющий также конструировать «цементирующий» образ региональной национальной политики, соответствующий государственным задачам формирования межэтнического мира и согласия, заявленным в законодательстве федерального и регионального уровня.

На примере сюжетов, сгруппированных нами в категорию «поддержка» можно проиллюстрировать предметный (хотя и отчасти тенденциозный) интерес кузбасской прессы к этническим проблемам. Журналисты не обходят вниманием мероприятия государственных органов и усилия шорской общественности по социальному (медицинскому и др.) обеспечению отдаленных поселков, выведению традиционных сфер хозяйствования автохтонов на рентабельный уровень. Вслед за национальной общественностью, достаточно активно заявляющей о проблемах и нуждах коренного населения (в рамках съездов шорского народа, диалога с районными и областными властями) газетные материалы выдержаны в духе солидарности с малочисленным этносом. Также среди факторов, определяющих позиции журналистов нельзя не отметить внимание к рассматриваемой категории населения со стороны государственных органов (в первую очередь, департамента (в настоящий момент – Министерства) культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области) [12; 13; 37; 41].

И здесь прослеживается достаточно интересный момент, когда действующие в местах компактного проживания шорцев угледобывающие предприятия оцениваются авторами газетных публикаций исключительно как гаранты развития инфраструктуры шорского села [40]. И это вполне объяснимо, учитывая определяющую роль добывающей промышленности в экономике Кузбасса. Вместе с тем, результаты региональных этнологических экспертиз уже в рассматриваемое время выявили неоднозначное влияние угольных разрезов на исконную среду обитания, хозяйство и медицинские показатели автохтонов [46]. Однако результаты исследований представляют интерес главным образом для узкого круга специалистов, и рядовому читателю газетных материалов было довольно трудно сформировать объективное представление о ситуации. В целом, оперативная реакция прессы на предпринимаемые областными и районными властями меры по поддержке коренного населения формирует «позитивный» образ

регионального курса национальной политики.

Следующая категория («общество») сформирована сюжетами, затрагивающими тематику национальных общественных объединений региона. Будучи сравнительно немногочисленными в рамках рассматриваемого контента, они тем не менее представляют интерес в плане сложившейся тенденции освещения деятельности региональных институтов гражданского общества. Журналистский интерес определяется задачами формирования образа многонационального Кузбасса в массовом сознании, распространения идеи свободного развития межэтнического, межкультурного диалога в регионе. Также нельзя не отметить внимание к организационным моментам деятельности национальных обществ (особенно заметное для начального периода их существования, когда вопрос о роли новых объединений в жизни региона оставался еще открытым). Официальное признание государством новых институтов гражданского общества, как и активное их участие в социально-культурных проектах региона определило и отношение к ним со стороны прессы. Это подтверждается рассматриваемым нами материалом. Так, освещая проводившиеся в г. Кемерово общественные акции, авторы не обходят вниманием и принявшие в них участие национальные общественные объединения (например, Кузбасскую общину «Беларусь»). При этом, на наш взгляд, используемых кратких упоминаний вполне достаточно для формирования общего представления, у рядового читателя, о данных институтах. Информация, в целом, транслируется в нейтральном стиле [23; 28].

Рассматриваемые сюжеты характеризуют реакцию прессы на текущую деятельность региональных национальных общественных организаций – ассоциаций шорцев и телеутов, и ряда объединений, действующих на городском уровне. Представленные здесь материалы иллюстрируют приоритеты журналистов, в выборе тематики для освещения. Так, попавшие в поле их зрения городские праздники, связанные с этническим возрождением шорского населения, привлекли внимание и к местным национальным обществам, инициаторам данных мероприятий. Внимание журналистов привлекли и первые попытки руководства шорских общественных объединений наладить обучение национальной молодежи в высших учебных заведениях Турции, а также факт приглашения представителей турецкой науки на совместную конференцию. Нейтральный, описательный характер данных материалов позволяет предполагать лишь проявление интереса со стороны прессы [4; 7; 9; 20; 21].

Указанная выше тенденция, связанная с «толерантным» образом многонационального Кузбасса, не исключает периодическое отражение региональной прессой ситуаций конфликтов интересов. Например, непримиримости представителей шорской интеллигенции к попыткам распространения православной символики в местах традиционно-

го отправления шаманских обрядов (при нейтральной в целом позиции авторов публикаций). В другом случае корреспондент, явно выражая интересы угледобывающего предприятия, работающего в местах компактного проживания телеутов (в Беловском районе Кемеровской области), характеризует деятельность Ассоциации телеутского народа по поиску и восстановлению исконных культовых мест как форму «вымогательства» материальных средств у добывающей компании. Попутно отметим, что достаточно серьезные проблемы взаимодействия добывающих предприятий и общин коренных народов, разрабатываемые региональными специалистами в сфере прикладной этнологии [46], практически не отражаются региональными СМИ.

Последняя категория сюжетов напрямую связана с формируемым кузбасскими СМИ образом региональной общественной среды, в контексте её влияния на коренное население. Исключительно толерантный характер материалов связан с выбором журналистами освещаемой тематики. Так, отражение фактов административной поддержки этнического творчества в очередной раз пропагандирует стабилизирующую роль курса национальной политики, проводимого региональными властями. В этом же ключе следует рассматривать информацию о конференциях, проводимых как специалистами в сфере этничности, так и представителями национальных сообществ Кемеровской области. Национальная политика изначально (с постсоветского времени) развивалась здесь как диалог власти, науки и общественности. И это нашло свое отражение в периодической печати. Опубликованная информация об издании сборника шорских сказок в Германии, косвенно указывает на активную работу представляющих этнос национальных обществ [2; 6; 8; 18].

В поле зрения прессы попало и назначение раввина еврейской диаспоры, проживающей на территории Кемеровской области. Следует подчеркнуть, что диаспора (в лице, например, благотворительной организации «Кемеровское общество еврейской культуры») не ориентирована на регулярное сотрудничество со СМИ. Вероятно, этим и объясняется как единичный характер сюжета (даже вне заявленных рамок исследования), так и авторский интерес к внутренней жизни общины, иерархии её управления, отраженный в тексте публикации. Публичный характер мероприятия, проведённого с участием представителей областных властей и общественности (включая еврейские диаспоры ряда регионов страны) сделал его доступным для освещения журналистом [31].

Сюжеты категории «культура» в очередной раз иллюстрируют позицию кузбасской прессы, в информационном сопровождении «шорского вопроса». Представленные здесь информационные материалы явно ориентируют читателя на идею ценности и перспективы этнокультурной сферы. Это, в частности, сведения о деятельности национальной интеллигенции

по приобщению шорской молодёжи к своему наследию, а также оценка его рекреационного потенциала. Автор одной из публикаций, проявляя интерес к сохранившимся этнокультурным маркерам шорского народа, характеризует ситуацию в его среде как «распространение христианства». При отсутствии ссылок на научные данные здесь, вероятно, имеет место субъективный взгляд журналиста. В целом, многоаспектный интерес региональной прессы к возрождению и развитию автохтонного населения указывает на стремление к конструктивному диалогу. Частным подтверждением является и краткое сообщение о выпуске музыкального альбома, одним из творческих шорских объединений (категория «творчество»). Вероятно, здесь проявляется заинтересованность и самих представителей этнокультурного движения, в освещении их деятельности средствами массовой информации [29; 30; 45].

Сюжеты данной категории отражают все практикуемые национальными общественными объединениями и этнокультурными центрами формы трансляции «автохтонных» традиций в культурное пространство Кемеровской области. Количество и содержание газетных публикаций объективно указывают на активную позицию «творческой национальной элиты» и, как следствие, складывание отдельного направления публикуемых региональной прессой сюжетов по данной проблематике. На наш взгляд, практически неотрывный интерес журналистов определяется здесь позиционированием, представителями общественного актива коренных народов своего движения как альтернативы их обезличивания в инокультурной среде. В этой связи, авторские позиции сюжетов данной категории сводятся в целом к идее сочувствия их культурному возрождению и развитию. Кроме того, регулярная практика фестивальных и праздничных мероприятий обеспечивает постоянный и доступный материал для корреспондентов. И здесь проявляется тенденция формирования в читательской аудитории образа Кузбасса как региона, развивающего конструктивный опыт внутреннего межэтнического диалога в региональном обществе [2; 5; 10; 11; 14; 15; 16; 17; 19; 22; 24].

В рамках заявленной темы нельзя не обойти вниманием сюжет, помещенный нами в категорию «сохранение». Освещая юбилей журнала «Огни Кузбасса» и ссылаясь на его материалы, автор газетой статьи транслирует в массовое сознание кузбассовцев уже достаточно глобальную идею о необходимости сбережения русского народа и его наследия, прежде всего языка. Учитывая преобладание русского населения в этническом составе Кемеровской области, данный материал интересен именно своим мобилизующим потенциалом, для самосознания большинства жителей региона [38].

Таким образом, изложенное позволяет говорить о достаточно активном участии периодической печати в процессе конструирования этноре-

гиональной идентичности, развернувшимся на территории Кемеровской области с рубежа XX в. – XXI в. Проанализированный контент содержит положительную/нейтральную этническую информацию, которую можно суммировать в виде следующих идеологем: «самобытная культура каждого из проживающих в Кузбассе народов является ресурсом для укрепления межнационального единства в регионе», «сотрудничество представителей разных этносов, включая деятельность национальных объединений имеет актуальное значение для общественной жизни Кемеровской области», «этнокультурное наследие многонационального Кузбасса обладает самоценностью, и это находит свое отражение в региональном курсе этнонациональной политики». И здесь мы сталкиваемся с примером активного участия периодической печати в работе по предупреждению возможных ситуаций межэтнической напряженности. С этой целью, внимание читателя фокусировалось на конструктивных аспектах этнокультурного развития и реализации соответствующих государственных мер. В данном случае, пресса реализовала свою функцию частного инструмента стабилизирующей этнонациональной политики в полиэтничном регионе (см. таблицу).

В целом, представленные материалы иллюстрируют позиции кузбасской журналистики, в продвижении образа Кемеровской области как региона, благоприятного для творческого самовыражения проживающих здесь этносов. На наш взгляд, помимо объективно развивавшейся тенденции сохранения и развития традиционного наследия шорцев и телеутов, соответствующей деятельности гражданского общества и региональных властей, это также во многом определялось целенаправленным выбором журналистами освещаемой тематики, фокусированием внимания на мероприятиях культурного плана. Данное положение подтверждается как сочувствующим, либо нейтральным характером большинства публикаций (выдержанных в духе сохранения идентичности малых народов, проживающих в инокультурном окружении), так и сознательно заложенной в них идеей о стабилизирующей роли регионального курса этнонациональной политики. Одно из ключевых ее направлений связано с поощрением и поддержкой этнокультурного творчества (в форме фестивалей, праздников и т.п.) [1]. С этим же связан и крайне низкий процент публикаций, освещающих конфликтные прецеденты (например, по вопросу о возрождении традиционных культовых объектов телеутов, находящихся на территории угледобывающих разработок). Корреспонденты, порою, освещали текущие конфликтные ситуации, интерпретируя их соответствии с интересами ведущих в регионе промышленных и административных инстанций. Таким образом, наличие данных сюжетов на страницах печатных органов объясняется представительством интересов.

Таблица категорий и единиц анализа.

Единицы анализа		Частота употребления	
Категории	Подкатегории	Абсолютная (раз)	Относительная (%)
Возрождение	Празднование 386-летия г. Новокузнецка [участие русских и шорских культурных центров, творческих объединений]	1	4,5%
	Первый региональный фестиваль старообрядческих песнопений и традиционных ремесел (прошедший в Туве при поддержке Министерства культуры РФ) [участие ансамбля «Апрель» из Кемеровской области]	2	9%
	Областной детский фестиваль национальных культур [с авторским акцентированием его воспитательного потенциала]	1	4,5%
	Подготовка и проведение праздника Ивана Купалы в Кузбасском музее-заповеднике «Томская Писаница»	2	9%
	Освещение шорского национального праздника «Пайрам» [с указанием на завершившееся в 2004 г. Международное 10-летие коренных народов мира]	1	4,5%
Поддержка	Почтовое обеспечение труднодоступных шорских поселков [с авторским взглядом на их перспективы, за счет развития углубляющей промышленности]	1	4,5%
	Решение проблем медицинского обеспечения и социальной инфраструктуры горно-шорского села, на региональном (областном и районном) уровне	4	18%
	Деятельность шорской хозяйственной общины «Палам» [с ее авторской оценкой как средства преодоления социальной незащищенности «вымирающим малочисленным народом»]	1	4,5%
	Материал, освещающий сбор папоротника в Горной Шории [вне контекста традиционной хозяйственной деятельности коренного населения]	1	4,5%

Общество	Освещение организационной деятельности городских шорских объединений («Шория», «Аба-Тура», «Газыхан») по подготовке праздничных мероприятий	5	83.33%
	Позиции ассоциаций шорцев и телеутов относительно религиозного вопроса (с авторской оценкой деятельности ассоциации «Эне-Байат» по сохранению культовых мест телеутов как «вымотательства») финансовых средств у руководства угольного разреза «Бачатский», разрабатывающего недра на территории компактного проживания этноса; отражение негативной реакции актива Ассоциации шорского народа по поводу установки православного креста на месте проведения традиционных шаманских обрядов)	4	66.66%
	Инициативы представителей гражданского общества шорского народа, по формированию научных и образовательных контактов с Турцией	2	33.33%
	Общественная организация «Кузбасская община Беларусь» [упомянута в связи с поздравлениями в адрес руководства Республики Беларусь, с 60-летием освобождения от фашистов]	1	16.66%
	Назначение раввина еврейской диаспоры в Кемеровской области [процедура; численность диаспоры, вопросы организационной структуры]	1	16.66%
	Разъяснения депутата Госдумы с представителями профсоюзных и общественных (включая национальные) организаций Кузбасса, относительно изменений в российском законодательстве	1	16.66%
Культура	Освещение праздников, возрождаемых в рамках неотрадиций («Ольгудек-пайрам», «Пардакай», «Чыл Пажи», «Эль-Ойын»)	15	150%
	Возникновение кафе традиционной шорской кухни в ряде населенных пунктов южного Кузбасса	10	100%
	Инновационные мероприятия по развитию традиций (фольклорные праздники, национальные конкурсы, детский смотр-концерт и день национальной шорской кухни)	6	60%

Культура	Фестивали местного, регионального, всероссийского и всемирного уровня (такие, как «Элим», «Радуга Кузбасса», «Северное сияние», VI Всемирный тюрокский детский кулутай-фестиваль в г. Стамбуле)	6	60%
	Творческая деятельность шорских и телеутских фольклорных коллективов («Отчагаш» г. Мыски, «Татагал» г. Осинники, «Ойун» г. Междуреченск, «Ак-Чаяк», «Чылтыс» и «Айкун» (г. Таштагол), «Газылдар», народный ансамбль «Солоны» («Радуга») с. Беково)	6	60%
	Появление отделения игры на шорских национальных инструментах в одной из музыкальных школ г. Мыски	1	10%
	Освещение деятельности музеев Кузбасса, по сохранению предметов традиционной культуры шорцев и телеутов	1	10%
	Функционирование детского этнографического объединения «Элим», при историко-этнографическом музее г. Мыски	1	10%
	Рекреационная сфера Кузбасса, культура шорского этноса как туристический ресурс	1	10%
Творчество	Традиционные элементы в культуре сельских шорцев [в контексте ситуации, оцениваемой автором как «распространение христианства»]	1	10%
	Информационное сообщение о музыкальном альбоме национального творческого объединения «Кызай»	1	4,5%

Сохранение	Акцентирование проблемы сохранения русского языка и народа в материалах журнала «Огни Кузбасса» [в статье, посвященной 55-летию юбилею издания]	1	4,5%
Среда	Организационно-финансовая поддержка творческих инициатив представителей шорского этнокультурного движения, со стороны Администрации Кемеровской области	2	33%
	Издание сборника шорских легенд (в Германии, при содействии Немецкого фонда исчезающих языков)	1	16%
	Интерес региональной общественности к традиционной культуре автохтонов Сибири (констатация)	1	16%
	Освещение конференций начала 1990-х гг., посвященных проблемам национальной политики и сохранения шорского историко-культурного наследия	2	33%

Библиографический список

1. Акимова Т.А. Основные направления национальной политики по сохранению межнационального мира и согласия в Кемеровской области / Т.А. Акимова, Л.В. Щурова // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: Сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.) / КемГУ. – Кемерово: Практика, 2013. 260 с. С. 9-15.
2. Анатольев В. Все о Шории // Кузбасс. 1993. 16 марта.
3. Антимонова С. Как окунуться в век минувший // Кузбасс. 1997. 11 апреля.
4. Бабанаква Г. Друг белого шамана // Кузнецкий край. 1997. 16 октября.
5. Белоусова Н. Отказываясь от стандарта // Кузбасс. 1995. 1 декабря.
6. Бог все зачтет // Кузнецкий край. 1997. 25 сентября.
7. Вавилова С. За широкой национальной вопроса // Кузбасс. 1994. 24 марта.
8. Валентинов Л. Кузнецкая земля – наш общий дом // Кузбасс. 1990. 21 октября.
9. В Горной Шории – праздник // Кузбасс. 2000. 17 июня.
10. Владимирова А. Творческий «национальный вопрос» // Кузнецкий край. 2002. 20 июня.
11. В музее телеутов // Кузбасс. 1999. 21 декабря.
12. В начале августа // Кузбасс. 2004. 22 июля. С. 2.
13. Вчера в поселок Чувашка // Кузбасс. 2004. 21 июля. С. 1.
14. Галыгина О. И старина, и день нынешний // Кузбасс. 1992. 21 апреля.
15. Горбунов В. На светлом пути стало темнее // Кузнецкий край. 1994. 19 ноября.
16. Горбунов В. Стопочку абыртки под пелбен // Кузнецкий край. 1995. 10 октября.
17. Горбунов В. Шорцы веселились день и ночь // Кузнецкий край. 1994. 5 июля.
18. Горная Шория – сибирская Швейцария // Кузбасс. 1993. 18 декабря.
19. Гревнев М. Храмом память великого шорца // Кузнецкий край. 1998. 1 декабря.
20. Гришечкин Д. Праздник музыки, праздник дружбы // Кузбасс. 2001. 9 июня.
21. Гришечкин Д. Радуга из давних времен // Кузбасс. 2001. 27 января.
22. День рождения «храма истории» // Кузбасс. 2004. 26 мая.
23. Евгеньева Т. Учсть мнение каждого // Кузбасс. 2004. 20 июля. С. 2.
24. Елисеева Е.В Кузбассе состоится фестиваль коренных народов Сибири // Кузнецкий край. 1993. 14 декабря.
25. Иван Купала // Кузбасс. 2004. 7 июля. С. 6.
26. Малькова В.К. Этничность и медиа: Опыты этнополитического анализа современных российских СМИ. – М.: ИЭА РАН, 2020. 420 с.
27. Назаренко Н. Со времен язычества // Кузбасс. 2004. 3 июля. С. 14.
28. Начало «Операции «Багратион» // Кузбасс. 2004. 2 июля. С. 2.
29. Появился первый альбом // Кузбасс. 2004. 30 июля. С. 1.
30. Приближение к истокам // Кузбасс. 2004. 24 июля. С. 3.
31. Райнеш Е. Встречаем раввина по-сибирски // Кузбасс. 2004. 2 июля. С. 4.
32. С 10 по 17 июля // Кузбасс. 2004. 3 июля. С. 3.
33. Садовой А. Н. (отв. ред.). Этнологическая экспертиза. Кемерово: Ин-т угля и углехимии СО РАН; – Кемер. гос. ун-т, 2005. 216 с.
34. Снежно Е. Спецвоспитание Прекрасным // Кузбасс. 2004. 16 июля. С. 4.
35. Старообрядцы Сибири // Кузбасс. 2004. 16 июля. С. 2.
36. Тимошук, А. Стихийные купания в купальскую ночь // Кузбасс. 2004. 9 июля. С. 4.
37. Худик Л. Ортон – «осколок коммунизма» // Кузбасс. 2004. 24 июля. С. 4, 13.
38. Шатская Т. Не впадем в отчаяние! // Кузбасс. 2004. 27 июля. С. 4.
39. Шелков В. На родной земле // Кузбасс. 2004. 27 июля. С. 3.
40. Шипилова Т. Город занял крепость // Кузбасс. 2004. 6 июля. С. 4.
41. Шипилова Т. Деликатес с лесной деляны // Кузбасс. 2004. 24 июля. С. 6.
42. Шипилова Т. И сокращаются большие расстояния // Кузбасс. 2004. 10 июля. С. 5.
43. Шипилова Т. «Пайрам» - праздник лета // Кузбасс. 2004. 17 июля. С. 3.
44. Шипилова Т. Спасительный круг «Палама» // Кузбасс. 2004. 28 июля. С. 2.
45. Штраус О. И Африка мне не нужна! // Кузбасс. 2004. 22 июля. С. 1, 3.
46. Этнологическая экспертиза. Вып.1. Оценка воздействия ООО «МетАл», ОАО «Магнито-

горский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области / А.Н. Садовой, О.В. Нечипоренко, В.В. Поддубиков и др. – Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005. 220 с.

47. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических угроз // *Культура мира*. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 160-170.
48. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // *Культура мира*. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.
49. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Пограничная река: ее лимнологические преимущества, геополитические водовороты и омуты // *Культура мира*. 2024. Том 12. Выпуск 6. (№ 41). С. 149-158.
50. Рябова Е.Л. Закон необходимого разнообразия применительно к культуре социального управления (размышления, вызванные монографией «Вклад высшего образования в культуру социального управления») // *Культура мира*. 2024. Том 12. Выпуск 1. (№ 36). С. 126-137.
51. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // *Власть истории – История власти*. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
52. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 2 (188). С. 9-17.
53. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Санитарный кордон: от медицины к геополитике // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 8 (194). С. 9-17.
54. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Электоральная культура в противодействии «цветным революциям» // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 7 (193). С. 9-17.
55. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 67 (192). С. 8-17.
56. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Государственная граница — пространство взаимодействия культур // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 9 (195). С. 9-17.
57. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Символы границы и границы символов // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 11 (197). С. 33-42.

References

1. Akimova T.A. The main directions of national policy on preserving interethnic peace and harmony in the Kemerovo region / T.A. Akimova, L.V. Shchurova // *Applied ethnology and current problems of state ethno-national policy in the regions of Western Siberia: mechanisms of interaction between government, science, and the public: Coll. art. based on the results of the interregional scientific and practical seminar (Kemerovo, November 21–22, 2012)* / KemSU. – Kemerovo: Praktika, 2013. 260 p. P. 9-15.
2. Anatolyev V. All about Shoria // *Kuzbass*. 1993. March 16.
3. Antimonova S. How to plunge into the past century // *Kuzbass*. 1997. April 11.
4. Babanakova G. Friend of the White Shaman // *Kuznetsk region*. 1997. October 16.
5. Belousova N. Rejecting the standard // *Kuznetsk bass*. 1995. December 1.
6. God will count everything // *Kuznetsk bass*. 1997. September 25.
7. Vavilova S. Behind the screen of the national question // *Kuznetsk bass*. 1994. March 24.
8. Valentinov L. Kuznetsk land is our common home // *Kuznetsk bass*. 1990. October 21.
9. There is a holiday in Gornaya Shoria // *Kuznetsk bass*. 2000. June 17.
10. Vladimirova A. Creative “national question” // *Kuznetsk bass*. 2002. June 20.
11. To the Teletu museum // *Kuzbass*. 1999. December 21.
12. At the beginning of August // *Kuzbass*. 2004. July 22. Page 2.
13. Yesterday in the village of Chuvashka // *Kuzbass*. 2004. July 21. Page 1.
14. Galygina O. Both the old days and the present day // *Kuzbass*. 1992. April 21.
15. Gorbunov V. On the bright path it became darker // *Kuznetsk region*. 1994. November 19.
16. Gorbunov V. A shot of abyrtka under the pelben // *Kuznetsk region*. 1995. October 10.
17. Gorbunov V. The Shors had fun day and night // *Kuznetsk region*. 1994. July 5.
18. Mountain Shoria – Siberian Switzerland // *Kuzbass*. 1993. December 18.
19. Grevnev M. We preserve the memory of the great Shors // *Kuznetsk region*. 1998. December 1.
20. Grishchkin D. A holiday of music, a holiday of friendship // *Kuzbass*. 2001. June 9.
21. Grishchkin D. A rainbow from ancient times // *Kuzbass*. 2001. January 27.

22. Birthday of the "temple of history" // Kuzbass. 2004. May 26.
23. Evgenyeva T. Take into account everyone's opinion // Kuzbass. 2004. July 20. P. 2.
24. Eliseeva E. The festival of indigenous peoples of Siberia will be held in Kuzbass // Kuznetsk region. 1993. December 14.
25. Ivan Kupala // Kuzbass. 2004. July 7. P. 6.
26. Malkova V.K. Ethnicity and media: Experiences in ethnopolitical analysis of modern Russian media. – M.: IEA RAS, 2020. 420 p.
27. Nazarenko N. Since the times of paganism // Kuzbass. 2004. July 3. P. 14.
28. The beginning of "Operation Bagration" // Kuzbass. 2004. July 2. P. 2.
29. The first album has appeared // Kuzbass. 2004. July 30. P. 1.
30. Getting closer to the origins // Kuzbass. 2004. July 24. P. 3.
31. Rainesh E. We meet the rabbi in Siberian style // Kuzbass. 2004. July 2. P. 4.
32. From 10 to 17 July // Kuzbass. 2004. 3 July. P. 3.
33. Sadovoy A. N. (editor). Ethnological examination. Kemerovo: Institute of Coal and Coal Chemistry SB RAS; Kemerovo State University, 2005. 216 p.
34. Snezhko E. Special Education by the Beautiful // Kuzbass. 2004. 16 July. P. 4.
35. Old Believers of Siberia // Kuzbass. 2004. 16 July. P. 2.
36. Timoshchuk, A. Spontaneous bathing on Kupala night // Kuzbass. 2004. 9 July. P. 4.
37. Khudik L. Orton – "a fragment of communism" // Kuzbass. 2004. July 24. P. 4, 13.
38. Shatskaya T. Let's not despair! // Kuzbass. 2004. July 27. P. 4.
39. Shelkov V. On our native land // Kuzbass. 2004. July 27. P. 3.
40. Shipilova T. The city occupied the fortress // Kuzbass. 2004. July 6. P. 4.
41. Shipilova T. Delicacy from the forest plot // Kuzbass. 2004. July 24. P. 6.
42. Shipilova T. And great distances are shortened // Kuzbass. 2004. July 10. P. 5.
43. Shipilova T. "Payram" – a summer holiday // Kuzbass. 2004. July 17. P. 3.
44. Shipilova T. The Lifebuoy "Palama" // Kuzbass. 2004. July 28. P. 2.
45. Strauss O. And I don't need Africa! // Kuzbass. 2004. July 22. P. 1, 3.
46. Ethnological examination. Issue 1. Assessment of the impact of Metal LLC, Magnitogorsk Iron and Steel Works OJSC and Yuzhny Kuzbass Management Company on the life support systems of the autochthonous and Russian population of the Chuvashenskaya rural administration of the Myski municipal district, Kemerovo region / A.N. Sadovoy, O.V. Nechiporenko, V.V. Poddubikov et al. - Kemerovo: Publishing house of the Institute of Humanities and Management of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005. 220 p.
47. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Historical security is the key to a multidimensional vision of geopolitical threats // Culture of the world. 2024. Volume 12. Issue 2. (№ 37). P. 160-170.
48. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.
49. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Border River: Its Limological Advantages, Geopolitical Whirlpools and Pools // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 6. (№ 41). P. 149-158.
50. Ryabova E.L. The Law of Necessary Diversity as Applied to the Culture of Social Management (Reflections Sparked by the Monograph "The Contribution of Higher Education to the Culture of Social Management") // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 1. (№ 36). P. 126-137.
51. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // The Power of History – History of Power. 2024. Vol. 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
52. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the Aspect of the Connection of Traditional Values with Modernization // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 2 (188). P. 9-17.
53. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sanitary cordon: from medicine to geopolitics // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 8 (194). P. 9-17.
54. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Electoral Culture in Counteracting "Color Revolutions" // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 7 (193). P. 9-17.
55. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. "Global East": Historical Reality or Geopolitical Fiction // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 67 (192). P. 8-17.
56. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. State Border — a Space of Interaction of Cultures // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 9 (195). P. 9-17.
57. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Border Symbols and Borders of Symbols // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 11 (197). P. 33-42.

Ван Нин

Магистр 2 курс. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Международные отношения и мировая политика в условиях цифровизации общества*

Аннотация. В данной статье анализируется влияние цифровых технологий на систему международных отношений и международную политику. Рассмотрев содержание термина «цифровая политика», автор статьи затрагивает проблему взаимоотношений феномена цифровизации, проникшего во все сферы человеческой жизнедеятельности, и международной политики, которая в современную эпоху претерпела существенные трансформации, связанные с использованием цифровых технологий во внешней политике. Особое внимание в статье уделяется такому кластеру международной цифровой политики, как цифровая дипломатия, которая позволяет расширять коммуникационные процессы путем сетевого общения, создав новую модель международных отношений. Автор статьи также останавливается на использовании в международной политике дипломатии данных, принцип которой поясняется на примере сбора информации о политических конфликтах. На основе представленного в статье материала делается вывод, что цифровая международная политика - это новый уровень взаимодействия как между государствами, так и между государствами и гражданами.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая политика, цифровая дипломатия, большие данные, международные отношения.

Wang Ning

Master's degree 2nd year. Lomonosov Moscow State University.

International relations and world politics in the conditions of digitalization of society

Abstract. This article analyzes the impact of digital technologies on the system of international relations and international politics. Having considered the content of the term "digital politics", the author of the article touches upon the problem of the relationship between the phenomenon of digitalization, which has penetrated all spheres of human life, and international politics, which in the modern era has undergone significant transformations associated with the use of digital technologies in foreign policy. The article pays special attention to such a cluster of international digital policy as digital diplomacy, which allows expanding communication processes through network-

* © Ван Нин, 2025.

ing, creating a new model of international relations. The author of the article also dwells on the use of data diplomacy in international politics, the principle of which is explained on the example of collecting information on political conflicts. Based on the material presented in the article, it is concluded that digital international politics is a new level of interaction both between states and between states and citizens.

Key words: digitalization, digital politics, digital diplomacy, big data, international relations.

Развитие социума в XXI веке невозможно представить без инноваций цифровой эпохи. Внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и развитие элементов цифрового общества в большинстве стран современного мира рассматривается в качестве приоритетной стратегической задачи и важным направлением общенациональной политики.

Цифровые технологии, а также связанная с ними общественная и человеческая деятельность образуют цифровую сферу современного социума, которая в нынешних условиях определяет экономический и инновационный потенциал государства, уровень образования и человеческого развития, обуславливает социальный прогресс. Однако, все дискуссии на тему цифровизации, как правило, сосредоточены на вопросах, связанных с технологическими и экономическими возможностями цифровых технологий или касаются их использования в сфере государственного управления. К сожалению, мировая политика и, соответственно, международные отношения крайне редко рассматриваются в качестве объекта формирования цифровой политической реальности, связанной с трансформацией международных политических институтов и процессов, созданием платформ, отражающих взаимодействие государств на международной арене. Учитывая тот факт, что международно-политическая жизнь общества является в высшей степени значимым элементом глобального развития, мы посчитали необходимым рассмотреть влияние тенденций цифровизации на систему международных отношений и на внешнюю политику государств, которые, используя цифровые технологии, повышают качество своего участия в политической жизни глобального сообщества [4].

Прежде чем коснуться особенностей цифровизации международных отношений, рассмотрим содержание термина «цифровая политика».

Цифровая политика в узком смысле понимается как интенсификация использования цифровых технологий в политических процессах. Такое понимание не позволяет объяснить процессы, вызванные цифровизацией политики, поскольку базовые цифровые возможности имеются у большинства государств мира. Цифровизация политики в широком смысле - это формирование цифровой политической инфраструктуры под влиянием дискурса глобальной цифровизации, что детерминирует способы взаимодействия цифровых политических субъектов с этой инфраструктурой и

обуславливает специфику образования сетей для осуществления конкретных действий в цифровом формате [4].

Международные отношения, представляющие собой систему, состоящую из разнообразных элементов, направлены на кардинальное изменение функционирования современных трендов политических процессов в глобальном масштабе. Цифровые технологии обуславливают результаты международных соглашений, способствуют взаимодействию дипломатических ведомств, влияют на внешний имидж государства, выступают катализатором гибридности политических режимов, делают узнаваемыми и легитимными публичных персон, политические кампании, судьбоносные решения [4].

По сути дела, в условиях цифровизации международной политики речь идет о создании цифровых международных отношений (*cyber international relations*), включающих в себя такие кластеры как «цифровая дипломатия, дипломатия данных; кибербезопасность и кибердипломатия; глобальное управление интернетом и цифровые избирательные технологии» [5, с. 5]. Коснемся более подробно на некоторых из элементов цифровой дипломатии.

Согласно определению Н.А. Цветковой, цифровая дипломатия, именуемая также кибердипломатией, сетевой дипломатией, электронной дипломатией, - это «взаимодействие правительств разных государств с пользователями социальных сетей для решения внешнеполитических задач» [5, с. 5].

С тех пор как цифровая дипломатия стала трендом международной политики в США, многие страны последовали их примеру. Теперь посольства и консульства практически всех развитых стран имеют интерактивные веб-сайты, а государственные департаменты создают аккаунты в социальных сетях. Швеция, Польша, Франция, Великобритания, Россия и другие государства широко внедряют цифровые инструменты в национальную дипломатию, хотя некоторые регионы мира (например, страны африканского континента) еще не достигли значительного прогресса в этом направлении [8].

В России международная цифровая дипломатия началась с создания официальными государственными органами (в первую очередь, Министерством иностранных дел) социальных сетей. Представители МИД России официально присутствуют в сети Интернет. С закрытием таких площадок, как *Facebook*, *YouTube*, *Instagram* в Российской Федерации, они стали еще более активно вести свои «странички» в *Telegram-канале* и в социальной сети *Вконтакте*. Особой популярностью пользуются аккаунты Директора Департамента информации и печати МИД РФ М.В. Захаровой, которая может объективно и максимально просто вести диалог со своими подписчиками о международной политике, акцентируя внимание на

наиболее важных инцидентах. Причем ее комментарии отличаются удивительным чувством юмора и определенной долей сарказма, не переходящим за рамки дозволенного.

Следует отметить, что и сам МИД России организовал в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», «Телеграм») свой аккаунт, в котором контактирует как с зарубежными коллегами, так и гражданами разных стран. Можно сказать, что практика подобной коммуникации стала новым шагом в цифровизации аппарата самого главного внешнеполитического ведомства Российской Федерации.

Кроме информационно-коммуникативной деятельности в социальных сетях, МИД РФ имеет официальный сайт, на котором представлена лента новостей, информация о произошедших и происходящих политических событиях международного масштаба, раскрываются особенности дипломатических отношений Российской Федерации с другими государствами, располагается фото- и видеогалерея, даются ссылки на аккаунты в соцсетях, в которых Министерство информирует о своих действиях широкую публику [6, с. 117]. Контент сайта функционирует на нескольких иностранных языках.

За последние три года информационной службой МИД РФ было организовано более 200 интервью, пресс-конференций и брифингов, на которых до российских и зарубежных корреспондентов и представителей различных организаций была донесена позиция России, касающаяся курса ее внешней политики.

Китайская Народная Республика начала применять инструменты цифровой дипломатии еще двадцать лет назад. Цифровизация помогла КНР реализовать международную политику страны одновременно «со стремительным развитием и распространением телекоммуникационных средств и информационных технологий» [1, с. 78]. Посредством распространения текстовых, фото- и видеоматериалов политического содержания через социальные сети, блоги, сайты дипломатических ведомств китайские международники проводят информационные мероприятия, в которых борются с искажением фактов, исходящим из западных источников политической коммуникации. Кроме того, как отмечают А.Р. Аликберова и Д.А. Балакин, китайские средства цифровой дипломатии, благодаря компрометирующим материалам, появившимся в социальных сетях, позволяют координировать оппозиционные, антигосударственные силы, что обеспечивает стране внутреннюю стабильность и безопасность и способствует продвижению собственного, независимого, внешнеполитического курса [1, с. 79].

В европейских странах цифровая дипломатия также развивается стремительными темпами. Развитие социальных сетей, таких как *Twitter* и *Facebook* (запрещены в России) способствовало созданию открытого коммуникационного пространства, где правительственные чиновники

могут напрямую общаться с целевой аудиторией. Эти двусторонние каналы коммуникации позволяют гражданам оказывать влияние на правительства своих стран в вопросах международной политики. Государственные чиновники и официальные лица в конечном итоге выигрывают от таких диалогов с общественностью, поскольку начинают слушать «голос народа», имеющего собственное мнение, касающееся международной обстановки [8].

Итак, цифровая дипломатия в контексте международной политики призвана распространять информацию о миссии и целях государства, о его внешнеполитическом курсе (через разного рода Интернет-площадки), выстраивать отношения с оппонентами, укреплять отношения с партнерами, получать представление о мнениях и восприятии глобальной аудитории для дальнейшего формирования международной повестки [5, с. 31].

Важным кластером международной политики, распространенной в цифровом пространстве, является так называемая «дипломатия данных».

В последние годы министерства иностранных дел все чаще и чаще интегрируют во внутренние процессы «большие данные», или *big data*. Так называются «инструменты и методы сбора и обработки огромных объемов как структурированных, так и неструктурированных данных для решения конкретных задач (например, консульских)» [7, с. 149].

Дипломатия данных - это механизм, позволяющий правительствам реагировать на информационное противостояние, используя большие данные, чат-боты и искусственный интеллект для определения целевой аудитории, выявления ключевых блогеров. Дипломатия данных эффективно разрабатывает формулировки контрпропагандистских сообщений [5].

Принцип работы цифровой дипломатии данных поясним на примере сбора информации о политических конфликтах, в какой бы точке мира они ни происходили. Многие информационные «площадки», функционирующие в Интернете (прежде всего, социальные сети), «привели к существенной трансформации массивов данных о конфликтах» [3, с. 266]. По мысли Е.В. Саввы, «в первую очередь, это связано с увеличением объема информации о ходе конфликта. В настоящее время практически все участники и наблюдатели конфликта имеют возможность фиксировать и делать общедоступной ставшие им известные факты, мнения и выводы. Такая информация концентрируется в социальных сетях. Информационные массивы, посвященные конфликтам, стали в результате не только намного большими, но также более разнородными и субъективными, что дает возможность более разносторонне и детально анализировать течение конфликта» [3, с. 266]. Но в то же время, как отмечает данный исследователь, возникает вопрос о критериях и методах отбора достоверных дан-

ных, поскольку изложенная в цифровом поле информация не всегда соответствует действительности, подвергается искажению. Поэтому перед аналитиками в сфере международной политической коммуникации всегда встают вопросы, требующие объективного расследования: «Соответствуют ли изложенные факты действительности? В силу каких причин эти факты были искажены? По каким критериям можно выбрать в информационном потоке достоверные факты?» [3, с. 266].

Но тем не менее, несмотря на некоторые сложности репрезентации политической информации в цифровом пространстве, благодаря цифровым технологиям, создается база данных, компоненты которой не разрознены, а собраны в одном месте, хотя большой объем данных ставит перед разработчиками программ вопрос о необходимости широкой автоматизации процессов обработки. Как считает Е.В. Савва, пропуская через системы поиска информацию (в данном случае, о политических конфликтах), следует разработать, программы, работающие на базе искусственного интеллекта, которые способны не только систематизировать всю информацию, но и отбирать, выполняя поставленные задачи и используя определенные алгоритмы, наиболее достоверный контент [3, с. 267].

С точки зрения В.К. Белозерова, цифровизация, если ее рассматривать в контексте мировой политики, есть процесс обмена в цифровом формате смыслами между акторами (участниками) международных отношений, к каковым относятся руководители государств и иные должностные лица, участвующие в принятии решений в сфере международных отношений и внешней политики» [2].

В традиционных международных отношениях государство рассматривалось как наиболее важный актор, обладающий монополией на применение силы. Однако киберпространство и цифровое взаимодействие становятся новой движущей силой в перераспределении политической власти и влияния в мире, а также в создании новых механизмов, с помощью которых другие акторы, помимо государств, могут влиять на традиционные международные отношения. Киберпространство формирует новые параметры международных отношений и новые измерения международной политики. Одним из наиболее заметных новшеств является появление новых акторов, как официальных, так и неофициальных, которые изменили традиционную модель принятия международных решений и создали новые возможности для внешней политики и дипломатии. Таким образом, современные международные отношения перешли в эпоху, когда взаимодействие между странами и/или пользователями в киберпространстве регулируется цифровыми правилами [5].

Сегодня с уверенностью можно сказать, что цифровизация международных отношений является одним из основных приоритетов государственной политики. Подытоживая вышесказанное, мы пришли к выво-

ду, что цифровизация внешней политики - это переход к новому уровню взаимодействия между государствами, а также между государствами и гражданами.

Библиографический список

1. Аликберова А.Р., Балакин Д.А. Цифровая дипломатия с китайской спецификой // Современные востоковедческие исследования. 2019. № 1 (3). С. 77-81.
2. Белозеров В.К. Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 177-194.
3. Савва Е.В. Новые подходы к сбору и анализу данных о предпосылках политических конфликтов в условиях цифровизации // Политика развития в условиях цифровизации общества: материалы Всероссийской научной конференции. – Краснодар: Вика-Принт, 2020. С. 265-269.
4. Хаустова М.Г. Государственная политика в условиях цифровизации общества. Международный опыт реализации программ и стратегии цифровизации // Аналитико-сравнительное правоведение. 2022. № 2. С. 209-216.
5. Цветкова Н.А. Цифровые инструменты в международной политике: содержание и методы анализа. – СПб.: Издательство Скифия-принт, 2023. 56 с.
6. Чернявская К.Ю. Цифровая дипломатия - инструмент внешней политики Российской Федерации // Русская политология. 2021. № 2 (19). С. 119-120.
7. Шоботенко А.В. Цифровая дипломатия как инструмент внешнеполитической деятельности России // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 3А. С. 145-155.
8. Verrekiá B. Digital Diplomacy and Its Effect on International Relations // Independent Study Project (ISP) Collection, 2017. 32 p.
9. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Предметное поле государственного управления в системе политических наук» // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 10 (184). С. 57-61.
10. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Казачество. 2023. № 66 (1). С. 11-18.
11. Рябова Е.Л. К юбилею известного ученого, преподавателя Надежды Ултургашевой // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 6 (168). С. 57-61.
12. Шупленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геопсихология и геополитика цветных линий // Казачество. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
15. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 11-19.
16. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 42-51.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
18. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Феномен лидерства в контексте современных кризисов и вызовов // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 1 (151). С. 9-19.
19. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Символы границы и границы символов // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 11 (197). С. 33-42.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического прощета в истории // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневности (на примере образа ворот) // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантином // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.

23. Байханов И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 6 (55). С. 615-623.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 4 (22). С. 500-511.
25. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Возможности веб-квеста в изучении теории государственного управления // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 1 (187). С. 9-18.
26. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диалога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.
27. Рябова Е.Л. Международный круглый стол на тему "внешняя политика России в условиях обострения международной обстановки" // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 5 (167). С. 52-55.
28. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
29. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
31. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 2 (188). С. 9-17.
32. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Санитарный кордон: от медицины к геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 8 (194). С. 9-17.
33. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Электоральная культура в противодействии «цветным революциям» // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 7 (193). С. 9-17.
34. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 67 (192). С. 8-17.
35. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Государственная граница — пространство взаимодействия культур // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 9 (195). С. 9-17.

References

1. Alikberova A.R., Balakin D.A. Digital diplomacy with Chinese characteristics // Modern oriental studies. 2019. № 1 (3). P. 77-81.
2. Belozеров V.K. International political communication in the context of digitalization of world development // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2020. Vol. 13. № 2. P. 177-194.
3. Savva E.V. New approaches to collecting and analyzing data on the prerequisites for political conflicts in the context of digitalization // Development policy in the context of digitalization of society: materials of the All-Russian scientific conference. - Krasnodar: Vika-Print, 2020. P. 265-269.
4. Khaustova M.G. State policy in the context of digitalization of society. International experience in implementing digitalization programs and strategies // Analytical and comparative law. 2022. № 2. P. 209-216.
5. Tsvetkova N.A. Digital instruments in international politics: content and methods of analysis. - St. Petersburg: Skifiya-print Publishing House, 2023. 56 p.
6. Chernyavskaya K.Yu. Digital diplomacy - an instrument of foreign policy of the Russian Federation // Russian political science. 2021. № 2 (19). P. 119-120.
7. Shobotenko A.V. Digital diplomacy as an instrument of Russia's foreign policy // Theories and problems of political research. 2021. Vol. 10. № 3A. P. 145-155.
8. Verrekia B. Digital Diplomacy and Its Effect on International Relations // Independent Study Project (ISP) Collection, 2017. 32 p.
9. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. "Subject field of public administration in the system of political sciences" // Ethnosociety and interethnic culture. 2023. № 10 (184). P. 57-61.
10. Ryabova E.L. On the issue of the unity of education and upbringing: institutional discourse // Cossacks. 2023. № 66 (1). P. 11-18.

11. Ryabova E.L. On the anniversary of the famous scientist, teacher Nadezhda Ulturgasheva // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2022. № 6 (168). P. 57-61.
12. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The role of the time factor in political culture // *Culture of the World*. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and geopolitics of color lines // *Cossacks*. 2022. № 59 (2). P. 9-18.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // *Almanac Crimea*. 2022. № 31. P. 61-72.
15. Ryabova E.L., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: conflict of values of ecology and economics // *Almanac Crimea*. 2022. № 32. P. 11-19.
16. Kantaeva O.V., Ryabova E.L. Regional aspects of the implementation of state initiatives to stimulate active longevity and physical activity of older citizens // *Almanac Crimea*. 2022. № 32. P. 42-51.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Explicit and hidden meanings of strikes // *The power of history and the history of power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.
18. Biryukov S.V., Ryabova E.L. The phenomenon of leadership in the context of modern crises and challenges // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2021. № 1 (151). P. 9-19.
19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Symbols of the border and the boundaries of symbols // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 11 (197). P. 33-42.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Adventure: The Price of Foreign Policy Miscalculation in History // *The Power of History and the History of Power*. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.
21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of Images of Everyday History (using the Image of the Gate as an Example) // *The Power of History and the History of Power*. 2021. Vol. 7. № 7 (33). P. 782-791.
22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Meanings of Closed Borders: Reflections on Quarantine // *Almanac Crimea*. 2020. № 20. P. 11-22.
23. Baykhanov I.B. Young People in the Digital World: Self-Assessment of the Formation of Digital Competencies of Applicants to Moscow Universities // *Mission of Confessions*, 2021. Vol. 10. № 6 (55). P. 615-623.
24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics in a Mask // *The Power of History and the History of Power*. 2020. Vol. 6. № 4 (22). P. 500-511.
25. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Possibilities of a Web Quest in Studying the Theory of Public Administration // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 1 (187). P. 9-18.
26. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet Communications - a Modern Tool for Dialogue // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2019. № 3 (129). P. 9-25.
27. Ryabova E.L. International Round Table on "Russia's Foreign Policy in the Context of an Aggravated International Situation" // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2022. № 5 (167). P. 52-55.
28. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // *Almanac Crimea*. 2022. № 31. P. 61-72.
29. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of implementation of activities // *The Power of History - History of Power*. 2024. Volume 10. Part 3. (№ 53). P. 12-21.
30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // *The Power of History - History of Power*. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
31. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the Aspect of the Connection of Traditional Values with Modernization // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 2 (188). P. 9-17.
32. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sanitary Cordon: From Medicine to Geopolitics // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 8 (194). P. 9-17.
33. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Electoral Culture in Counteracting "Color Revolutions" // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 7 (193). P. 9-17.
34. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. "Global East": Historical Reality or Geopolitical Fiction // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 67 (192). P. 8-17.
35. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. State Border — a Space of Interaction of Cultures // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 9 (195). P. 9-17.

***Current issues of science
and innovation***

***Актуальные вопросы науки
и инновации***

Калмыкова М.В.

Кандидат исторических наук, преподаватель филологического факультета. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Кулинарная самобытность Северо-Восточной Италии: от традиций к особенностям*

Аннотация. Северо-Восточная Италия включает в себя регионы Трентино-Альто-Адидже, Венето, Эмилию-Романью и Фриули-Венецию-Джулию, представляет собой уникальный регион с ярко выраженной кулинарной самобытностью. Сравнительно с Южной и Центральной Италией, климат этих областей более умеренный, что влияет на характер потребляемых продуктов. В то время как средиземноморская диета, включающая оливковое масло, пшеницу и вино, остается основной, на Севере она дополняется блюдами из мяса, а также активно используется рис и кукуруза. В Трентино-Альто-Адидже, например, доминирует животноводство, что обуславливает высокий уровень потребления мяса. Агротуризм, развивающийся в альпийской зоне, становится важной частью гастрономической культуры региона. Интересно, что в Северо-Восточной Италии макароны встречаются реже, чем в других частях страны, а мясные блюда занимают центральное место в рационе. В статье исследуется, как эти особенности питания связаны с историко-культурными и экономическими процессами региона, а также как они отражают его кулинарное наследие и уникальность.

Ключевые слова: Северо-Восток Италии, кулинарные традиции, гастрономия, региональная кухня, Венеция, Фриули-Венеция-Джулия, Трентино-Альто-Адидже, Венето, Эмилия-Романья, культура питания, кулинарное наследие, этнология пищи, уникальность кухни, итальянская гастрономия, культурное взаимовлияние, традиционные рецепты.

Kalmykova M. V.

PhD in Historical Sciences, Lecturer at the Philological Faculty of Shenzhen MSU-BIT University.

The culinary identity of Northeastern Italy: from traditions to distinctive features

Abstract. Northeastern Italy, including Trentino-Alto Adige, Veneto, Emilia-Romagna, and Friuli Venezia Giulia, is a unique region with a distinct culinary identity. Compared to Southern and Central Italy, the climate in these areas is more temperate, which influences the types of food consumed. While the Mediterranean diet, based on olive oil, wheat, and wine, remains dominant, in the North, it is complemented by meat dishes, and rice and corn are frequently used. In Trentino-Al-

* © Калмыкова М.В., 2025.

Кулинарная самобытность Северо-Восточной Италии: от традиций к особенностям

to Adige, for example, livestock farming prevails, leading to high meat consumption. Agritourism, developing in the Alpine zone, is becoming an important part of the region's gastronomic culture. Interestingly, pasta is less common in Northeastern Italy than in other parts of the country, with meat dishes taking a central role in the diet. This article explores how these dietary characteristics are linked to the historical, cultural, and economic processes of the region and how they reflect its culinary heritage and uniqueness.

Key words: Northeastern Italy, culinary traditions, gastronomy, regional cuisine, Friuli Venezia Giulia, Trentino-Alto Adige, Veneto, Emilia-Romagna, food culture, culinary heritage, ethnology of food, culinary uniqueness, italian gastronomy, cultural interinfluence, traditional recipes.

Северо-Восточная Италия — это регион, где встречаются гористые территории, равнины и побережье, каждая из которых оставляет свой след на местной кухне. От высокогорья Трентино-Альто-Адидже до плодородных равнин Венето и Эмилии-Романьи и до побережья Фриули-Венеции-Джулии — каждый ландшафт имеет свои кулинарные особенности. В этом регионе сохраняются древние традиции, а его кухня отличается не только разнообразием, но и уникальными ингредиентами, которые используются от горных до прибрежных областей. С учетом таких природных и культурных особенностей северо-восточная часть Италии представляет собой уникальную гастрономическую карту, которую стоит исследовать, чтобы понять, как изменяются блюда в зависимости от ландшафта и традиций.

Трентино-Альто Адидже является родным домом не только для итальянцев, но и для различных этнических групп, таких как ладины, говорящие на ретороманском наречии, и южные тирольцы — по своему происхождению преимущественно немцы. Отсюда особенности местной кухни, выглядящей скромно из-за ограниченности пищевых ресурсов в условиях довольно суровых природных условиях. Тем не менее, и здесь готовят вкусные и питательные блюда. Например, в кухне ладин примечательны блюда на основе ячменя, шпината, муки и топленого масла. Налицо некоторые особенности в приготовлении макарон, выпечки хлеба и составления десертов¹. Пользуются спросом ладинский пирог из гречневой муки, ячменный суп со шпиком, тутре — блины, начиненные шпинатом и риккотой или квашенной капустой, хлебные шарики *bales da ciöce* — приготовленные из черствого хлеба (можно есть в бульоне или с салатом из квашеной капусты или гуляшем). Постная кухня отзывается на обязательство соблюдения католического поста разнообразием допустимых блюд, к тому же жители региона не избалованы мясными продуктами. Здесь немного пространств, годных для выпаса крупного рогатого скота,

1 Интернет-портал «Cucina ladina» // URL: <https://www.cookist.it/cucina-ladina-la-gastronomia-dellantico-popolo-delle-dolomiti/> (Дата обращения: 05.01.2025).

а значит, местные жители не избалованы продуктами из говядины. Зато высоко ценятся хлебобулочные изделия, своим происхождением обязанные монастырским традициям. Мучные изделия включают различные виды пасты и клецки, где используется также картофель или картофельная мука. Весьма популярны пельмени: здесь мясо легко заменяется начинкой из шпината, сыра, репы. Пельмени могут быть, прессованными, на бульоне, сухими и даже сладкими, с начинкой из рикотты или абрикосов. В ходу паста в виде полумесяцев со шпинатом (Schlutzkrapfen), сочетающаяся с маслом и зеленым луком, а зеленые ньокки (Spätzle) подаются со сливками и ветчиной².

Картофель и капуста, являются ключевыми продуктами для региона. Население издавна занимается засаливанием капусты на зиму. Регион также славится своими садами, которые производят половину всех яблок в Италии, и здесь лучше, чем где-либо следят за сроками сбора урожая и хранением его³.

Кулинарный синтез итальянских, австрийских и латинских традиций отражается также и в местных саграх. В Трентино-Альто-Адидже они посвящены штруделям, сырам, винограду, тыкве, яблокам и каштанам. Сагры, а их число достигает 50, проводятся круглый год, с января по декабрь, предоставляя участникам возможность попробовать традиционные блюда для различных сезонов. Особой популярностью пользуются фестивали, посвященные сбору винограду в Мерано; сагра в Випитено посвящена традиционному блюду - канедерли (блюдо, представляющее из себя практически большие ньокки из различных составляющих в зависимости от рецепта.). Фестиваль ньокки в Мале предлагает их дегустации с различными соусами⁴.

В целом, кулинарное наследие Трентино-Альто-Адидже существенно отличается от кулинарных характеристик соседних Валь д'Аосты и прилегающих областей Ломбардии и Пьемонта, которые ближе к общей кулинарной традиции Италии. Здесь же преобладает влияние соседней Австрии.

Кулинарные традиции региона *Фриули-Венеция Джулия* проистекают от смешения центрально-европейского и венецианского культурных наследия. Фриульская кухня, представляющая итальянскую региональную гастрономию с дифференцированными традициями, из-за сложного характера географии региона, охватывающей морской и горный ландшафты.

Первостепенное значение здесь всегда имели супы и минестроне (в

2 Интернет-портал «Alto-Adige» // URL: <https://www.alto-adige.com/vacanze-gourmet-alto-adige/specialit%C3%A0-alto-adige> (Дата обращения: 05.01.2025).

3 Пирас К. Италия. Гастрономия. – М.: BBPG, 2010. 496 с.

4 Интернет-портал «Eventi» // URL: https://www.ilturista.info/ch/eventi/trentino_alto_adige/ (Дата обращения: 05.01.2025).

отличие от других регионов, где преобладает паста), включая хоту — типичное блюдо кухни всего Фриули -Венеция-Джулия. Это суп, исходно из фриульской кухни, в триестской версии включает квашеную капусту, фасоль и картофель, приправленные свиными ребрами, копченой или некопченой, а также семенами кюмеля. Специфическое блюдо в регионе - бровада, состоящая из заквашенной выжимки и натертой на терке репы. Процесс ее приготовления включает в себя ферментацию. В Карнии предпочитают квашеную капусту. Карло Гольдони описывает в своих произведениях блюда, подававшиеся в дворянских домах, такие как рис с горошком, треска в сливках, сардины в саоре (кисло-сладкий соус), фрикадельки, вареное мясо и полента ⁵.

В провинции Триеста и на левом берегу реки Изонцо в провинции Гориция хорошо известен суп йота - традиционный суп с вариативным рецептом из картофеля, фасоли и квашеной капусты. В Гориции добавляют ячмень, что придает супу насыщенный темный оттенок. Дополнительные приправы включают лавровый лист и обжаренный чеснок. Подают йоту на столе с гренками⁶. В прибрежных районах славится суп бродетто из нескольких видов рыбы и морепродуктов. Сейчас все чаще в качестве первого блюда можно встретить пасту с начинкой или ризотто с травами и со спаржей.

Мясные блюда включают разнообразные виды дичи, маринованный говяжий язык и традиционные блюда из гуляша. Рыбные блюда имеют массу наименований.

В Фриули ключевую роль играет молочная промышленность. Особенно ценятся местные молочные сыры, такие, как мальга, монтазио, фаганья. Первоначально мальга производился в альпийских хижинах («мальгах»). Он изготавливался, да и сейчас изготавливается из коровьего молока (или смеси коровьего молока и 10% козьего молока), и его часто оставляют созревать на деревянных досках от одного месяца до года.

В приготовлении блюда «фрико» используется сыр Монтазио. Его натирают и обжаривают до золотистой корки на разогретой сковороде с предварительно нанесенным слоем масла и укладывают на пергаментную бумагу для остывания. Мягкий вариант «фрико» дополнительно включает картофель, масла (сливочное и растительное), соль, а также добавки из тыквы, яблок или лука. Это питательное блюдо подают в сочетании с полентой, которая стала важным элементом местной кухни. Венецианцы одними из первых в Европе оценили кукурузу. А именно из

⁵ Goldoni Carlo. Raccolta completa delle commedie. Italia: Presso la società editrice, 1830. 172-174. // URL: <https://books.google.ru/books?id=7xhJT5-D358C&hl=ru&pg=PA1#v=onepage&q&f=false>

⁶ Интернет-портал «Кухня Фриули-Венеции Джулии» // URL: <http://italia-ru.com/page/kukhnya-friuli-venetsii-dzhulii> (Дата обращения: 05.01.2025).

муки этого злака и готовится полента. Однако в XX веке обнаружилось, что любители поленты испытывают проблемы из-за пеллагры, спровоцированной дефицитом витаминов. В настоящее время полента готовится разнообразными способами с разнообразными добавками, и пеллагра уже никому не угрожает.

В экономическом аспекте ключевые продовольственные секторы включают виноделие и производство ветчины Сан-Даниэле (консорциум ветчины Сан-Даниэле был создан в 1961 году). Небольшой город Сан-Даниэле-дель-Фриули приобрел известность за пределами Италии благодаря производству прошутто (сорт ветчины), причем около 30 предприятий в городе занимаются этим процессом. Каждое изделие из ветчины снабжается уникальным цифровым кодом. Производство ветчины начинается с завоза животных из десятка регионов Италии. Весь процесс, начиная от забоя и заканчивая упаковкой готового продукта, осуществляется исключительно в Сан-Даниэле-дель-Фриули. Поскольку весь скот должен соответствовать заданным параметрам, свиней кормят по специальной строгой диете. Мясо выдерживают в морской соли без применения консервантов. Среднее время зрелости ветчины составляет 13 месяцев. И невозможно представить питание в этом регионе без ветчины и шпика.

Сагры представляют собой демонстрацию типичных продуктов региона. Главными блюдами и продуктами на таких праздниках выступают: ветчина, спаржа, картофель, каштаны, креветки, тыква, малина, черника, грибы, кукуруза.

Кухня в регионе Фриули-Венеция Джулия представляет разнообразный выбор блюд, которые значительно отличаются от средиземноморской триады (оливковое масло, вино, паста из твердых сортов пшеницы).

Отдавая должное кухне Фриули-Венеция Джулия, итальянцы высоко оценивают и кухню *Эмилии-Романьи*. Этот регион также славится как производитель итальянских ветчин. Знаменитой деликатесной колбасой является «мортаделла», которая получила свое название от «mortarium» - приспособление для обработки свинины в Римской империи. Ее часто называют также «болонья». И еще пармская ветчина, известная во всем мире. Она производится в строгом соответствии с маркой итальянского происхождения DOC.

Кулателло, другой традиционный продукт, получает статус DOP и производится в Цибелло, недалеко от Модены, из мясистой задней части свинины. Регион славится также разнообразием салями, включая котекино, панчетту, дзампоне и другие.

Сыры *Эмилии-Романьи*, такие как пармиджано реджано, производятся в провинции Пармы с использованием сырого коровьего молока и сычужной закваски. Этот сыр с бледно-золотистой коркой, пикантным ароматом и твердой структурой используется в итальянской кулинарии по

всему полуострову. На 1 кг сыра уходит 14 л молока. Качество сыра определяется твердостью, и есть два вида: *parmigiano-reggiano* и *grana*.

Рождество и Новый Год в регионе часто встречают с чечевицей, символизирующей богатство: чем больше чечевицы съедено, тем выше оценивается финансовое положение. Основной кухни Эмилии-Романьи считаются тальятелле с болонским соусом, зеленые тальятелле с шпинатом или крапивой, а также тортеллини с рикоттой, пармезаном и петрушкой. Вторые блюда включают отбивную по-болонски, свиные ножки дзампоне, тушеную говядину с трюфелями и сыром пармезан. Вода реки По обильна ценной пресноводной рыбой, которую готовят на гриле и подают с полентой.

Как и в любом регионе Италии можно проследить наиболее типичные продукты зоны на саграх. Они посвящены грибам (белый трюфель), каштанам, рыбе (угорь). Эти фестивали превратились в главный ориентир как для туристов, так и для местных жителей⁷.

В целом Эмилия-Романья представляет собой многоликий регион с заметными нюансами, диктуемыми различиями в географических и исторических условиях.

Регион *Венето*, включающий Венецию и окружающую местность до озера Гарда, предлагает преимущественно континентальную кухню в области и морскую - в самой Венеции. Характерен для всего региона широкий спектр бобовых в рационе. Базовые ингредиенты включают кукурузу, рис, бобы, лагунную рыбу, свинину, птицу и радикио, спаржу и кабачки.

Венеция выделяется высоким потреблением рыбы и морепродуктов. Треска по-висентински: традиционное рыбное блюдо венецианской кухни. Рыбу отваривают, а затем готовят в соусе из молока, лука и сыра. Это вкусное и сытное блюдо, часто сопровождаемое полентой. Сардины в саоре: старинное блюдо венецианской кухни. Сардины обжаривают, а затем маринуют в смеси лука, уксуса и изюма. Это блюдо можно подавать как закуску, так и в качестве гарнира. Также регион славится такими блюдами как «*baccalà*» - вяленая треска, и «*risotto al nero di seppia*» (ризотто с чернилами каракатиц). Венето известно большим разнообразием рецептов на основе риса. А макароны часто заменяются кукурузой в виде поленты. Наиболее популярной пастой являются биголи в соусе из лука и анчоусов⁸.

Немалое место отводится субпродуктам, которые приправляются самыми разнообразными соусами, необычными для других частей Италии. Здесь любят телячью печень по-венециански с певарадой (соусом, приготовленным из куриной печени, трав и обильного перца) с панировочными

7 Интернет-портал «Sagre in Emilia» // URL: <https://www.sagreinemilia.it/> (Дата обращения: 05.01.2025).

8 Интернет-портал «Cucina Veneta» // URL: <https://www.shoplongino.it/guide/cucina-veneta> (Дата обращения: 05.01.2025).

сухарями, бульоном и маслом. Широко распространена технология «alla sapevera» - приготовление продуктов с ароматическими травами, зашитых в бычий пузырь. Другой знаменитый продукт и метод обработки сырого мяса или рыбы - «Карпаччо» из Венето.

Основные продукты на саграх в области Венето включают сопрессу (сорт мясного деликатеса), различные виды мяса (особенно свинины), рыбу (в том числе треску), овощи, вино, а также традиционные местные продукты, такие как радикио, полента и сыры. Иные фестивали ориентированы на конкретные продукты, такие как сагра сопрессы или сагра овощей. Количество праздников велико, что свидетельствует о значительном культурном и кулинарном наследии региона Венето. Словом, Венеция, справедливо величаемая «Царицей морей», вправе претендовать на высшие титулы и в кулинарии.

Таким образом, Северо-Восточная Италия, с её гористыми и равнинными ландшафтами, а также прибрежной зоной, демонстрирует огромное разнообразие кулинарных традиций, которые формировались под влиянием природных и исторических факторов. Здесь, на пересечении альпийских и средиземноморских культур, можно увидеть, как местные блюда сохраняют древние рецепты и используют продукты, которые характерны только для этой части мира. Каждое блюдо несет в себе не только гастрономическое удовольствие, но и воспоминания о временах, когда кухня была неотъемлемой частью жизни, а еда – важным элементом культурных традиций и социальных ритуалов.

Сохранение этих традиций в условиях глобализации важно для поддержания культурного многообразия, которое продолжает жить, несмотря на стремление к стандартизации. Влиятельные культурные течения, такие как агротуризм и внимание к местным продуктам, играют роль в защите кулинарного наследия, вносят вклад в сохранение уникальных рецептов и методов приготовления пищи. Кулинарная самобытность Северо-Восточной Италии становится своего рода связующим звеном между историей и современностью, между локальными традициями и глобальными тенденциями, позволяя сохранять и развивать богатое наследие региона в условиях быстроменяющегося мира.

Библиографический список

1. Goldoni Carlo. Raccolta completa delle commedie. Italia: Presso la società editrice, 1830. P. 172-174. // URL: <https://books.google.ru/books?id=7xhJT5-D358C&hl=ru&pg=PA1#v=onepage&q&f=false>
2. Интернет-портал «Alto-Adige» // URL: <https://www.alto-adige.com/vacanze-gourmet-alto-adige/specialit%C3%A0-alto-adige> (Дата обращения: 05.01.2025).
3. Интернет-портал «Censimento generale della popolazione e delle abitazioni. 9 ottobre 2011». // URL: <http://www.istat.it/it/censimento-popolazione/popolazione-2011> (Дата обращения: 05.01.2025).
4. Интернет-портал «Cucina ladina» // URL: <https://www.cookist.it/cucina-ladina-la-gastrono>

mia-dellantico-popolo-delle-dolomiti/ (Дата обращения: 05.01.2025).

5. Интернет-портал «Cucina Veneta» // URL: <https://www.shoplongino.it/guide/cucina-veneta> (Дата обращения: 05.01.2025).

6. Интернет-портал «Eventi» // URL: https://www.ilturista.info/ch/eventi/trentino_alto_adige/ (Дата обращения: 05.01.2025).

7. Интернет-портал «Sagre in Emilia» // URL: <https://www.sagreinemilia.it/> (Дата обращения: 05.01.2025).

8. Интернет-портал «Кухня Фриули-Венеции Джулии» // URL: <http://italia-ru.com/page/kukhnya-friuli-venetsii-dzhulii> (Дата обращения: 05.01.2025).

9. Пирас К. Италия. Гастрономия. – М.: BBPG, 2010. 496 с.

References

1. Goldoni Carlo. Raccolta completa delle commedie. Italia: Presso la società editrice, 1830. P. 172-174. // URL: <https://books.google.ru/books?id=7xhJT5-D358C&hl=ru&pg=PA1#v=onepage&q&f=false>

2. Internet portal “Alto-Adige” // URL: <https://www.alto-adige.com/vacanze-gourmet-alto-adige/specialit%C3%A0-alto-adige> (01.05.2025).

3. Internet portal “Censimento generale della popolazione e delle abitazioni. 9 October 2011.” // URL: <http://www.istat.it/it/censimento-popolazione/popolazione-2011> (05.01.2025).

4. Internet portal “Cucina ladina” // URL: <https://www.cookist.it/cucina-ladina-la-gastronomia-dellantico-popolo-delle-dolomiti/> (05.01.2025).

5. Internet portal “Cucina Veneta” // URL: <https://www.shoplongino.it/guide/cucina-veneta> (05.01.2025).

6. Internet portal “Eventi” // URL: https://www.ilturista.info/ch/eventi/trentino_alto_adige/ (05.01.2025).

7. Internet portal “Sagre in Emilia” // URL: <https://www.sagreinemilia.it/> (05.01.2025).

8. Internet portal “Cuisine of Friuli-Venezia Giulia” // URL: <http://italia-ru.com/page/kukhnya-friuli-venetsii-dzhulii> (05.01.2025).

9. Piras K. Italy. Gastronomy. – М.: BBPG, 2010. 496 p.

Ещенко Т.В.

Старший преподаватель кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал) ЮРГПУ(НПИ) имени М.И. Платова (Южно-Российский государственный политехнический университет).

Исследование и анализ методов педагогического дизайна*

Аннотация. В данной статье раскрываются и анализируются современные инновационные методы педагогического дизайна, направленные на преобразование образовательного процесса. Исследованы новые подходы, которые вдохновляют на способствуют созданию более увлекательной и эффективной учебной среды. Особое внимание уделяется интеграции технологий и креативных стратегий, которые позволяют адаптировать учебные материалы к разнообразным потребностям обучающихся. Через призму этих методов рассматривается, как педагогический дизайн может не только облегчить передачу знаний, но и пробудить интерес, оригинальность и активное участие студентов в процессе обучения. В заключение подчеркивается значимость постоянного внедрения инноваций в образовательные практики, что создает условия для гармоничного развития личности и формирует навыки, необходимые для успешной жизни в современном мире.

Ключевые слова: педагогический дизайн, технологии, инновационные методы, обучение, эффективность, анализ, исследование.

Eshchenko T.V.

Senior Lecturer at the Department of Natural Sciences, Information Technology and Management, Kamensk Institute of Technology (branch) of the M.I. Platov.

Research and analysis of pedagogical design methods

Abstract. This article reveals and analyzes modern innovative methods of pedagogical design aimed at transforming the educational process. New approaches are explored that inspire the creation of more engaging and effective learning environments. Emphasis is placed on the integration of technology and creative strategies that enable instructional materials to be customized to meet the diverse needs of learners. Through the lens of these methods, how pedagogical design can not only facilitate the transfer of knowledge, but also evoke student interest, originality, and active participation in the learning process is examined. In conclusion, the importance of continuous innovation in educational practices is emphasized, which creates conditions for harmonious personal development and builds the skills necessary for successful life in the modern world.

Key words: pedagogical design, technology, innovative methods, learning, efficiency, analysis, research.

* © Ещенко Т.В., 2025.

Введение. Современное образование требует адаптации к быстро меняющимся условиям и новым требованиям общества. В этом контексте педагогический дизайн становится ключевым инструментом для формирования эффективных образовательных процессов. Он включает в себя множество методов, направленных на создание динамичной и интерактивной учебной среды, способствующей развитию критического мышления и креативности у студентов.

Данная работа также подчеркивает важность интеграции теоретических и практических аспектов педагогического дизайна для достижения наилучших результатов в образовательной деятельности.

Цель педагогического дизайна заключается в создании оптимальных, удобных и одновременно продуктивных методов и систем обучения.

Педагогический дизайн, прежде всего, ориентирован на насыщение курса содержательной информацией, структурирование изложения и использование современных методов представления учебного материала.

Педагогический дизайн — это систематизированный подход к созданию образовательных решений, в котором используются педагогические принципы и теории для обеспечения высокого качества обучения. Педдизайн формирует целостную систему из целей, материала обучения и имеющихся инструментов передачи знаний [1].

Задачи педагогического дизайнера включают в себя:

- анализ потребностей целевой группы, её знаний и желаемых результатов обучения;
- формулирование целей и задач учебного материала;
- структурирование и анализ информации в соответствии с установленными целями;
- выбор методов и средств обучения;
- разработка элементов и визуального оформления курса;
- создание тестов, заданий и инструментов для контроля и сбора данных;
- разработка курса с использованием нужных инструментов или распределение задач среди членов команды;
- интеграция курса в систему управления обучением;
- разработка методов оценки итогов и эффективности контента;
- выработка предложений для улучшения учебных материалов.

Основываясь на ключевых принципах педагогического дизайна, преподаватель может создать эффективный курс, обеспечивая внимание студентов, учитывая их интерес и способности, ставя ясные цели, связывая теорию с практикой, используя разнообразные форматы контента, поддерживая активное участие и предоставляя регулярную обратную связь. Процесс разработки учебных материалов представляет собой последовательные шаги с конкретными задачами и методами их решения.

ADDIE – это классическая модель педагогического дизайна, подходя-

щая для большинства образовательных программ. Она описывает этапы, которые необходимы для создания качественного обучения (смотреть рисунок 1):

1. Анализ
2. Проектирование
3. Разработка
4. Реализация
5. Оценка [2].

Модель SAM

SAM – это методика является, по сути, облегченным вариантом ADDIE. В отличие от линейного и последовательного подхода ADDIE, SAM предполагает итеративный процесс с небольшими циклами разработки, позволяющими постепенно добавлять и совершенствовать компоненты обучения.

В сущности, данная модель позволяет оперативно разработать первичную версию учебного материала, которую можно непрерывно модифицировать и дорабатывать в дальнейшем.

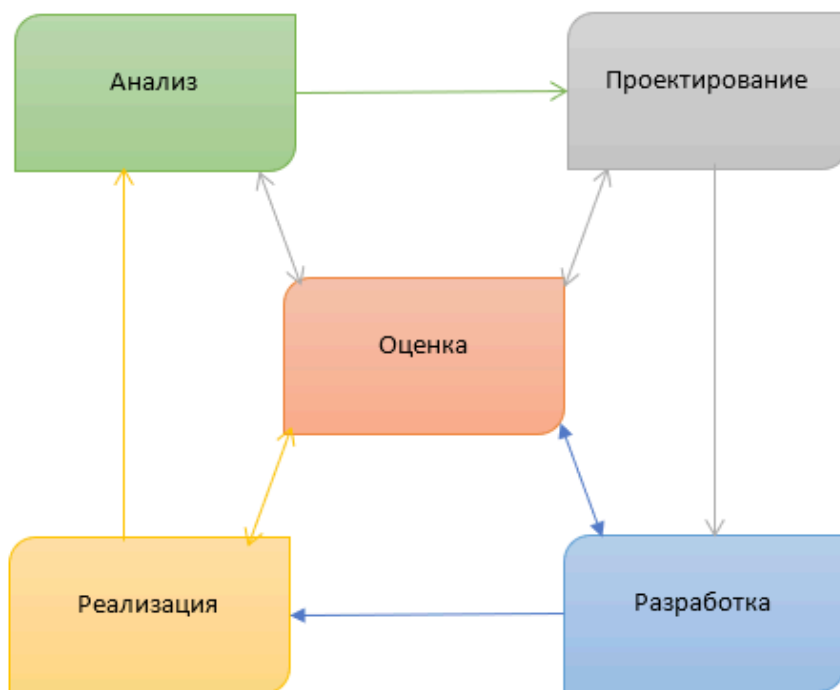

Рисунок 1. «Модель ADDIE».

Источник: составлено автором.

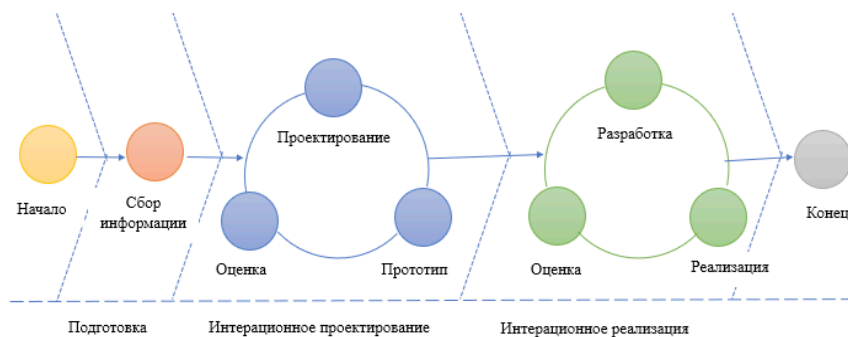

Рисунок 2. «Модель SAM».

Источник: составлено автором.

Рисунок 3. «Модель ALD».

Источник: составлено автором.

Модель предполагает три шага:

1. Подготовка
2. Итерационное проектирование
3. Итерационная реализация (смотреть рисунок 2) [3].

Модель ALD

ALD – этот метод разработки продукта характеризуется адаптивностью и оперативностью, что делает его уникальным. Он оптимален в тех случаях, когда требуется оперативно подготовить учащихся к итоговому этапу. (смотреть рисунок 3) [4].

Исследуя многообразие моделей обучения и обращая внимание на период дистанционного образования, когда мир столкнулся с пандемией COVID-19, были испытаны и внедрены инновационные методы обучения с применением QR-кодов. Этот подход открыл новые горизонты в обра-

зовательном процессе, позволяя мгновенно связывать учащихся с необходимыми материалами и ресурсами. QR-коды стали своеобразным мостом между традиционным обучением и цифровыми технологиями, способствующим интерактивному взаимодействию и активизации процесса усвоения информации. В результате проведенного анализа исследования, о котором будет рассказано далее, выявлены значимые аспекты этого метода, отражающие как его преимущества, так и возможные недостатки. Этот опыт стал ценным основанием для дальнейших экспериментов и усовершенствования образовательных практик, подчеркивая гибкость и адаптивность современных методов обучения в условиях быстро меняющегося мира.

Итак, в эксперименте приняло участие группа студентов 3 курса в составе 30 человек. Согласно статистике посещаемости мы пришли к выводу, что 8 из них имеют низкую посещаемость.

Данные статистики свидетельствуют о значительном влиянии посещаемости на академические достижения. Из всей группы 73% студентов активно посещают занятия и имеют отметки «отлично» и «хорошо». Оставшиеся 27% плохо посещают занятия, в связи с этим 10 % из 27% получают низкие отметки «удовлетворительно», в то время как оставшиеся 17 % на грани приемлемого останавливаются на отметке «неудовлетворительно». Применяя передовые технологии в создании методических пособий для лабораторных и практических занятий, мы стремились не только повысить успеваемость студентов, но и, в какой-то степени, их заинтересованность в учебном процессе. Организовав пробное занятие с использованием наших разработок, мы ощутили значительные изменения в освоении материала обучающимися.

Ознакомившись с итогами занятия мы видим следующее. Получение отметок «отлично» и «хорошо» возросло с 73% до 89%, что свидетельствует о значительном улучшении успеваемости. В то же время, доля отметок «удовлетворительно» сократилась на 10%, упав с 17% до 7%. Эта положительная динамика также отразилась на уменьшении отрицательных результатов: процент отметок «неудовлетворительно» снизился с 10% до 4%. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что общая картина свидетельствует о том, что инновационный и качественный подход к обучению, стал залогом улучшения успеваемости студентов [6].

Заключение

Каждая модель нацелена на определённый сегмент, что делает все её сильные и слабые стороны тесно связанными с необходимостью адаптировать обучение для разных групп в зависимости от их уникальных потребностей. Хорошо разработанная методология ADDIE обеспечивает мощные инструменты для создания универсальных обучающих курсов,

ориентированных на получение базовых знаний, однако требует высокой квалификации от разработчиков. Метод SAM позволяет значительно ускорить и упростить процесс разработки, а также придаёт ему большую гибкость, что особенно важно при возникновении новых задач. Технологии ALD предоставляют возможность быстро и качественно создавать специализированные курсы, нацеленные на конкретные области знаний.

В результате проведенного эксперимента основанного на нашей разработке интерактивного метода обучения, опрос среди участников показал, что интерактивное обучение способствовало более глубокому пониманию материала и повышению интереса к предмету. Кроме того, взаимодействие между студентами во время занятий способствовало созданию более дружелюбной и поддерживающей учебной атмосферы. Участники отметили, что возможность активно участвовать в процессе обучения сделала обучение более увлекательным и значимым. Таким образом, результаты эксперимента подтверждают эффективность интерактивных методов как важного инструмента в образовательном процессе.

Библиографический список

1. Словарь терминов. Педагогический дизайн. // URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/lab/glossary/910/> (Дата обращения: 10.01.2025).
2. Skillbox Media. Модель ADDIE. // URL: <https://skillbox.ru/media/education/5-modeley-proektirovaniya-kursov-kak-vybrat-podkhodyashchuyu/?ysclid=m7u5gvnc9l695306552> (Дата обращения: 10.01.2025).
3. Skillbox Media. Модель Sam. // URL: <https://skillbox.ru/media/education/5-modeley-proektirovaniya-kursov-kak-vybrat-podkhodyashchuyu/?ysclid=m7u5gvnc9l695306552> (Дата обращения: 10.01.2025).
4. Skillbox Media. Модель Ald. // URL: <https://skillbox.ru/media/education/5-modeley-proektirovaniya-kursov-kak-vybrat-podkhodyashchuyu/?ysclid=m7u5gvnc9l695306552> (Дата обращения: 10.01.2025).
5. Ещенко Т.В. Скабэ Я.А. Анализ эффективности применения инновационных технологий в изучении дисциплин // URL: <http://etnosocium.ru/etnosotsium-%E2%84%9610-196-2024?ysclid=m6af92ydq1686820048> (Дата обращения: 10.01.2025).

References

1. Glossary of Terms. Pedagogical Design. // URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/lab/glossary/910/> (10.01.2025).
2. Skillbox Media. The ADDIE Model. // URL: <https://skillbox.ru/media/education/5-modeley-proektirovaniya-kursov-kak-vybrat-podkhodyashchuyu/?ysclid=m7u5gvnc9l695306552> (10.01.2025).
3. Skillbox Media. The Sam Model. // URL: <https://skillbox.ru/media/education/5-modeley-proektirovaniya-kursov-kak-vybrat-podkhodyashchuyu/?ysclid=m7u5gvnc9l695306552> (10.01.2025).
4. Skillbox Media. Model Ald. // URL: <https://skillbox.ru/media/education/5-modeley-proektirovaniya-kursov-kak-vybrat-podkhodyashchuyu/?ysclid=m7u5gvnc9l695306552> (10.01.2025).
5. Yeshchenko T.V. Skabe Ya.A. Analysis of the effectiveness of the use of innovative technologies in the study of disciplines // URL: <http://etnosocium.ru/etnosotsium-%E2%84%9610-196-2024?ysclid=m6af92ydq1686820048> (10.01.2025).

Ли Юйчжэнь

Магистр 2 курс. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Связь жизненных ориентаций с индивидуальными особенностями познавательной сферы (на примере китайской выборки)*

Аннотация. Жизненные ориентации как базовые ориентации жизнедеятельности отражают определенный угол зрения на образ мира. Существуют исследования, которые показывают, что структура базовых жизненных ориентаций у китайцев отличается от структуры, присущей, например, россиянам (Цинь и др., 2023). Факторная структура имеет специфику в китайской и российской выборках. В российской выборке, как правило, из четырех факторов три характеризуют творческую направленность личности, стремление преобразовывать внутренний и внешний мир и только один - локус контроля происходящего в жизни. При этом у китайцев более выражено стремление чувствовать себя «хозяевами судьбы», в отличие от «фатализма» россиян (Меркулов, 2022). На менталитет китайцев оказывают влияние религия, историческая память и устоявшиеся традиции (Романенко, Яценко, 2022). Китайцы в целом стремятся избегать однозначных решений и прибегают к полутонам в жизни и оценке ее явлений, предпочитая «золотую середину» (Меркулов, 2022). Вместе с тем, психологические исследования менталитета и поведенческого рисунка китайцев редки.

Ключевые слова: менталитет, поведенческий рисунок, базовые жизненные ориентации, познавательная сфера.

Li Yuzhen

Master's degree 2nd year. Lomonosov Moscow State University.

The relationship of life orientations with individual characteristics of the cognitive sphere (using the example of a Chinese sample)

Abstract. Life orientations as the basic orientations of life reflect a certain angle of view on the image of the world. There are studies that show that the structure of basic life orientations among Chinese differs from that of Russians, for example (Qin et al., 2023). The factor structure has specifics in the Chinese and Russian samples. In the Russian selection, as a rule, of the four factors, three characterize the creative orientation of a personality, the desire to transform the inner and outer

* © Ли Юйчжэнь, 2025.

Связь жизненных ориентаций с индивидуальными особенностями познавательной сферы (на примере китайской выборки)

world, and only one is the locus of control over what is happening in life. At the same time, the Chinese have a more pronounced desire to feel like “masters of fate”, in contrast to the “fatalism” of Russians (Merkulov, 2022). The Chinese mentality is influenced by religion, historical memory, and established traditions (Romanenko and Yashchenko, 2022). The Chinese generally tend to avoid unambiguous decisions and resort to semitones in life and the assessment of its phenomena, preferring the “golden mean” (Merkulov, 2022). At the same time, psychological studies of the mentality and behavioral pattern of the Chinese are rare.

Key words: mentality, behavioral pattern, basic life orientations, cognitive sphere.

В данной статье автором освещены результаты проведённого им эмпирического исследования связи жизненных ориентаций с индивидуальными особенностями познавательной сферы.

Цель исследования: изучение базовых жизненных ориентаций.

Объект исследования: психологические особенности жизненных ориентаций у китайцев.

Предмет исследования: связь жизненных ориентаций с индивидуальными познавательными особенностями на примере китайской выборки.

Задачи исследования:

- проведение пилотажного исследования, посвященного изучению специфики связи жизненных ориентаций с индивидуальными особенностями познавательной сферы на примере китайской выборки;
- проведение теоретического исследования по заявленной теме;
- диагностика базовых жизненных ориентаций на китайской выборке;
- диагностика познавательной сферы респондентов.

Гипотеза: существует связь между жизненными ориентациями и индивидуальными особенностями познавательной сферы.

Частная гипотеза: существует связь между показателями жизненных ориентаций (готовностью бросить вызов трудностям, стремлением к внутренней гармонии, ясностью цели в жизни) и когнитивных стилей (интроверсией и экстраверсией, способом перцептивного анализа и типом репрезентации) у респондентов.

Выборка. N=71. Возраст: от 19 до 46 лет, средний возраст - 23 года, стандартное отклонение – 3,83. Пол: 23 мужчины, 48 женщин. Все испытуемые являлись студентами колледжей в контексте китайской культуры: 50 студентов старших курсов, 17 магистрантов и 4 докторанта. Респонденты были распределены по различным специальностям, в том числе 10 – по естественным наукам, 13 – по инженерным, 3 – по медицине, 19 – по литературе, 26 – по социальным наукам.

Методы:

1) Китайская версия **Опросника жизненных ориентаций**. Авторы: Е.Ю.Коржова (в адаптации П. Цинь, 2023);

2) **Китайская версия Опросника когнитивного стиля (CQ)**, автор: Ван Вэй (2009).

Китайская версия **Опросника жизненных ориентаций содержит три отдельные шкалы и один общий показатель:**

1. Готовность бросить вызов трудностям (независимость жизни от обстоятельств; стремление решать как можно более сложные задачи; отсутствие страха перед жизненными трудностями; предпочтение частой смены занятий) - пункты 17 («Мне всегда нравится что-то менять в своей жизни»), 18 («Я склонен бросать вызов жизни»), 19 («Мое окружение редко влияет на мою жизнь»), 22 («Я никогда не боюсь возможных трудностей в жизни»).

2. Стремление к внутренней гармонии (значение понимания самого себя; духовная самореализация; нравственное самосовершенствование; гармония с собой) - пункты 11 («Я думаю, главное - поддерживать внутреннюю гармонию»), 15 («В жизни важно понять свой внутренний мир»), 20 («Для меня моральные принципы и самосовершенствование важнее реальных достижений»), 23 («Я больше склонен не к материальному, а к духовному обогащению»).

3. Ясность цели в жизни (понимание жизни как непрерывной жизненной линии; чувство хозяина жизни; предпочтение жизни настоящим) - пункты 3 («Я стремлюсь жить в соответствии с идеалами истины, добра, красоты»), 4 («Я думаю, что могу управлять своей жизнью»), 5 («Я считаю, что жизнь - это непрерывная линия»).

4. Общая шкала характеризует ориентацию на внутреннюю детерминацию деятельности, либо на детерминацию жизнедеятельности преимущественно внешними факторами. Субъектная ориентация характеризуется выраженностью таких качеств, как гибкость, общая интернальность в области достижений и неудач, а также широтой временной перспективы, сопровождающейся «чувством наполненности жизни». Объектная ориентация сопровождается ригидностью, общей экстренальностью в области достижений и неудач, узостью временной трансспективы, часто отсутствием чувства полноты жизни.

При сравнении структуры субъект-объектных ориентаций, полученной на китайской выборке, со структурой, полученной на российской выборке, можно видеть, что, и оригинальная версия опросника, и его китайская версия позволяют выявить обобщенный показатель базовых жизненных ориентаций, что дает возможность проводить сравнительные межкультурные исследования. Факторная структура при этом имеет специфику в китайской и российской выборках. Если сопоставить полученные результаты с имеющимися в литературе, то можно обратить внимание, что фактор 3 в определенной мере характеризует стремление китайцев чувствовать себя хозяевами своей судьбы, в отличие от «фатализма» россиян (Меркулов, 2022).

Китайская версия Опросника когнитивного стиля (CQ)

Китайский ученый Ван Вэй разработал опросник «Когнитивный стиль» (CQ), который содержит три измерения: интроверсия и экстраверсия, они описывают критерии оценки объективных вещей; перцептивный анализ или интуитивное восприятие - описывает, является ли поведение субъекта целостным или интегративным; и репрезентация - описывает, хранит ли долговременная память индивида информацию в основном в виде образных представлений или в виде вербальных представлений. Высокие оценки соответствуют полюсам экстраверсии, перцептивному анализу и образным представлениям. Данные обрабатывались с помощью программы SPSS.

Результаты

Результаты представлены в таблицах 1 и 2. В таблице 1 указаны данные описательной статистики по шкалам китайских версий опросников жизненных ориентаций и когнитивного стиля.

Таблица 1. Описательные статистики по шкалам опросника жизненных ориентации и опросника когнитивного стиля (N=71).

Шкала	М	SD	Асимметрия, $SE_{As}=0,285$	Экссесс, $SE_{Ex}=0,563$	Минимум	Максимум	К-С, р
Опросник жизненных ориентаций							
Преодоление трудностей	13,0	3,36	0,325	-0,011	5	20	0,001
Стремление к внутренней гармонии	15,4	2,58	0,472	-0,606	11	20	<0,001
Ясность цели в жизни	11,6	1,88	-0,002	-0,416	8	15	0,006
Опросник когнитивного стиля							
Интроверсия - Экстраверсия	23,0	3,75	-0,140	-0,204	13	30	0,061
Интуиция - Анализ	19,3	2,71	0,431	-0,249	15	25	0,004
Вербальная репрезентация - Визуальное представление	18,7	2,78	0,266	0,497	12	25	0,009

Примечание. М – среднее, SD – стандартное отклонение, К-С – значимость критерия Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллиефорса.

Большая часть шкал не прошла проверку на нормальность, поэтому для анализа данных мы использовали методы непараметрической статистики.

По шкале интроверсии-экстраверсии более высокие баллы у мужчин ($U=369$, $p=0,024$), по другим шкалам различий между мужчинами и женщинами нет.

Таблица 2. Связи шкал опросника жизненных ориентаций и опросника когнитивного стиля ($N=71$), коэффициент корреляции Спирмена.

Шкала	Опросник жизненных ориентаций			Опросник когнитивного стиля		
	Преодоление трудностей	Стремление к внутренней гармонии	Ясность цели в жизни	Интроверсия - Экстраверсия	Интуиция - Анализ	Вербальная репрезентация - Визуальное представление
Преодоление трудностей		0,597*	0,415*	0,378*	0,362*	0,460*
Стремление к внутренней гармонии	0,597*		0,517*	0,488*	0,557*	0,431*
Ясность цели в жизни	0,415*	0,517*		0,450*	0,564*	0,383*
Интроверсия - Экстраверсия	0,378*	0,488*	0,450*		0,747*	0,524*
Интуиция - Анализ	0,362*	0,557*	0,564*	0,747*		0,617*
Вербальная репрезентация - Визуальное представление	0,460*	0,431*	0,383*	0,524*	0,617*	

Примечание. *Все корреляции значимы, $p < 0.001$.

Все шкалы положительно коррелируют.

По методике Опросник жизненных ориентаций наибольшая связь получена для шкал Преодоление трудностей и Стремления к гармонии

($r=0,597$, $p<0.001$) и Стремлением к гармонии и Ясностью цели ($r=0,517$, $p<0.001$). Первая и последняя шкалы связаны не так тесно.

Для шкал Опросника когнитивных стилей выявленные связи еще теснее, то есть характерным является сочетание показателей интроверсии, интуиции и вербальной репрезентации, либо показателей экстраверсии, анализа и образных, визуальных представлений.

Стремление к гармонии наиболее тесно оказывается связанным с экстраверсией ($r=0,488$, $p<0.001$) и перцептивным анализом ($r=0,557$, $p<0.001$)

Чем более ясная цель в жизни, тем более высокий уровень перцептивного анализа ($r=0,564$, $p<0.001$) и экстраверсии ($r=0,450$, $p<0.001$).

Преодоление трудностей наиболее тесно связано со способом репрезентации.

Наиболее ясная цель в жизни соотносится с высокой степенью образного мышления ($r=0,383$, $p<0.001$). С образными представлениями соотносится также и способность преодолевать трудности ($r=0,460$, $p<0.001$) и стремление к внутренней гармонии ($r=0,431$, $p<0.001$).

Обсуждение результатов

Согласно данным корреляционного анализа, получено, что более ясная цель в жизни соотносится с высокой степенью образного мышления. С образными представлениями соотносится также и способность преодолевать трудности и стремление к внутренней гармонии. Мы предполагаем, что это может быть связано с тем, что китайцы мыслят прежде всего образами, запечатленными иероглифами, и каждый иероглиф многозначен (Меркулов, 2022). В китайских иероглифах у одной фразы обычно много значений. Кроме того, существует отличие от английского. Английский язык очень точен, и большинство слов имеют только одно значение. Но в китайском языке люди должны определить, что означает эта фраза, исходя из конкретной ситуации, конкретного говорящего, времени и повода. Одни и те же фразы и одно и то же произношение могут даже выражать совершенно разные значения из-за разных интонаций. Поэтому часто китайцы не могут понять смысла своих слов из-за поверхностного значения их слов. Вероятно, что языковые особенности также являются причиной того, что китайцы уделяют особое внимание выразительной репрезентации.

Понимание респондентами жизни как непрерывной линии, стремление решать более трудные задачи, предпочтение частой смены занятий оказалось связанным с высокими показателями экстраверсии и аналитическим типом мышления. Если сопоставить полученные результаты с имеющимися в литературе, то можно обратить внимание, что эти данные в определенной мере характеризует стремление китайцев чувствовать себя хозяевами своей судьбы, в отличие от «фатализма», например, россиян (Меркулов, 2022). Кроме того, мы предполагаем, что полученные данные

могут быть объяснены спецификой выборки. Все респонденты являются студентами колледжей разного академического веса, так или иначе связанными с научной или учебной деятельностью. По всей видимости, можно говорить о некоторой общности их жизненных ориентаций, так как они выбирали определенный диапазон ответов.

Различия между мужчинами и женщинами по шкале «интроверсия-экстраверсия» можно объяснить особенностями китайского менталитета. Китай - патриархальное общество. Мы можем предполагать, что семья обычно возлагает на мужчин более высокие ожидания. Например, их семьи требуют от них найти хорошую работу, заработать много денег, купить дом и машину и т. д. Но семьи часто не возлагают таких высоких социальных ожиданий на женщин. Вероятно, это одна из причин, почему мужчины вынуждены вести себя более активно и экстравертировано. Общество и общепринятые правила поведения требуют от них брать на себя больше ответственности. Китайская культура отличается выраженным своеобразием. В формировании жизненных ориентаций китайцев можно отметить значительное влияние как традиций, так и современных тенденций в обществе и политике. Следование традиционным патриархальным ценностям, ориентация на социум сочетается с ориентацией на личные интересы, саморазвитие и получение жизненных благ (Малышева, 2018; Коржова, Дун, 2020).

Выводы

1. Проведено пилотажное исследование, посвященное изучению специфики связи жизненных ориентаций с когнитивно-стилевыми особенностями на примере китайской выборки.

2. Выявлена связь между показателями жизненных ориентаций (готовностью бросить вызов трудностям, стремлением к внутренней гармонии, ясностью цели в жизни) и когнитивных стилей (интроверсией и экстраверсией, способом перцептивного анализа и типом репрезентации). Высокие показатели по шкалам готовность бросить вызов трудностям, стремление к внутренней гармонии, ясность цели в жизни положительно связаны с экстраверсией, аналитичностью и образными представлениями.

3. Обнаружены различия между мужчинами и женщинами по шкале «интроверсия-экстраверсия».

Заключение

Проведенное теоретическое и эмпирическое исследование было направлено на изучение специфики взаимосвязи жизненных ориентаций и особенностей познавательной сферы респондентов из китайской выборки. Ограничением работы следует назвать специфику выборки – респонденты были в основном студентами колледжей. Полученные результаты дают дополнительное свидетельство в пользу продуктивности обращения

к психодиагностическим инструментам, которые позволяют учитывать особенности национального менталитета.

Библиографический список

1. Гончар С.Н. Особенности развития смысложизненных ориентаций современных студентов-первокурсников // Современная психология. 2012. С. 17-19.
2. Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85-97. // URL: <https://naukarus.com/tsennosti-v-strukture-soznaniya> (Дата обращения: 05.12.2023).
3. Калашникова С. А. Смысложизненные ориентации, базовые убеждения и стратегии поведения в трудных жизненных ситуациях людей с различными показателями жизнестойкости // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2011. № 5. С. 161-167.
4. Каунова Н.Г. Исследование смысложизненных ориентаций и значимости смысла жизни современной молодежи (на материале Молдовы) // Автореферат дис.... канд. психол. Наук. 2006.
5. Колга В.А. Исследование когнитивных стилей в СССР // Интегральное исследование индивидуальности / Под ред. Б.А. Вяткина. Пермь, 1992. С. 17-36.
6. Коржова Е.Ю., Дун Я. Проявление отношения к жизни в рисунках китайских и российских студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 339-342. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0082>
7. Корнилова Т.В., Парамей Г.В. Подходы к изучению когнитивных стилей: двадцать лет спустя // Вопросы психологии. 1989. № 6.
8. Костромина С.Н., Гришина Н.В., Москвичева Н.Л., Зиновьева Е.В. Жизненные модели молодежи: изменения и традиции // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1 (103). С. 79-98. // URL: <http://dx.doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98>
9. Кочеткова Т.Н. Смысложизненные ориентации лиц с разным самоотношением // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 118-123.
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла. 1999.
11. Малышева О.Л. «Конфуцианский капитализм» и бизнес-культура Китая: социокультурная традиция и современные тенденции // Управление устойчивым развитием. 2018. № 4 (17). С. 75-82.
12. Меркулов К.К. Сравнение культурных архетипов народов России и Китая: обзор источников // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2022. Т. 1. № 10. С. 65-93. // URL: <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.99.16.036>
13. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования личности. – М.: 1986.
14. Никулина А.А. Теоретический анализ понятия «жизненные ориентации» в психологии // Обзор педагогических исследований. 2022. Т. 4. № 8. С. 221-226.
15. Ниязбаева Н. Н. Экзистенциальная исполненность человека в переживании ценностей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 5А.
16. Осипов Ф.М. Формирование профессионально значимых смысложизненных ориентаций будущих психологов: автореф. дис. ... канд. психол. Наук / Ф.М. Осипов. – Н.Новгород, 2015. 27 с.
17. Романенко А.А., Ященко П.Ф. Влияние конфуцианства на менталитет китайского народа // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник IV Международной научной конференции / отв. ред. Н.И.Степыкин. Курск, Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 231-236.
18. Скотникова И.Г. Когнитивные стили и стратегии решения познавательных задач // Стиль человека: психологический анализ / Под общ. ред. А.В. Либина. – М.: Смысл, 1998.
19. Сухонос А. П. Смысложизненные ориентации и гендерная идентичность студентов педагогических специальностей // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2015. № 4. С. 73-83.
20. Холодная М.А. Когнитивные стили и интеллектуальные способности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 3. С. 84-93.
21. Холодная М.А. Феномен «расщепления» полюсов когнитивных стилей // Интеллект и творчество: Сб. научных трудов / Отв. ред. А.Н. Воронин. – М.: Ин-т психологии РАН, 1999.

С. 30-48.

22. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. М.: Пер Сэ, 2002а; – М.: Питер-Принт, 2004.
23. Холодная, М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – СПб.: Питер, 2002б.
24. Цинь П., Веселова Е.К., Дворецкая М.Я. Структура базовых жизненных ориентаций: этнокультурный аспект (на примере китайской версии Опросника субъект-объектных ориентаций) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 4. С. 493-508. // URL: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.404>
25. Шатене К. Психология ценностей / пер. с. фр. Харьков: Гуманитарный центр, 2021.
26. Шкуратова, И.П. Исследование стиля в психологии: оппозиция и консолидация // Стиль человека: психологический анализ / Под общ. ред. А.В. Либина. – М.: Смысл, 1998.
27. Besika A. et al. A Relationship that Makes Life Worth-Living: Levels of Value Orientation Explain Differences in Meaning and Life Satisfaction // Heliyon. 2022.
28. Ford N., Wilson T.D., Foster A., Ellis D., Spink A. Information Seeking and Mediated Searching. Part 4. Cognitive Styles in Information Seeking // Journal of the American Society for information science and technology. 2002. Vol. 53. № 9. P. 728-735.
29. Hough J.R. An Empirical Test of Cognitive Style and Strategic Decision Outcomes // Journal of Management Studies. 2005. Vol. 42 (2). P. 418-448.
30. Hooker S.A., Masters K.S., Park C.L. A meaningful life is a healthy life: A conceptual model linking meaning and meaning salience to health // Review of General Psychology. 2018. Vol. 22. № 1. С. 11-24.
31. Maio G.R. The psychology of human values. London: Routledge, 2017.
32. Roccas S., Sagiv L. (eds). Values and behavior: Taking a cross cultural perspective. Zurich: Springer, 2017.
33. Ragan T.J., Back K.T., Stansell V., Ausburn L.J., Ausburn F.B. Butler P.A., Huckabay T., Burkett J.R. Cognitive styles: a review of the literature. Air Force Human Resources Laboratory, 1979.
34. Witkin H.A., Lewis H.B., Hertzman M., Machover K., Meissner P.B., Wapner S. Personality through perception. New York: Harper and Row, 1954.
35. Liu Lei, Ban Yongfei, Ding Junfeng. Характеристика инновационной способности аспирантов и ее связь с личностью и мышлением когнитии[J]. Journal of Anshun College, 2017. № 19 (2). P. 4. – DOI: CNKI:SUN:ASSZ.0.2017-02-011
36. Wu Xiaomeng, Yong Wenjing, Dai Liang, et al. Исследование опыта студентов в онлайн-курсах на основе модели курса Coursera[J]. China Electrochemical Education, 2014. № 6. P. 7. – DOI: CNKI:SUN:ZDJY.0.2014-06-003.[1] Qin Chu
37. Zhao Zhen. Исследование взаимосвязи между психологией сожаления и чувством ответственности, когнитивным стилем и личностными особенностями студентов на разных этапах развития [D]. Shaanxi Normal University – DOI: CNKI:CDMD:2.1014.398244
38. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
39. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Феномен лидерства в контексте современных кризисов и вызовов // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 1 (151). С. 9-19.
40. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6 (156). С. 45-54.
41. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Возможности веб-квеста в изучении теории государственного управления // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 1 (187). С. 9-18.
42. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Символы границы и границы символов // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 11 (197). С. 33-42.
43. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического прощета в истории // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
44. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневности (на примере образа ворот) // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
45. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантинном // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.
46. Рыбаков С.В., Рябова Е.Л. К вопросу об инновационном компоненте молодежной политике в Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 11 (137). С. 44.
47. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диа-

- лога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.
48. Байханов И.Б. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры // Этносоциум и межнациональная культура, 2013. № 5 (59). С. 101-107.
49. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
50. Байханов И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 7 (56). С. 705-712.
51. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142
52. Байханов И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
53. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
54. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
55. Байханов И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты // Этносоциум и межнациональная культура, 2020. № 1 (139). С. 69-76.
56. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 2 (188). С. 9-17.
57. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Санитарный кордон: от медицины к геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 8 (194). С. 9-17.
58. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
59. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Электоральная культура в противодействии «цветным революциям» // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 7 (193). С. 9-17.
60. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 67 (192). С. 8-17.
61. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Государственная граница — пространство взаимодействия культур // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 9 (195). С. 9-17.
62. Байханов И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // Миссия конфессий, 2021. Т.10. № 6 (55). С. 615-623.

References

1. Gonchar S.N. Features of the development of life-meaning orientations of modern first-year students // Modern Psychology. 2012. P. 17-19.
2. Zinchenko V.P. Values in the structure of consciousness // Questions of Philosophy. 2011. № 8. P. 85-97. // URL: <https://naukarus.com/tsennosti-v-strukture-soznaniya> (05.12.2023).
3. Kalashnikova S.A. Life-meaning orientations, basic beliefs and behavior strategies in difficult life situations of people with different indicators of resilience // Scientific notes of the Zabaikalsky State University. Series: Pedagogical sciences. 2011. № 5. P. 161-167.
4. Kaunova N.G. A study of life-meaning orientations and the significance of the meaning of life of modern youth (based on the material of Moldova) // Abstract of Cand. Psychol. Sciences. 2006.
5. Kolga V.A. Study of cognitive styles in the USSR // Integral study of individuality / Ed. B.A. Vyatkin. Perm, 1992. P. 17-36.
6. Korzhova E.Yu., Dun Ya. Manifestation of attitude to life in the drawings of Chinese and Russian students // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2020. Vol. 9. № 2 (31). P. 339-342. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0082>
7. Kornilova T.V., Paramei G.V. Approaches to the Study of Cognitive Styles: Twenty Years Later // Voprosy Psichologii. 1989. № 6.
8. Kostromina S.N., Grishina N.V., Moskvicheva N.L., Zinovieva E.V. Life Models of Young People: Changes and Traditions // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences. 2021. № 1 (103). P. 79-98. // URL: <http://dx.doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98>
9. Kochetkova T.N. Life-Meaning Orientations of Persons with Different Self-Attitudes // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2010. № 2. P. 118-123.

10. Leontiev D.A. Psychology of meaning. 1999.
11. Malysheva O.L. "Confucian capitalism" and the business culture of China: socio-cultural tradition and modern trends // Sustainable development management. 2018. № 4 (17). P. 75-82.
12. Merkulov K.K. Comparison of cultural archetypes of the peoples of Russia and China: a review of sources // Man and Culture of the East. Research and Translations. 2022. Vol. 1. № 10. P. 65-93. // URL: <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.99.16.036>
13. Merlin V.S. Essay on the integral study of personality. – M.: 1986.
14. Nikulina A.A. Theoretical analysis of the concept of "life orientations" in psychology // Review of pedagogical research. 2022. Vol. 4. № 8. P. 221-226.
15. Niyazbaeva N.N. Existential fulfillment of a person in the experience of values // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2019. Vol. 8. № 5A.
16. Osipov F.M. Formation of professionally significant life-meaning orientations of future psychologists: author's abstract. diss. ... candidate of psychological sciences / F.M. Osipov. – N. Novgorod., 2015. 27 p.
17. Romanenko A.A., Yashchenko P.F. The influence of Confucianism on the mentality of the Chinese people // Language, culture, mentality: problems and prospects of philological research: collection of the IV International scientific conference / ed. N. I. Stepykin. Kursk, South-West State University, 2022. P. 231-236.
18. Skotnikova I.G. Cognitive styles and strategies for solving cognitive problems // Human style: psychological analysis / Under the general editorship of A.V. Libin. – M.: Smysl, 1998.
19. Sukhonosov A.P. Life-meaning orientations and gender identity of students of pedagogical specialties // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology. 2015. № 4. P. 73-83.
20. Kholodnaya M.A. Cognitive styles and intellectual abilities // Psychological journal. 1992. Vol. 13. № 3. P. 84-93.
21. Kholodnaya, M.A. The phenomenon of "splitting" the poles of cognitive styles // Intelligence and creativity: Collection of scientific papers / Ed. A.N. Voronin. – M.: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 1999. P. 30-48.
22. Kholodnaya M.A. Cognitive styles. On the nature of the individual mind. Moscow: Per Se, 2002a; – Moscow: Piter-Print, 2004.
23. Kholodnaya, M.A. Psychology of intelligence. Research paradoxes. – St. Petersburg: Piter, 2002b.
24. Qin P., Veselova E.K., Dvoretzskaya M.Ya. The structure of basic life orientations: the ethnocultural aspect (on the example of the Chinese version of the Subject-Object Orientation Questionnaire) // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2023. Vol. 13. Issue. 4. P. 493-508. // URL: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.404>
25. Shatenay K. Psychology of values / trans. P. Fr. Kharkov: Humanitarian Center, 2021.
26. Shkuratova, I.P. Research of style in psychology: opposition and consolidation // Human style: psychological analysis / Under the general editorship of A.V. Libin. – M.: Smysl, 1998.
27. Besika A. et al. A Relationship that Makes Life Worth-Living: Levels of Value Orientation Explain Differences in Meaning and Life Satisfaction // Heliyon. 2022.
28. Ford N., Wilson T.D., Foster A., Ellis D., Spink A. Information Seeking and Mediated Searching. Part 4. Cognitive Styles in Information Seeking // Journal of the American Society for information science and technology. 2002. Vol. 53. № 9. P. 728-735.
29. Hough J.R. An Empirical Test of Cognitive Style and Strategic Decision Outcomes // Journal of Management Studies. 2005. Vol. 42 (2). P. 418-448.
30. Hooker S.A., Masters K.S., Park C.L. A meaningful life is a healthy life: A conceptual model linking meaning and meaning salience to health // Review of General Psychology. 2018. Vol. 22. № 1. C. 11-24.
31. Maio G.R. The psychology of human values. London: Routledge, 2017.
32. Roccas S., Sagiv L. (eds). Values and behavior: Taking a cross cultural perspective. Zurich: Springer, 2017.
33. Ragan T.J., Back K.T., Stansell V., Ausburn L.J., Ausburn F.B. Butler P.A., Huckabay T., Burkett J.R. Cognitive styles: a review of the literature. Air Force Human Resources Laboratory, 1979.
34. Witkin H.A., Lewis H.B., Hertzman M., Machover K., Meissner P.B., Wapner S. Personality through perception. New York: Harper and Row, 1954.
35. Liu Lei, Ban Yongfei, Ding Junfeng. Characteristics of Graduate Students' Innovative Ability and Its Relationship with Personality and Thinking Cognition[J]. Journal of Anshun College, 2017. № 19 (2). P. 4. – DOI: CNKI:SUN:ASSZ.0.2017-02-011
36. Wu Xiaomeng, Yong Wenjing, Dai Liang, et al. A Study on Students' Experience in Online

- Courses Based on Coursera Course Model[J]. China Electrochemical Education, 2014. № 6. P. 7. – DOI: CNKI:SUN:ZDJY.0.2014-06-003.[1] Qin Chu
37. Zhao Zhen. Research on the relationship between regret psychology and sense of responsibility, cognitive style and personality traits of college students at different stages of development [D]. Shaanxi Normal University – DOI: CNKI:CDMD:2.1014.398244
38. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Explicit and Hidden Meanings of Strikes // The Power of History and the History of Power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.
39. Biryukov S.V., Ryabova E.L. The Phenomenon of Leadership in the Context of Modern Crises and Challenges // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2021. № 1 (151). P. 9-19.
40. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Evolution of the Diplomatic Gift as an Indicator of Changes in International Relations // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2021. № 6 (156). P. 45-54.
41. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Possibilities of a web quest in studying the theory of public administration // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 1 (187). P. 9-18.
42. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Border Symbols and Borders of Symbols // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 11 (197). P. 33-42.
43. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Adventure: the Price of Foreign Policy Miscalculation in History // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.
44. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of Images of Everyday History (using the Image of the Gate as an Example) // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 7 (33). P. 782-791.
45. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Meanings of Closed Borders: Reflections on Quarantine // Almanac Crimea. 2020. № 20. P. 11-22.
46. Rybakov S.V., Ryabova E.L. On the Issue of the Innovative Component of Youth Policy in the Russian Federation // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2019. № 11 (137). P. 44.
47. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet communications - a modern tool for dialogue // Ethnosociety and interethnic culture. 2019. № 3 (129). P. 9-25.
48. Bayhanov I.B. Internet, elections and the formation of electoral culture // Ethnosociety and interethnic culture, 2013. № 5 (59). P. 101-107.
49. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
50. Baykhanov I.B. Formation of digital competencies in the context of transformation of educational systems // Mission of confessions, 2021. Vol. 10. № 7 (56). P. 705-712.
51. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Connection of times and meanings: sacred trees // Mission of confessions. 2019. Vol. 8. Part 2 (No. 37). P. 133-142
52. Baykhanov I.B. Geopolitical culture: as you name the ship // Mission of confessions. 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
53. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of the implementation of activities // The power of history - The history of power. 2024. Volume 10. Part 3. (No. 53). P. 12-21.
54. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // The Power of History - History of Power. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
55. Baykhanov I.B. State policy as a factor in the development of the national educational system: basic aspects // Ethnosociety and interethnic culture, 2020. № 1 (139). P. 69-76.
56. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the aspect of the connection of traditional values with modernization // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 2 (188). P. 9-17.
57. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sanitary cordon: from medicine to geopolitics // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 8 (194). P. 9-17.
58. Bayhanov I.B. Features of human resource management in the context of global changes // The power of history and the history of power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
59. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Electoral culture in counteracting “color revolutions” // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 7 (193). P. 9-17.
60. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. “Global East”: Historical Reality or Geopolitical Fiction // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 67 (192). P. 8-17.
61. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. State Border — a Space of Interaction of Cultures // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 9 (195). P. 9-17.
63. Baykhanov I.B. Youth in the digital world: self-assessment of the development of digital competencies of applicants to Moscow universities // Mission of Confessions, 2021. Vol.10. № 6 (55). P. 615-623.

Чжан Юймэн

Магистр 2 курс, Направление журналистики. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Актуальные вопросы применения политики «мягкой силы» в сфере кинематографа на примере России и Китая*

Аннотация. Кино как форма культуры, распространяемая между различными странами, имеет огромное значение для понимания и постижения русской и китайской культуры. Российское и китайское кино привлекает внимание мировой аудитории своим уникальным художественным стилем и культурным подтекстом. В рамках изучаемой нами страны (России и Китая) кино как важный элемент зарубежной культуры имеет особое значение с точки зрения его влияния и распространения в обществах обеих стран. Успех и влияние российских и китайских фильмов на рынке отражает динамичное развитие культурных обменов между Россией и Китаем.

В настоящее время кино – культурный мост между Россией и Китаем. Россия и Китай придерживаются принципов совместных консультаций и обмена. Взаимопонимание между Россией и Китаем, распространение и обмен культурой и искусством, а также понимание гуманистических обычаев между Россией и Китаем выстраивает все более всеобъемлющую, многогранную и многоуровневую модель сотрудничества между Россией и Китаем.

Ключевые слова: мягкая сила, Россия, Китай, кинематограф, сотрудничество, киноиндустрия.

Zhang Yumeng

Master's degree 2nd year. Lomonosov Moscow State University.

Current issues of applying the policy of “soft power” in the field of cinematography using the example of Russia and China

Abstract. Cinema as a form of culture distributed between different countries is of great importance for understanding and comprehending Russian and Chinese culture. Russian and Chinese cinema attracts the attention of the world audience with its unique artistic style and cultural overtones. Within the framework of the country we are studying (Russia and China), cinema as an

* © Чжан Юймэн, 2025.

Актуальные вопросы применения политики «мягкой силы» в сфере кинематографа на примере России и Китая

important element of foreign culture is of particular importance in terms of its influence and dissemination in the societies of both countries. The success and influence of Russian and Chinese films on the market reflects the dynamic development of cultural exchanges between Russia and China.

Currently, cinema is a cultural bridge between Russia and China. Russia and China adhere to the principles of joint consultations and exchange. Mutual understanding between Russia and China, the dissemination and exchange of culture and art, as well as an understanding of humanistic customs between Russia and China are building an increasingly comprehensive, multifaceted and multilevel model of cooperation between Russia and China.

Key words: soft power, Russia, China, cinematography, cooperation, film industry.

В марте 2013 года президент Си Цзиньпин и президент России Владимир Путин подписали в Москве совместное заявление о сотрудничестве в рамках стратегического партнерства и углублении всестороннего стратегического сотрудничества между Китаем и Россией. Это заявление передает миру информацию о том, что отношения между Китаем и Россией вступили в лучший в истории период: развитие всестороннего стратегического партнерства между Китаем и Россией является стратегическим выбором лидеров двух стран, соответствующим основным интересам обеих стран и их народов. Развитие отношений между Китаем и Россией является не случайностью, а неизбежным выбором в международном контексте и внутреннем развитии. Из рассмотрения исторических истоков киноиндустрии Китая и России, представленных выше, мы можем увидеть определенные сходства в пути развития киноиндустрии обеих стран: обе страны в разное время сильно подвергались влиянию политических реформ, обе теряли направление в творчестве из-за воздействия западных фильмов, обе замедляли свой прогресс развития из-за недостатка финансирования и так далее.

В связи с этим, Китай и Россия могут предпринять больше совместных киноинициатив для укрепления культурного обмена и сближения наших народов. Сотрудничество в создании фильмов с участием режиссеров и актеров из обеих стран поможет снизить культурные барьеры и приблизить наши народы друг к другу, что, в свою очередь, привлечет китайских зрителей к просмотру российского кино. Подобные сценарии уже имеются в Голливуде, где китайские звезды, такие как Брюс Ли, Джеки Чан, Донни Йен, Чжан Цзыи, Ли Бинбин и другие, сотрудничали с американскими студиями, способствуя распространению голливудских фильмов в Китае.

Участие российских кинематографистов в совместных проектах с Китаем, а также включение китайских элементов в собственные фильмы, способствует более широкому распространению российского кино в Китае. Основная инициатива в сотрудничестве и производстве совместных кинофильмов в основном исходит от китайских сторон, которые чаще все-

го являются ведущими по финансированию, выпуску и прочим аспектам производства. Однако такая структура сотрудничества может привести к монотонности тематики совместных произведений и затруднить удовлетворение разнообразных требований по качеству фильмов. Поэтому китайские и российские кинематографисты должны пересмотреть традиционный подход к сотрудничеству, чтобы обеспечить более глубокое взаимодействие в производстве кинофильмов.

Для традиционных кинотеатров исследования показывают, что количество экранов в разных странах оказывает положительное влияние на кассовые сборы фильмов. В случае потокового медиа распространения, обычно считается, что количество стран, в которых фильм транслируется, имеет прямую и тесную связь с рынком, на который он распространяется. Однако для мирового рынка, из-за значительных различий в размерах пользовательской базы в разных странах, даже если фильм транслируется в большом количестве стран, это не обязательно означает, что он сталкивается с более широкой пользовательской аудиторией.

Ключевым фактором успеха фильма является его способность удовлетворить потребности зрителей. Поэтому при развитии киносотрудничества и производстве фильмов между Китаем и Россией необходимо сначала определить целевую аудиторию произведения и учитывать современный стиль кино. Исследование аудитории фильмов часто требует наблюдения за особенностями современного кино.

Для определения аудитории кинофильмов обычно используются два подхода:

Во-первых, аудитория может быть определена в зависимости от возраста зрителей. Как правило, зрители, родившиеся до 1970-х годов, предпочитают фильмы, отражающие социалистическую революцию и процесс строительства, такие как экранизации произведений Островского «Как закалялась сталь», или фильмы, отражающие трудные периоды начального этапа социалистической революции, такие как «Ленин в Октябре», «Тринадцать» и «Секретарь райкома» и другие.

Во-вторых, использование новейших технологий в новом времени также является крайне важным. При съемках и производстве нового произведения можно использовать большие объемы данных для определения предпочтений современной общественности. С развитием общества и изменением культурных запросов зрителей в Китае и России также происходит изменение выбора сюжетов совместных кинофильмов, которые теперь не ограничиваются изображением жизни иностранцев во время войны, но также включают в себя научно-фантастические и комедийные темы. Несмотря на различия в культуре и региональных предпочтениях, зрители обеих стран увлечены историческими и гуманитарными темами. Поэтому при создании кинофильмов, которые будут приняты широкой аудиторией,

можно в рамках исторических фактов вносить инновации в конкретные образы и стилистику, чтобы в конечном итоге создать кинофильмы, которые будут признаны большим числом зрителей. Таким образом, путем предварительного определения целевой аудитории и понимания современного кинематографического стиля совместное кино производства Китая и России сможет лучше удовлетворить вкусы зрителей и расширить пространство для совместного кино сотрудничества между Китаем и Россией.

Поддержка влияния мягкой силы в рамках госпрограмм

Государство содействует развитию отечественной кинематографической индустрии через поддержку политики и финансирование, что способствует более эффективному распространению и продвижению собственной культуры и ценностей, укрепляя национальную идентичность.

Возрождение и развитие кинематографической индустрии немислимы без государственной поддержки и помощи. Начиная с 1996 года, с улучшением общей политической ситуации в стране, правительство России проявило всестороннюю поддержку развития кинематографической индустрии, как в области формирования политики, так и в предоставлении государственных средств. Принятие соответствующих законодательных актов стало юридическим основанием для восстановления кинематографической индустрии и повысило статус киноиндустрии в государственных делах; увеличение инвестиций, особенно с применением различных форм государственного заказа и инвестиционных конкурсов, а также предоставление предпочтительного финансирования фильмам с идеологическим и художественным содержанием, что значительно повысило активность кинематографистов и стимулировало их творческий потенциал. В то же время, активное внедрение системы продюсерства играет важную роль в продвижении индустриализации кино.

Помимо поддержки самой кинематографической индустрии, российское правительство также осуществляет государственное вмешательство в государственные киностудии и частные кино-компании. С учетом неэффективной деятельности и низкой производительности государственных киностудий, государство активно содействует процессу реформирования государственных киностудий в акционерные общества, а также предоставляет значительные финансовые средства для модернизации крупных государственных кинофильмов. Конкретные меры включают переизбрание руководящего состава, приобретение современного оборудования, активное привлечение талантливых кинематографистов, что в целом повышает уровень производства государственных киностудий. Что касается частных кинокомпаний, государство начало постепенно смягчать строгий контроль над ними и предоставлять им определенные финансовые субсидии. Кроме того, для обеспечения единой системы распространения и

операционной модели фильмов по всей стране, правительство вложило значительные средства в создание кино-дистрибьюторских компаний, специализирующихся на выпуске отечественных фильмов, что обеспечивает долю российского кино на внутреннем рынке. В то же время началось строительство современных кинотеатров, улучшение условий просмотра, чтобы привлечь зрителей в кинотеатры.

С 2015 года Китай и Россия ежегодно проводят кинофестивали, которые организуются взаимно, с целью позволить зрителям обеих стран более полно познакомиться с кинематографическим искусством и культурой друг друга. Благодаря кинофестивалям все больше современных китайских фильмов поступает в российские кинотеатры, а с развитием новых медиа больше российских поклонников кино смотрят китайские фильмы в интернете, рассматривая просмотр фильмов как важный способ понимания китайской культуры и изучения китайского языка. Аналогично, китайские зрители могут смотреть все больше российских фильмов и телесериалов через новые медиа и интернет-платформы. Помимо кинофестивалей, Китай и Россия непрерывно развивают новые формы сотрудничества, строят Центр кинообмена между Китаем и Россией, осуществляют взаимную трансляцию сетевого телевидения, что заложило основу для взаимного привлечения лучших произведений кино и телевидения между двумя странами.

Конечно, кино также может формировать у зрителей негативные ценности и идентификацию. Например, в некоторых коммерческих фильмах слишком сильно подчеркивается деньги и власть, подстрекая к насилию и порнографии, что может оказать отрицательное воздействие на моральные и ценностные установки зрителей. Поэтому государство и киноиндустрия должны усилить контроль и направление, чтобы избежать превращения кино в средство распространения отрицательных ценностей. Следовательно, киноиндустрия должна активно способствовать формированию у зрителей позитивных ценностей и идентификации, чтобы избежать негативного влияния и лучше способствовать формированию национальной идентичности и единства.

Что касается усиления исследований и разработки разумной стратегии производства и распространения, постепенной реализации, то необходимо ясно определить характеристики потребителей для точного определения контента, стиля и методов маркетинга. В настоящее время существует два основных метода определения целевой аудитории: первый метод основан на принципе схожести возраста, профессии и культурного уровня зрителей, для более точного разделения рынка зрителей. Второй метод основан на внутренних интересах и эмоциональных потребностях целевой аудитории, используя их увлечения в качестве руководства для создания продуктов. Для этого используется механизм рыночного найма.

Необходимо справедливо нанимать персонал, совершенствовать систему управления персоналом, создавать и улучшать механизмы отбора, обучения, оценки, распределения и мотивации персонала. Необходимо выбирать лучших кандидатов, создавать команду высокого уровня, владеющую иностранными языками, знакомую с особенностями различных стран, обладающую навыками в области маркетинга, с правильным поведением, строгой дисциплиной и готовностью к инновациям. Также следует обращать внимание на культурные различия при производстве разнообразных продуктов, акцентируя внимание на развитии ряда лидеров и ведущих СМИ. Это позволит повысить уровень сотрудничества в области СМИ между двумя странами и обеспечить его постоянное здоровое и быстрое развитие, повышая эффективность и выгоду сотрудничества.

Усиление влияния СМИ в продвижении кинообмена

СМИ - это не только средство информации и распространения новостей, но также важный инструмент и канал культурного обмена, формирования мыслей и ценностей в эпоху. Быстрое развитие новых медиа, таких как цифровые, сетевые и личные, делает доступ к культурной информации более удобным и действительно позволяет “знать все мировые события, не выходя из дома”.

Для достижения настоящего сотрудничества в области СМИ между Китаем и Россией необходимо укрепить коммуникацию и понимание между сотрудниками совместных медиа. В ходе сотрудничества необходимо разрешить отношения между структурами и заинтересованными сторонами, акцентируя внимание на экономических интересах, четко определяя цели сотрудничества, формируя здоровую рабочую среду и корпоративную культуру, содействуя обновлению взглядов сотрудников и созданию “культуры общности”, обеспечивая плавный процесс принятия и реализации решений совместных медиа. Например, в 2007 году крупное трансграничное совместное интервью “Дружба Китая и России: китайская сторона” под руководством Центрального телевидения Китая и информационного агентства ТАСС не только предоставило обширные новостные материалы, но и углубило взаимопонимание о странах и её культурах, что в дальнейшем сделало сотрудничество между участниками более естественным.

Культура является формой мягкой силы, её влияние характеризуется незаметным и непринужденным характером. В рамках кино-культурного сотрудничества между Китаем и Россией необходимо усилить осознание зрителями китайской и российской культур. Важно использовать роль зрителей в потреблении кино-культуры, привлекая внимание китайских и российских зрителей к культурным продуктам обеих стран. Это требует уделения внимания роли новых медиа в распространении информации, обеспечивая всестороннюю рекламу фильмов с использованием сетевых и

мобильных устройств, печатных рекламных материалов, роликов и других инструментов новых медиа на всех этапах выпуска фильма. Кроме того, характеристики новых медиа, такие как мгновенность, интерактивность и цифровизация, позволяют быстро получать информацию о фильмах целевой аудитории, увеличивать скорость распространения информации о фильмах, а зрители могут комментировать фильмы через новые медиа, взаимодействовать друг с другом и строить хорошую репутацию фильмам, обеспечивая международный обмен искусством и культурой. Только при условии постоянного расширения аудитории производители смогут получить максимальную экономическую и социальную выгоду.

Развитие и распространение современных интернет-технологий изменили привычки зрителей в эпоху традиционных медиа. В новой медийной эпохе зрители могут мгновенно смотреть кинематографические произведения других стран через сетевые медийные платформы, что ломает скрытые культурные барьеры, существовавшие ранее. В фильме “Волшебный портрет” из 1997 года рассказывается история о портрете китайской красавицы, попадающем в руки российского мальчика Ивана, после чего китайская классическая красавица “оживает”, появляясь перед Иваном в китайском традиционном костюме. Эта фильм, хотя и появился 28 лет назад, до сих пор пользуется популярностью благодаря своей любовной истории между древнекитайской женщиной и российским мужчиной. На китайской видеоплатформе bilibili самое популярное видео “вторичные произведения” о данном фильме имеет более 2,79 миллиона просмотров. На китайских социальных и видеоплатформах часто появляются произведения вторичных произведений. В настоящую эпоху фрагментации информации вторичные произведения помогает людям лучше выбирать произведения, которые им нравятся, и оказывает пропагандистский эффект. Благодаря помощи новых медиа старые фильмы снова появляются в поле зрения общественности.

Современный технический прогресс обеспечивает мощную техническую поддержку для распространения кинематографических произведений. В последние годы новый концепт “потокowego медиа” является формой цифровых медиа, которая обеспечивает непрерывный поток информации от производителей контента к конечным пользователям в режиме реального времени. Фильмы потокового медиа - это фильмы, которые воспроизводятся на потоковых медиа-платформах с использованием потоковой медиа-технологии. Технология потокового медиа обеспечивает основные гарантии для онлайн-просмотра фильмов: высокая скорость передачи данных 5G, низкая задержка и большое количество соединений позволяют зрителям смотреть онлайн-фильмы где угодно и когда угодно, без задержек и прерываний; большой объем памяти цифровых технологий позволяет не беспокоиться о проблемах хранения больших фильмов; технология мобильных устройств позволяет зрителям смотреть фильмы,

не выходя из дома, и общаться в режиме реального времени. Такие термины, как «кино на ладони», «интернет-фильм», «облачный кинотеатр» и т. д., являются производными продуктами, использующими потоковые медиа-технологии. Зрители имеют больше возможностей выбора фильмов благодаря современным, сетевым и цифровым медиа-терминалам.

Для того, чтобы предотвратить отток китайского и российского кинорынка и дальнейшего укрепления культурного обмена между народами двух стран, необходимо на основе динамических отношений совместно использовать новые медиа-терминалы и платформы, продолжать инновационные формы сотрудничества, и продвигать развитие китайско-российского кинематографического обмена в глубину. Например, совместное использование технологий больших данных и технологий блокчейн, анализ данных о просмотре фильмов, полученных на новых медиа-платформах, позволяет определить предпочтения зрителей Китая и России. На основе анализа данных и научного поиска точек входа, можно синтезировать культурные элементы двух стран и создавать высококачественные кинематографические произведения, которые будут способствовать культурному обмену между Китаем и Россией, а также получать большую долю на рынке.

После создания платформы для китайско-российского медийного сотрудничества и обмена, необходимо уделять больше внимания равенству сторон. Россия является культурной державой, а Китай - одной из четырех древних цивилизаций мира, культурные мягкие силы обеих стран находятся на одном уровне. Любые медиа-организации любой страны должны в первую очередь соответствовать национальным интересам и правильно направлять структуру производства продукции в соответствии с главными политическими линиями своей страны, чтобы обеспечить устойчивое развитие и прибыльность медийного сотрудничества и создать разумную модель управления производством.

Необходимо также улучшать коммуникацию в области финансирования, распределения прибыли, операционного управления капиталом и т. д. Это связано с различными вопросами управления медиа в двух странах, операционной системой капитала, правами собственности и управлением и другими вопросами, которые могут потребовать постоянного исследования и корректировки в процессе совместного управления. Таким образом, необходимо переходить от одностороннего управления к комбинированному управлению. Необходимо своевременно контролировать вложения и доходы от новых бизнес-проектов и продуктов, а также своевременно корректировать продукты и бизнес, чтобы создать разумную модель.

В целом, медийное сотрудничество между Китаем и Россией получило широкое признание и поддержку от правительств и общественности обеих стран. Формы сотрудничества между Китаем и Россией становятся все более гибкими, а содержание - более соответствующим потребностям

рынка, и две страны постепенно переходят к полноценной эпохе сотрудничества. Это стало неразрывной частью культурного обмена и сотрудничества между двумя странами, что укрепило отношения между ними на широкой общественной основе и способствовало решению некоторых важных совместных задач.

Библиографический список

1. Валеев Р.М., Касимова А.Р. Российско-китайские культурные связи (1990-2000-е гг.). Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013.
2. Ван Цзиньхуэй, Ян Юн. Исследование факторов кассовых сборов, влияющих на североамериканский рынок китайских фильмов: на примере 242 китайских фильмов, выпущенных в Северной Америке [J]. Contemporary Film. 2020. № 11. С. 97-103.
3. Койне О., Франц В.А..Кинематограф как Элемент Системы«Мягкой силы» Государства[J]. Дискурс-Пи,2017.
4. Ли Сянъян. Исследование современного китайско-российского киносотрудничества [J]. Теоретическое наблюдение. 2014(07): С.125-126.
5. Литвиненко А. С., Дианова Н. Ф. Взаимосвязь культур: Китая и России [J]. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №7 (58). С. 81-83.
6. Соболева Е.В. Киноискусство Поднебесной сквозь призму культуры. Общество и государство в Китае. 2012.
7. Burleigh-B-Gardner, stdney-J-Levy. Products and Brands [M]. Harvard: Harvard Business Review. 1955.
8. Evans A., Matthews S. From screening to streaming: film industry in transition [J].Executive Insights. 2018. № 53. P. 1-5.
9. Olson S.R. Hollywood Planet: Global Media and the Competitive Advantage of Narrative Transparency. Mahwah: Lawrence Erl-Baum Associates. Inc, 1999.
10. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Предметное поле государственного управления в системе политических наук // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 10 (184). С. 57-61.
11. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
12. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Феномен лидерства в контексте современных кризисов и вызовов // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 1 (151). С. 9-19.
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6 (156). С. 45-54.
14. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
15. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Боль разделенных городов - последствия геополитических игр // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 10-20.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического просчета в истории // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневности (на примере образа ворот) // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
18. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантином // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.
19. Рыбаков С.В., Рябова Е.Л. К вопросу об инновационном компоненте молодежной политике в Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 11 (137). С. 44.
20. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диалога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.
21. Байханов И.Б. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры // Этносоциум и межнациональная культура, 2013. № 5 (59). С. 101-107.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
23. Байханов И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации обра-

- зовательных систем // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 7 (56). С. 705-712.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142
25. Байханов И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
26. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
27. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
28. Байханов И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты // Этносоциум и межнациональная культура, 2020. № 1 (139). С. 69-76.
29. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 2 (188). С. 9-17.
30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Санитарный кордон: от медицины к геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 8 (194). С. 9-17.
31. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
32. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Электоральная культура в противодействии «цветным революциям» // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 7 (193). С. 9-17.
33. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 6 (192). С. 8-17.
34. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Государственная граница — пространство взаимодействия культур // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 9 (195). С. 9-17.
35. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Символы границы и границы символов // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 11 (197). С. 33-42.
36. Байханов И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // Миссия конфессий, 2021. Т.10. № 6 (55). С. 615-623.
37. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Возможности веб-квеста в изучении теории государственного управления // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 1 (187). С. 9-18.

References

1. Valeev R.M., Kasimova A.R. Russian-Chinese cultural relations (1990-2000s). Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts. 2013.
2. Wang Jinhui, Yang Yong. A study of box office factors influencing the North American market of Chinese films: the case of 242 Chinese films released in North America [J]. Contemporary Film. 2020(11): 97-103.
3. Koine O., Franz V.A. Cinematography as an Element of the System of “Soft Power” of the State [J]. Discourse-Pi. 2017.
4. Li Xiangyang. A study of contemporary Chinese-Russian film cooperation [J]. Theoretical observation. 2014(07): pp. 125-126.
5. Litvinenko A. S., Dianova N. F. Interrelation of cultures: China and Russia [J]. International journal of humanities and natural sciences. 2021. № 7 (58). P. 81-83.
6. Soboleva E. V. Cinematography of the Celestial Empire through the prism of culture. Society and state in China. 2012.
7. Burleigh•B•Gardner, stdney•J•Levy. Products and Brands [M]. Harvard: Harvard Business Review. 1955.
8. Evans A., Matthews S. From screening to streaming: film industry in transition [J]. Executive Insights. 2018. № 53. P. 1-5.
9. Olson S. R. Hollywood Planet: Global Media and the Competitive Advantage of Narrative Transparency. Mahwah: Lawrence Erl-Baum Associates. Inc, 1999.
10. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Subject Field of Public Administration in the System of Political Sciences // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2023. № 10 (184). P. 57-61.
11. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Explicit and Hidden Meanings of Strikes // The Power of History

- and the History of Power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.
12. Biryukov S.V., Ryabova E.L. The Phenomenon of Leadership in the Context of Modern Crises and Challenges // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2021. № 1 (151). P. 9-19.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Evolution of the diplomatic gift as an indicator of changes in international relations // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2021. № 6 (156). P. 45-54.
14. Baykhanov I.B. Features of human resource management in the context of global changes // *The power of history and the history of power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The pain of divided cities - the consequences of geopolitical games // *The power of history and the history of power*. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 10-20.
16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical adventure: the price of foreign policy miscalculation in history // *The power of history and the history of power*. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of Images of Everyday History (using the Image of the Gate as an Example) // *The Power of History and the History of Power*. 2021. Vol. 7. № 7 (33). P. 782-791.
18. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Meanings of Closed Borders: Reflections on Quarantine // *Almanac Crimea*. 2020. № 20. P. 11-22.
19. Rybakov S.V., Ryabova E.L. On the Issue of the Innovative Component of Youth Policy in the Russian Federation // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2019. № 11 (137). P. 44.
20. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet communications - a modern tool for dialogue // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2019. № 3 (129). P. 9-25.
21. Baykhanov I.B. Internet, elections and the formation of electoral culture // *Ethnosociety and interethnic culture*, 2013. № 5 (59). P. 101-107.
22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // *Almanac Crimea*. 2022. № 31. P. 61-72.
23. Baykhanov I.B. Formation of digital competencies in the context of transformation of educational systems // *Mission of confessions*, 2021. Vol. 10. № 7 (56). P. 705-712.
24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Connection of times and meanings: sacred trees // *Mission of confessions*. 2019. Vol. 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142
25. Baykhanov I.B. Geopolitical culture: as you name the ship // *Mission of confessions*. 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
26. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of the implementation of activities // *The Power of History - History of Power*. 2024. Volume 10. Part 3. (№ 53). P. 12-21.
27. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // *The Power of History - History of Power*. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
28. Baykhanov I.B. State policy as a factor in the development of the national educational system: basic aspects // *Ethnosociety and interethnic culture*, 2020. № 1 (139). P. 69-76.
29. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the aspect of the connection of traditional values with modernization // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 2 (188). P. 9-17.
30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sanitary cordon: from medicine to geopolitics // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 8 (194). P. 9-17.
31. Baykhanov I.B. Features of human resource management in the context of global changes // *The power of history and the history of power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
32. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Electoral culture in counteracting "color revolutions" // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 7 (193). P. 9-17.
33. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. "Global East": Historical Reality or Geopolitical Fiction // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 67 (192). P. 8-17.
34. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. State Border — a Space of Interaction of Cultures // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 9 (195). P. 9-17.
35. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Border Symbols and Borders of Symbols // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 11 (197). P. 33-42.
36. Baykhanov I.B. Youth in the Digital World: Self-assessment of the Development of Digital Competencies of Applicants to Moscow Universities // *Mission of Confessions*, 2021. Vol.10. № 6 (55). P. 615-623.
37. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Possibilities of a Web Quest in Studying the Theory of Public Administration // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 1 (187). P. 9-18.

Ян Сяофэй

Магистр 2 курс. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Роль цифровой дипломатии в международных отношениях*

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам функционирования системы международных отношений в условиях цифровизации общества, что напрямую связано с возникновением такого феномена, как цифровая дипломатия. Проанализировав сожжение понятия «цифровая дипломатия» и смежных с ним терминов и коснувшись истории становления цифровой дипломатии, автор статьи рассматривает задачи, основные направления и черты, которые присущи цифровой дипломатии; приводит примеры типичных средств ее реализации. Особое внимание в статье отводится возможностям социальных сетей в продвижении внешнеполитических курсов государств и решении проблем взаимоотношений государств на международной арене. В статье делается вывод, что цифровая дипломатия - это мощный инструмент регулирования международных отношений, в первую очередь, благодаря ее способности притягивать внимание общественности к международной политике и поддерживать определенный уровень взаимодействия как между государствами, так и между политической элитой и гражданами.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая дипломатия, Интернет, социальные сети, международные отношения.

Yang Xiaofei

Master's degree 2nd year. Lomonosov Moscow State University.

The role of digital diplomacy in international relations

Abstract. This article is devoted to the issues of functioning of the system of international relations in the conditions of digitalization of society, which is directly related to the emergence of such a phenomenon as digital diplomacy. Having analyzed the notion of “digital diplomacy” and related terms and touched upon the history of digital diplomacy formation, the author of the article considers the tasks, main directions and features that are inherent in digital diplomacy; gives examples of typical means of its implementation. The article pays special attention to the possibilities of social networks in promoting the foreign policy of states and solving the problems of relations between states in the international arena. The article concludes that digital diplomacy is a powerful tool for regulating international relations, primarily due to its ability to attract public attention to international politics and maintain a certain level of interaction both between states and between the political elite and citizens.

Key words: digitalization, digital diplomacy, Internet, social media, international relations.

* © Ян Сяофэй, 2025.

Previously, diplomacy as an activity of heads of state, governments and special bodies protecting the interests of their state in the international arena was considered a relatively “closed” field of activity, but today it is becoming more and more open to society, to ordinary citizens. This became possible due to the dynamic development of digital technologies and the Internet, which “blurred the boundaries between states, forming a single global information society and having an impact on all spheres, including the processes taking place in world politics” [1, p. 78]. This phenomenon has led to the fact that digital diplomacy has become one of the tools of political influence on society, which has been particularly successful in building relations between states and in shaping public opinion on issues related to international politics.

The theory of digital diplomacy as a component of the political culture of society began to take shape at the end of the twentieth century. It was at this time that the international community realized the importance of implementing new effective methods of diplomacy that would go beyond the official political institutions.

Today, diplomacy, which includes elements of Internet activity using electronic devices, has a number of nominations: digital diplomacy, electronic diplomacy, e-diplomacy, social media diplomacy, etc.

Foreign researchers most often use the phrase electronic diplomacy. This term was first mentioned in the works of F. Hanson’s “Revolution and the State Department: The Spread of Electronic Diplomacy” and “Freshly Baked and Sent: e-Diplomacy and the State Department”, published in 2012. The main goal of the scientist was an attempt to systematize programmatic work in the field of diplomacy. Hanson defines electronic diplomacy as the ability to use the Internet and other information and communication technologies to achieve and lobby for foreign policy goals and interests of the state. Moreover, he identifies eight priority areas of e-diplomacy: knowledge management, public diplomacy, information management, consular support, emergency response, Internet freedom, external resources, and political planning [3].

But in Russia, the term digital diplomacy has “taken root”, which was given “life” by one of the well-known researchers in the field of the latest digital technologies, L. Permyakova. Noting that “digital diplomacy is mainly applied in nature and is especially useful in working with a foreign audience, in matters of broadcasting the official position and shaping the image of the state” [2], Larisa Permyakova explains the need to introduce digital diplomacy into the system of international relations in this way: the policy of states living in the information space is characterized by “forced openness” and if this space is not filled with objective information, it will be filled by other participants in world relations, which may negatively affect the implementation of foreign policy objectives [2].

N. Tsvetkova calls digital diplomacy the public diplomacy of Web 2.0. She calls the main methods of this diplomacy the placement of radio and television

programs on the Internet, the dissemination of publicly available literature on the domestic and foreign policies of countries around the world, monitoring of the blog space, as well as sending information using mobile phones [4].

In her writings on the introduction of digital technologies into the practice of international relations, Russian political scientist E.S. Zinovieva does not adhere to any single term nominating a new type of diplomatic interaction between states, but calls diplomacy based on the use of information and communication technologies (ICT), digital diplomacy, Internet diplomacy, and diplomacy. social networks, and web 2.0. diplomacy, considering all these terms synonymous, which denote one common phenomenon - the digitalization of diplomatic relations, which implies the widespread use of ICT, including new media, social media networks, blogs, etc. for government agencies to carry out foreign policy activities [5]. In other words, digital diplomacy in the broad sense of this concept is the use of the Internet and information and communication technologies to solve diplomatic problems.

Digital diplomacy, as a new and quite effective phenomenon of international relations, has gone through three stages in its development.

The first stage covers the period from 2010 to 2012. It was a period of adaptation of diplomatic structures to digital technologies and the beginning of the spread of social networks. At the same time, countries such as the United States, Russia, China, Germany and France have taken the leading positions in the digitalization of international relations. Already at the beginning of its formation, digital diplomacy began to be perceived as a means of promoting a positive image of the state. Therefore, despite the fact that at that time "there were no large-scale digital information campaigns, the organizers of digital diplomacy were given tactical tasks to expand their online presence" [4, p. 22]. This task was accomplished by creating "institutional and personal profiles on social networks that mobilized the target audience around the values and policies of individual states" [4, p. 23].

At the second stage of digitalization of diplomatic relations, which lasted from 2013 to 2017, "special programming and analysis tools for social networks (algorithms) were created, which allowed digital diplomacy to be more targeted in terms of directing information flows to individual groups on social networks" [4, p. 23]. It was the second stage of the development of digital diplomacy that changed this phenomenon globally, as a serious campaign began in all developed countries aimed at "massive dissemination of information and propaganda to promote the position of states" [4, p. 23]. In addition, at this stage, "methods for analyzing digital user behavior, including moods and preferences, began to be developed and applied, the Internet space was monitored in real time, and systems were being developed to protect components of the diplomatic activity infrastructure from cybercriminals" [4, p. 23].

Digital diplomacy of the third period, which began in 2018 and continues to the present, "uses new technological techniques, including the capabilities of

artificial intelligence and big data analysis” [4, p. 23], which is why it is called data diplomacy. By using tools and methods for collecting and processing huge amounts of both structured and unstructured information (the so-called “big data” or big data) to solve specific problems of international politics, digital diplomacy creates great opportunities for information work in foreign countries (usually through social networks). At the same time, this work can be directed not only towards the entire audience of the nation-state, but also at a specific, target audience.

Currently, digital diplomacy should be considered as an effective and useful resource for the entire global community. For example, in the field of consular activities, digital technologies are used to process and prepare visa documentation, and to contact citizens abroad. Digital technologies help to quickly resolve issues and problems in case of emergencies. Moreover, digital diplomacy is widely used when it is not possible to make international contacts offline. So, in 2020, at the height of the COVID-19 pandemic, virtual summits, conferences and meetings were held at the international level, where important global issues related to the future of humanity (for example, the problem of climate change) were resolved. During this period of time, for the first time in history, it was information and telecommunication technologies that became the key means of organizing meetings and negotiations between government and political figures, whose communication took place through the use of digital bots and channels.

As noted above, social networks are an important tool for implementing digital diplomacy. If we talk about promoting the foreign policy course of the state, then social networks have great potential in this regard, since they create a favorable political environment for promoting the national interests of their country, for researching public opinion and solving public problems by working with target groups.

In Europe and the United States, the social network Twitter has become an important channel for international political communication, now renamed X. American journalist Eva Gardeur believes that, among all world-class social networks, Twitter has developed a new method of managing diplomatic relations. Matthias Lufkens, the former head of the digital technology department at the World Economic Forum, even suggested introducing the term Twitter diplomacy, emphasizing the role of this social network in shaping the political image of heads of state, in the work of heads of international government organizations and diplomats seeking to bring positions closer on international issues. Governments of almost all countries of the world are officially represented on this platform. According to a study by the global company BCW (Burson Cohn & Wolfe) conducted back in 2018, out of almost a thousand Twitter accounts, more than half are institutional in nature, i.e. belong to heads of state and government, as well as foreign ministers of 187 countries [3].

By implementing international politics in the space of this and other social

networks, employees of ministries of foreign Affairs, consulates, diplomatic missions, as well as heads of state, government and ministries themselves have the opportunity to expand the boundaries of their communication and learn the opinion of civil society regarding the issues of their country's foreign policy, other states and international politics in general. US President Donald Trump is among the most famous foreign statesmen who use social media most actively.

According to statistics, Russia is the leading power in the field of digitalization of diplomatic relations. Thanks to the development of digital channels, Russian diplomats, employees of diplomatic departments and consulates are able to quickly respond to disinformation, as well as conduct information campaigns that affect the political or economic situation in foreign countries.

After the start of its military operation, the Russian Federation faced an extensive information campaign conducted by the "collective West", which was aimed at discrediting the image of the Russian leadership, the Russian people and the entire state as a whole. Russia's response to all attacks was to strengthen the country's digital sovereignty. Facebook Instagram staff began to conduct information and explanatory work at the international level after the ban on the use of American social networks (Twitter, Facebook, Instagram) on the territory of Russia. The profiles of Russian media, Ministries of Foreign Affairs, and private accounts of diplomatic staff have become extremely active on the social network X (formerly Twitter), overshadowing even the Russian VK platform. Internet broadcasting has also been involved, which, together with online information media, has devoted a lot of effort and attention to communicating Russia's position on the current situation to a global audience. The statistics speak for themselves: "If in the period from January 1, 2021 to February 24, 2022, the Russian international broadcasting channels responsible for digital content published 22 thousand posts, then only three months after the start of their work 36 thousand posts were published on the Twitter platform" [5].

It should be noted that the People's Republic of China is also pursuing a certain policy related to the promotion of national interests in the international arena. Back in the early 2000s, China began using digital tools in the international arena to promote its foreign policy course. With the help of online media, where much attention is paid to photos and videos, social networks, and mobile applications, information provided by Chinese diplomatic structures is instantly distributed to all corners of the world. Due to the promptness and timely submission of truthful material, the process of conducting propaganda events and provocative reports with distortion of facts, which have long been part of the policy of the Western world, is hampered [1, p. 78].

In China, the most active users of social media are CCP members and employees of the Ministry of Foreign Affairs, who instantly spread the news through all channels, preventing it from reaching users in a distorted form. As noted by A.R. Alikberova and D.A. Balakin, "China's digital diplomacy is defen-

sive in nature. One of the priorities of the PRC's foreign policy is to create and promote a positive image of China and the Chinese people, and to clarify the country's foreign policy position on the most sensitive issues of international politics" [1, p. 79].

So, the transformation of the system of international relations has led to the development of new forms of interaction and cooperation between States. One of these forms is digital diplomacy, which is an alternative means of communication, which has involved not only representatives of the political elite of the world community, but also ordinary citizens who have the opportunity to convey their ideas about problems in the field of international relations through social networks.

Of course, digital technologies cannot completely replace the principles of diplomacy developed over the centuries, but their adaptation to the goals and functions of digital technologies has a positive effect on the ways to implement the main tasks of diplomatic activity, increases the effectiveness of its results and the level of openness and transparency.

Библиографический список

1. Alikberova A.R., Balakin D.A. Digital diplomacy with Chinese specificity // *Modern Oriental Studies*. 2019. № 1 (3). P. 77-81.
2. Permyakova L. Digital diplomacy: areas of work, risks and tools // URL: <https://www.bidd.org.rs/цифровая-дипломатия-направления-раб>.
3. Turchin Y. Electronic diplomacy as an important component of the foreign policy of the state. Information, Communication, Society: Proceedings of the International Scientific Conference. – Lvov: Slavsky Publishing House, 2014. P. 104-105.
4. Tsvetkova N.A. Public diplomacy and data diplomacy of the USA. - Saint-Petersburg.: Skifia-Print Publishing House, 2023. 78 p.
5. Digitality and artificial intelligence in the diplomacy service: analytical report / Edited by E.S. Zinovieva. – Moscow: MGIMO-University, 2024 68 p.
6. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // *Власть истории и история власти*. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
7. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Феномен лидерства в контексте современных кризисов и вызовов // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2021. № 1 (151). С. 9-19.
8. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2021. № 6 (156). С. 45-54.
9. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // *Власть истории и история власти*. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
10. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Боль разделенных городов - последствия геополитических игр // *Власть истории и история власти*. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 10-20.
11. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического прощета в истории // *Власть истории и история власти*. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневности (на примере образа ворот) // *Власть истории и история власти*. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантином // *Альманах Крым*. 2020. № 20. С. 11-22.
14. Рыбаков С.В., Рябова Е.Л. К вопросу об инновационном компоненте молодежной политике в Российской Федерации // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2019. № 11 (137). С. 44.
15. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диа-

- лога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.
16. Байханов И.Б. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры // Этносоциум и межнациональная культура, 2013. № 5 (59). С. 101-107.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
18. Байханов И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 7 (56). С. 705-712.
19. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142
20. Байханов И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
21. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
23. Байханов И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты // Этносоциум и межнациональная культура, 2020. № 1 (139). С. 69-76.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 2 (188). С. 9-17.
25. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Санитарный кордон: от медицины к геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 8 (194). С. 9-17.
26. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
27. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Электоральная культура в противодействии «цветным революциям» // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 7 (193). С. 9-17.
28. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 67 (192). С. 8-17.
29. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Государственная граница — пространство взаимодействия культур // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 9 (195). С. 9-17.
30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Символы границы и границы символов // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 11 (197). С. 33-42.
31. Байханов И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // Миссия конфессий, 2021. Т.10. № 6 (55). С. 615-623.
32. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Возможности веб-квеста в изучении теории государственного управления // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 1 (187). С. 9-18.
33. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Предметное поле государственного управления в системе политических наук // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 10 (184). С. 57-61.

References

1. Alikberova A.R., Balakin D.A. Digital diplomacy with Chinese specificity // Modern Oriental Studies. 2019. № 1 (3). P. 77-81.
2. Permyakova L. Digital diplomacy: areas of work, risks and tools // URL: <https://www.bidd.org/rs/цифровая-дипломатия-направления-раб>.
3. Turchin Y. Electronic diplomacy as an important component of the foreign policy of the state. Information, Communication, Society: Proceedings of the International Scientific Conference. – Lvov: Slavsky Publishing House, 2014. P. 104-105.
4. Tsvetkova N.A. Public diplomacy and data diplomacy of the USA. - Saint-Petersburg.: Skifia-Print Publishing House, 2023. 78 p.
5. Digitallity and artificial intelligence in the diplomacy service: analytical report / Edited by E.S. Zinovieva. – Moscow: MGIMO-University, 2024 68 p.
6. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Explicit and Hidden Meanings of Strikes // The Power of History and the History of Power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.
7. Biryukov S.V., Ryabova E.L. The Phenomenon of Leadership in the Context of Modern Crises and

- Challenges // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2021. № 1 (151). P. 9-19.
8. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Evolution of the Diplomatic Gift as an Indicator of Changes in International Relations // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2021. № 6 (156). P. 45-54.
9. Baykhanov I.B. Features of Human Resource Management in the Context of Global Change // *The Power of History and the History of Power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
10. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Pain of Divided Cities - the Consequences of Geopolitical Games // *The Power of History and the History of Power*. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 10-20.
11. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Adventure: the Price of Foreign Policy Miscalculation in History // *The Power of History and the History of Power*. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.
12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of Images of Everyday History (using the Image of the Gate as an Example) // *The Power of History and the History of Power*. 2021. Vol. 7. № 7 (33). P. 782-791.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical meanings of closed borders: reflections in connection with quarantine // *Almanac Crimea*. 2020. № 20. P. 11-22.
14. Rybakov S.V., Ryabova E.L. On the issue of the innovative component of youth policy in the Russian Federation // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2019. № 11 (137). P. 44.
15. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet communications - a modern tool for dialogue // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2019. № 3 (129). P. 9-25.
16. Baykhanov I.B. Internet, elections and formation of electoral culture // *Ethnosocium and interethnic culture*, 2013. № 5 (59). P. 101-107.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // *Almanac Crimea*. 2022. № 31. P. 61-72.
18. Baykhanov I.B. Formation of digital competencies in the context of transformation of educational systems // *Mission of confessions*, 2021. Vol. 10. № 7 (56). P. 705-712.
19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Connection of times and meanings: sacred trees // *Mission of confessions*. 2019. Vol. 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142
20. Baykhanov I.B. Geopolitical culture: as you name the ship // *Mission of confessions*. 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
21. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of implementation of activities // *The power of history - History of power*. 2024. Vol. 10. Part 3. (№ 53). P. 12-21.
22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // *The Power of History - History of Power*. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
23. Baykhanov I.B. State policy as a factor in the development of the national educational system: basic aspects // *Ethnosociety and interethnic culture*, 2020. № 1 (139). P. 69-76.
24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the aspect of the connection of traditional values with modernization // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 2 (188). P. 9-17.
25. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sanitary cordon: from medicine to geopolitics // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 8 (194). P. 9-17.
26. Baykhanov I.B. Features of human resource management in the context of global changes // *The power of history and the history of power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
27. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Electoral culture in counteracting "color revolutions" // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 7 (193). P. 9-17.
28. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. "Global East": historical reality or geopolitical fiction // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 67 (192). P. 8-17.
29. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. State border — a space of interaction of cultures // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 9 (195). P. 9-17.
30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Symbols of border and boundaries of symbols // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 11 (197). P. 33-42.
31. Baykhanov I.B. Youth in the digital world: self-assessment of the formation of digital competencies of applicants to Moscow universities // *Mission of confessions*, 2021. Vol. 10. № 6 (55). P. 615-623.
32. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Possibilities of a web quest in studying the theory of public administration // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2024. № 1 (187). P. 9-18.
33. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Subject field of public administration in the system of political sciences // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2023. № 10 (184). P. 57-61.

Пайзулаева Б.А.

Заместитель директора по учебно-воспитательной работе, Дагестанский гуманитарный институт (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений».

Управление процессом формирования профессиональных компетенций в практико-ориентированной образовательной среде*

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования профессиональных компетенций в условиях практико-ориентированной образовательной среды. Анализируются ключевые компоненты профессиональных компетенций, включая когнитивный, практический, личностный и социальный аспекты. Особое внимание уделено практико-ориентированной образовательной среде как системе, интегрирующей теоретическое обучение и практическую подготовку. Описаны основные этапы управления процессом формирования компетенций, включая планирование, организацию, реализацию и контроль.

Подробно рассматриваются методы формирования профессиональных компетенций, такие как проектное обучение, кейс-методы, стажировки, деловые игры, симуляции и менторство. Подчеркивается роль образовательных учреждений и работодателей в подготовке квалифицированных специалистов, их совместное участие в разработке и корректировке учебных программ, а также в организации практик и стажировок.

Отмечены вызовы, с которыми сталкивается практико-ориентированное образование, включая необходимость обновления образовательных программ, дефицит ресурсов и разрыв между теорией и практикой. Предложены перспективы, связанные с использованием цифровых технологий и развитием систем оценки качества подготовки специалистов. Сделан вывод о важности комплексного подхода для успешной подготовки специалистов, адаптированных к требованиям современного рынка труда.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, практико-ориентированное образование, интеграция теории и практики, методы обучения, кейс-метод, стажировки и практики, взаимодействие с работодателями, управление процессом обучения.

Payzulayeva B.A.

Deputy Director for Educational Work, Dagestan Humanitarian Institute (branch) Educational institution of trade unions of higher education "Academy of Labor and Social Relations".

Managing the process of professional competence formation in a practice-oriented educational environment

* © Пайзулаева Б.А., 2025.

Управление процессом формирования профессиональных компетенций в практико-ориентированной образовательной среде

Abstract. The article examines the problem of professional competence formation in a practice-oriented educational environment. The key components of professional competencies, including cognitive, practical, personal and social aspects, are analyzed. Special attention is paid to the practice-oriented educational environment as a system integrating theoretical education and practical training. The main stages of managing the competence formation process, including planning, organization, implementation and control, are described.

Methods of professional competence formation, such as project training, case studies, internships, business games, simulations, and mentoring, are discussed in detail. The role of educational institutions and employers in the training of qualified specialists, their joint participation in the development and adjustment of curricula, as well as in the organization of internships and internships is emphasized.

The challenges that practice-based education faces are highlighted, including the need to update educational programs, resource scarcity, and the gap between theory and practice. Prospects related to the use of digital technologies and the development of systems for assessing the quality of specialist training are proposed. The conclusion is made about the importance of an integrated approach for the successful training of specialists adapted to the requirements of the modern labor market.

Key words: professional competencies, practice-oriented education, integration of theory and practice, teaching methods, case method, internships and practices, interaction with employers, learning process management.

Современное образование сталкивается с необходимостью подготовки специалистов, обладающих не только теоретическими знаниями, но и практическими умениями, соответствующими требованиям быстро меняющегося рынка труда. В этой связи актуальность приобретает формирование профессиональных компетенций, которые становятся основой успешной профессиональной деятельности выпускников. Одним из эффективных подходов к решению данной задачи является создание практико-ориентированной образовательной среды, где управление процессом формирования компетенций выступает ключевым фактором достижения образовательных целей¹.

Формирование профессиональных компетенций — это сложный и многогранный процесс, который требует комплексного подхода и взаимодействия различных участников образовательного процесса. Включение студентов в активную практическую деятельность, разработка инновационных методов обучения и внедрение современных технологий являются важными элементами эффективного управления этим процессом². Однако для успешной реализации этой задачи необходимо учитывать множество факторов, таких как специфика профессиональной деятельности, актуальные требования рынка труда, техническая оснащённость образовательных

1 Солянкина Л.Е., Солянкин А.В. Практико-ориентированный характер информационно-образовательной среды в вузе. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (106). С. 199-202.

2 Иванова О.А. Практико-ориентированная образовательная среда как средство профессионального становления специалиста. Проблемы и перспективы развития образования в России. 2015. № 34. С. 137-140.

учреждений и квалификация преподавательского состава³.

Профессиональные компетенции представляют собой совокупность знаний, умений, навыков и личностных качеств, необходимых для успешного выполнения профессиональных задач. В их структуру включаются следующие компоненты:

1. Когнитивный компонент — знание теоретических основ и методов, необходимых для профессиональной деятельности. Этот компонент включает понимание ключевых концепций, принципов и методологических основ профессии.

2. Практический компонент — умение применять теоретические знания в конкретных профессиональных ситуациях. Практическая составляющая компетенций развивается через выполнение реальных или моделируемых профессиональных задач.

3. Личностный компонент — качества, способствующие эффективной работе, включая ответственность, коммуникабельность, инициативность, стрессоустойчивость и критическое мышление.

4. Социальный компонент — умение работать в коллективе, выстраивать деловые отношения, взаимодействовать с коллегами и клиентами, а также адаптироваться к изменениям в профессиональной среде.

Компетенции подразделяются на универсальные и профессиональные. Универсальные компетенции (soft skills) включают способность к критическому мышлению, командной работе, эффективным коммуникациям, самоорганизации и решению сложных задач. Профессиональные компетенции (hard skills) связаны с конкретной областью профессиональной деятельности и определяются требованиями отраслевых стандартов⁴. Например, для инженеров это могут быть навыки проектирования, анализа данных и работы с техническим оборудованием, а для врачей — умение проводить диагностику и применять современные методы лечения.

Профессиональные компетенции формируются на протяжении всего образовательного процесса, начиная с освоения базовых дисциплин и заканчивая профессиональными стажировками. Управление этим процессом требует системного подхода, включающего планирование, организацию, контроль и оценку результатов обучения.

Практико-ориентированная образовательная среда представляет собой сложную систему, направленную на интеграцию теоретического обучения и практической подготовки. В рамках такой среды основное внимание уделяется применению активных методов обучения, которые обеспечи-

3 Максимова М.В. Практико-ориентированная образовательная среда как средство развития учебной мотивации обучающихся колледжа. Монография. – М.: Москва, 2019.

4 Татаринцева Н.Ю. Профессионально-ориентированная образовательная среда университета как фактор формирования личностно-профессиональной компетенции будущих педагогов. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 1 (69). С. 287-293.

вают вовлечённость студентов в процесс решения реальных профессиональных задач. Важным элементом практико-ориентированного подхода является сотрудничество образовательных учреждений с работодателями, которое позволяет актуализировать учебные программы и предоставлять студентам возможности для стажировок и практики. Использование современных технологий, таких как виртуальные лаборатории и симуляционные центры, способствует созданию условий для моделирования профессиональной деятельности. Это, в свою очередь, позволяет студентам отрабатывать навыки в безопасной и контролируемой среде, что особенно важно для подготовки специалистов в таких областях, как медицина, инженерия и авиация.

Техническое и технологическое оснащение образовательных учреждений играет ключевую роль в реализации практико-ориентированного подхода. Современные лаборатории, специализированное оборудование и программное обеспечение создают базу для эффективного обучения и позволяют моделировать сложные профессиональные ситуации.

Ещё одной важной характеристикой практико-ориентированной образовательной среды является индивидуализация обучения. Это достигается за счёт гибких учебных планов, адаптированных под интересы, способности и профессиональные цели студентов. Индивидуальный подход к обучению позволяет учитывать особенности каждого учащегося и создавать условия для их максимальной самореализации⁵. Помимо этого, практико-ориентированная среда способствует формированию у студентов навыков самоуправления, критического мышления и адаптации к профессиональной деятельности. Важным аспектом является использование активных методов обучения, таких как кейс-методы, проектная деятельность, деловые игры и симуляции. Эти методы стимулируют студентов к самостоятельному анализу и решению практических задач, что способствует развитию как профессиональных, так и универсальных компетенций. Например, участие в реальных проектах позволяет студентам приобрести ценный опыт работы в команде, решении проблем и принятии решений в условиях неопределённости.

Таким образом, практико-ориентированная образовательная среда представляет собой неотъемлемую часть современной образовательной системы, направленной на подготовку высококвалифицированных специалистов, способных успешно адаптироваться к требованиям рынка труда.

Эффективное управление процессом формирования профессиональных компетенций требует системного подхода, который включает следующие этапы (рисунок 1).

5 Бекиров С.Н. Основные аспекты содержания индивидуализации и дифференциации обучения студентов в высшей школе на современном этапе. Педагогический вестник. 2022. № 24. С. 12-13.

Для формирования профессиональных компетенций используются различные методы и инструменты, среди которых выделяются проектное обучение, кейс-метод, стажировки и практики, деловые игры и симуляции, менторство, а также методы электронного и платформенного обучения. Рассмотрим эти методы подробнее.

Проектное обучение. Студенты работают над реальными проектами, решая задачи, близкие к профессиональной деятельности. Это способствует развитию как профессиональных, так и универсальных компетенций. Например, разработка программного обеспечения для заказчика или проектирование инженерных систем требует интеграции теоретических знаний и практических навыков.

Кейс-метод. Анализ практических ситуаций и поиск решений развивают аналитические и практические навыки. Студенты обучаются решению проблем, которые возникают в профессиональной деятельности, оценивают возможные риски и принимают обоснованные решения.

Стажировки и практики. Позволяют студентам получить опыт работы в реальных условиях, ознакомиться с профессиональной средой и ожиданиями работодателей. Это особенно важно для студентов технических, медицинских и педагогических специальностей, где практический опыт играет ключевую роль.

Деловые игры и симуляции. Моделирование профессиональных процессов помогает студентам отработать навыки принятия решений, управления и коммуникации. Например, в бизнес-школах используются симуляторы управления компаниями, а в медицинских вузах — симуляторы для отработки навыков оказания неотложной помощи.

Электронное обучение и онлайн-платформы. Использование цифровых технологий расширяет доступ к образовательным ресурсам и позволяет адаптировать процесс обучения к индивидуальным потребностям студентов. Платформы, такие как Coursera, EdX и специализированные LMS, предоставляют возможность изучать актуальные курсы и проходить сертификацию.

Менторство. Наставничество со стороны опытных профессионалов помогает студентам получить персонализированную поддержку и советы, основанные на реальном профессиональном опыте.

Роль образовательных учреждений и работодателей в формировании профессиональных компетенций студентов является одной из ключевых составляющих успеха этого процесса.

Образовательные учреждения обеспечивают создание методической и технической базы для реализации практико-ориентированного подхода. Они разрабатывают учебные программы, учитывая современные требования рынка труда, организуют стажировки и практику, создают условия для использования современных технологий и активно применяют инноваци-

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

1. Планирование.

На этом этапе определяются цели, задачи и результаты обучения. Разрабатываются программы и учебные планы с учётом требований профессиональных стандартов, запросов работодателей и актуальных тенденций в развитии профессиональной сферы. Особое внимание уделяется определению индикаторов для оценки уровня сформированности компетенций.

2. Организация.

Создаётся практико-ориентированная образовательная среда, включающая оборудование, технологии и методическое обеспечение. Особое внимание уделяется подбору квалифицированных преподавателей и наставников, а также созданию условий для эффективного взаимодействия студентов с профессиональной средой.

3. Реализация.

Процесс обучения строится на основе активных методов, обеспечивающих вовлеченность студентов и их практическую подготовку. Важным элементом являются стажировки, практика и участие студентов в реальных проектах. Например, студенты инженерных специальностей могут участвовать в разработке технологических решений, а студенты медицинских факультетов — в диагностике и лечении пациентов под руководством наставников.

4. Контроль и оценка.

Проводится мониторинг процесса обучения и оценка сформированных компетенций. Применяются методы тестирования, оценки портфолио, анализа выполненных проектов, обратной связи от работодателей и самооценки студентов. На основе полученных данных корректируются учебные планы и программы.

Рисунок 1. Этапы управления процессом формирования профессиональных компетенций.

онные методы обучения. Преподаватели и наставники играют значительную роль, направляя студентов и помогая им освоить как теоретические основы, так и практические навыки, необходимые для профессиональной деятельности. Образовательные учреждения стремятся выстроить партнёрские отношения с работодателями для адаптации учебных программ под потребности реального сектора экономики, что способствует более

эффективной подготовке специалистов.

С другой стороны, работодатели участвуют в разработке и корректировке образовательных программ, предоставляют места для прохождения практики, оценивают уровень подготовки студентов и поддерживают молодых специалистов на этапе их адаптации к профессиональной деятельности. Их вклад не ограничивается предоставлением ресурсов для обучения; работодатели также могут выступать в качестве наставников, предоставлять студентам возможность решать реальные профессиональные задачи, проводить мастер-классы и тренинги.

Совместная работа образовательных учреждений и работодателей способствует формированию компетенций, необходимых для эффективной работы в современных условиях, и позволяет минимизировать разрыв между теоретической подготовкой и практическими навыками. Такой подход, ориентированный на интеграцию усилий всех участников образовательного процесса, способствует успешной профессиональной реализации выпускников и их быстрой адаптации к требованиям рынка труда⁶.

Несмотря на очевидные преимущества практико-ориентированной образовательной среды, существует ряд вызовов, связанных с её реализацией. Прежде всего, это необходимость постоянного обновления программ. Быстрое развитие технологий и изменений на рынке труда требует регулярной корректировки образовательных программ, что требует значительных временных и кадровых ресурсов.

Практико-ориентированная образовательная среда часто сталкивается с проблемой дефицита ресурсов. Организация практико-ориентированного обучения требует значительных материальных и кадровых ресурсов, включая современные лаборатории, оборудование и квалифицированных преподавателей.

Наблюдается ярко выраженный разрыв между теорией и практикой. В некоторых случаях учебные заведения не успевают адаптировать свои программы под потребности работодателей. Это приводит к необходимости дополнительного обучения выпускников на предприятиях. Кроме того, требуются специалисты, способные эффективно реализовывать практико-ориентированные методики обучения. Это включает повышение квалификации педагогов, их стажировки на предприятиях и участие в научных исследованиях.

Большое значение имеет также развитие систем оценки качества подготовки специалистов, основанных на профессиональных стандартах. Важным направлением является использование искусственного интеллекта и больших данных для индивидуализации образовательного процесса и

6 *Сергеев И.Б., Буйневич Д.В.* Важность взаимодействия университета и работодателя при подготовке специалистов государственного и муниципального управления. Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2022. Т. 13. № 3 (55). С. 72-78.

повышения его эффективности.

Таким образом, управление процессом формирования профессиональных компетенций в практико-ориентированной образовательной среде является важным элементом современной образовательной системы. Этот процесс требует интеграции теоретического и практического обучения, активного взаимодействия с работодателями и использования современных технологий. Только комплексный подход позволяет создать условия для подготовки квалифицированных специалистов, способных успешно адаптироваться к вызовам современного рынка труда.

Внедрение практико-ориентированных подходов в образовательную среду способствует не только повышению качества подготовки выпускников, но и развитию системы образования в целом, что делает её более гибкой и ответственной к запросам общества и экономики.

Библиографический список

1. Бекиров С.Н. основные аспекты содержания индивидуализации и дифференциации обучения студентов в высшей школе на современном этапе. Педагогический вестник. 2022. № 24. С. 12-13.
2. Иванова О.А. Практико-ориентированная образовательная среда как средство профессионального становления специалиста. Проблемы и перспективы развития образования в России. 2015. № 34. С. 137-140.
3. Максимова М.В. Практико-ориентированная образовательная среда как средство развития учебной мотивации обучающихся колледжа. Монография. – М.: Москва, 2019.
4. Сергеев И.Б., Буйневич Д.В. Важность взаимодействия университета и работодателя при подготовке специалистов государственного и муниципального управления. Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2022. Т. 13. № 3 (55). С. 72-78.
5. Солянкина Л.Е., Солянкин А.В. Практико-ориентированный характер информационно-образовательной среды в вузе. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (106). С. 199-202.
6. Татаринцева Н.Ю. профессионально-ориентированная образовательная среда университета как фактор формирования личностно-профессиональной компетенции будущих педагогов. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 1 (69). С. 287-293.

References

1. Bekirov S.N. The main aspects of the content of individualization and differentiation of student learning in higher education at the present stage. Pedagogical Bulletin. 2022. № 24. P. 12-13.
2. Ivanova O.A. Practice-oriented educational environment as a means of professional development of a specialist. Problems and prospects for the development of education in Russia. 2015. № 34. P. 137-140.
3. Maksimova M.V. Practice-oriented educational environment as a means of developing educational-motivation of college students. Monograph. – M.: Moscow, 2019.
4. Sergeev I.B., Buinevich D.V. The importance of interaction between the university and the employer in the training of specialists in public and municipal administration. Scientific works of the North-West Institute of Management RANEP. 2022. Vol. 13. № 3 (55). P. 72-78.
5. Solyankina L.E., Solyankin A.V. Practice-oriented nature of the information and educational environment at the university. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2012. № 2 (106). P. 199-202.
6. Tatarintseva N.Yu. Professionally-oriented educational environment of the university as a factor in the formation of personal and professional competence of future teachers. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2024. № 1 (69). P. 287-293.

Аннотации

Яо Сыцунхуэй
Будкеев С.М.

Орнаментальный декор фасадов и художественная роспись дворцовых ансамблей эпох Мин И Цин

В настоящей научной работе автор кратко анализирует особенности орнаментального декора фасадов и художественной росписи дворцовых ансамблей эпох Мин и Цин. В статье рассматривается несколько конкретных примеров известных исторических и культурных памятников Китая, сохранивших свою самобытность и уникальность. Далее автор анализирует орнаментальную и декоративную часть, выделяет их характерные особенности. В заключении статьи автор отмечает, что данная тема продолжает оставаться актуальной и для современных исследователей – историков, культурологов, искусствоведов. Объектом данного исследования являются особенности орнаментального декора фасадов и художественной росписи дворцовых ансамблей эпох Мин и Цин. Целью данного исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей орнаментального декора фасадов и художественной росписи дворцовых ансамблей эпох Мин и Цин. Методы данного исследования: сравнительный анализ, диалектический, статистический, математический, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровня научного познания. Научная новизна данного исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей орнаментального декора фасадов и художественной росписи дворцовых ансамблей эпох Мин и Цин. Данная научная статья будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу экономических и иных направлений подготовки, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами и перспективами развития орнаментального декора фасадов и художественной росписи дворцовых ансамблей эпох Мин и Цин, китайской культуры в целом.

Ключевые слова: орнаментальный декор, орнамент, художественная роспись, искусство Китая, династия Мин, династия Цин, декоративное искусство, история Китая.

Напсо М.Д.
Агирбев Т.А.

Мода как социокультурный тренд современности

В статье исследуется мода как важнейший социальный и культурный феномен, оказывающий глубокое воздействие на всю область социальных отношений, на сознание и поведение индивидов. Рассматриваются сущность моды, ее противоречивые характеристики. Мода анализируется с различных точек зрения: как механизм адаптации и социализации, как инструмент идентификации и самоидентификации, как форма демонстрации социального статуса и успеха, как способ социального регулирования. Показывается значимость моды как социального транслятора, как фактора, стирающего социальные различия. Исследуются изменчивость моды, ее востребованность обществом потребления. Выявляются риски зависимости от требований моды, которые ведут к возникновению различных форм социального отчуждения.

Ключевые слова: общество потребления, мода, подражание, модный тренд, социальные различия, идентификация, символ.

Новикова-Бородина С.В.

Музыкальное произведение как олицетворение образа, воплощающего эстетический идеал в контекстах понятий творчество, неприкосновенность, текст (на примере современных филармонических концертных программ для детей)

В статье анализируется понятие «музыкальное произведение» в контексте современной концертной практики. При этом подчеркивается важность различения художественного произведения и синтезированного проекта.

Автор, являясь дипломированным композитором, имеющим значительный опыт сотрудничества с государственными филармониями России, обосновывает необходимость создания высокохудожественных авторских произведений для детской аудитории, которые должны стать неотъемлемой частью современной концертной жизни.

Рассматривается проблема выхолащивания содержания филармонических концертов синтезированными проектами, которые превалируют в программах филармоний, сдерживая развитие профессионального композиторского творчества. В связи с этим, автор обосновывает необходимость создания специализированного законодательства, регулирующего отношения в данной сфере.

Статья адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современного музыкального искусства, педагогики и психологии искусства, деятелям сферы культуры: составителям, ведущим и дирижёрам концертных филармонических программ, руководителям филармоний и т.д.

Ключевые слова: филармония, психология и педагогика искусства, младшие школьники, музыка, концерт, творчество, сказка с оркестром, неприкосновенность произведения.

Саипунайцайяр Долайти

Уйгурский перевод терминов китайской медицины в романе

«Сон в красном тереме»: культурная коннотация и стратегия точности перевода как перспектива

Данная статья подробно рассматривает уйгурский перевод терминов китайской медицины в романе «Сон в красном тереме». Автор статьи на конкретных примерах анализирует эффективность перевода в аспекте передачи культурных коннотаций и использования переводческих стратегий. В романе «Сон в красном тереме» широко раскрывается тема китайской медицины. Автор подчеркивает, что уйгурский перевод романа вносит определенный вклад в распространение культуры китайской медицины. Цель настоящей статьи – предложить переводческие стратегии, использование которых может способствовать эффективному распространению культуры китайской медицины, и повысить уровень исследований перевода в сфере китайской медицины.

Ключевые слова: классическая китайская литература, китайско-уйгурский перевод романа «Сон в красном тереме», терминология китайской медицины, «Сон в красном тереме», стратегии перевода.

Ткачук И.Б.

Феномен культуры преодоления:

система индивидуальных ценностей в стратегиях личностного роста

В статье представлен феномен культуры преодоления как результат исследования автором стратегий личностного роста. Мы рассматриваем этот феномен в корреляции с процессами социализации и инкультурации, представляя культуру преодоления на нескольких уровнях: в материальной и духовной сфере, традициях и новациях, языке и литературе, творчестве. Специфика этого феномена является своеобразной культурной тенденцией, отражающей уникальность актуального периода истории культуры: оптимальность выбора стратегии, направленной на способность личности: усвоить существующие в культуре ценности, встроиться в систему норм, сохранить индивидуальность и неповторимость. Культура преодоления представляет собой рефлексию личности во взаимодействии с социальными факторами и культурными процессами, происходящими в определенный период истории. Рефлексия, демонстрирующая индивидуальную систему ценностей личности, раскрывается: в аффектах, паттернах и воле - компонентах стратегии личностного роста. Автор рассматривает выбор индивидуальной системы ценностей не только как биологическую интуитивную способность человека предвидеть опасность и избегать ее, но и как социокультурную специфику выбора человека, предполагающую результат его действий — продуктивное достижение поставленной цели — через стратегии конфликта, балансирования или сублимации. Распространенность определенного типа стратегии личностного роста в определенный пе-

риод истории создает картину культуры преодоления народа и страны, фиксируя изменение личностных качеств индивидов, изменяющих мир в целом. Автор обращается к фактам из истории культуры и искусства, демонстрируя примеры культуры преодоления.

Ключевые слова: культура преодоления, стратегии личностного роста, социализация, инкультурация, материальная и духовная культура, традиции и новации, ценности и нормы, язык и литература, социальная культура.

Гриценко Р.А.

От Пушкина до цифровых фестивалей: история трансформации русского культурного влияния в Южной Корее

Статья исследует эволюцию культурного диалога между Россией и Южной Кореей, начиная с конца XIX века до наших дней. Анализируя ключевые этапы — от проникновения русской классической литературы, ставшей инструментом национального самосознания в эпоху колониализма, до современных театральных экспериментов и цифровых фестивалей, — работа раскрывает, как традиции и инновации формируют уникальный синтез культур. Особое внимание уделяется парадоксам взаимовлияния: элитарность русского театра в Корее соседствует с народной адаптацией пушкинских афоризмов, а советская анимация вдохновляет цифровые проекты. Статья доказывает, что культурный обмен между странами — не просто заимствование, а творческое переосмысление, где каждая эпоха добавляет новые грани в диалог, отраженный в литературе, искусстве и даже кулинарных экспериментах.

Ключевые слова: культурное влияние России, русская литература в Корее, межкультурный синтез, театральный диалог, современные фестивали.

Докучаева М.Н.

Диалектика коммуникативной природы джаза

Представленное исследование посвящено рассмотрению влияния джазовой импровизации с точки зрения превращения джаза в уникальную и универсальную форму общения между музыкантами, оказывающую влияние на формы отношений между людьми во всем мире. Данный феномен объясняется тем, что умение передать друг другу музыкальную мысль и развить её приводит к тому, что люди, научившись в музыкальном сотворчестве слышать друг друга, начинают «слышать» окружающий мир и интонационные коды общения людей независимо от того, в какой части света они живут.

Цель работы – анализ диалектики коммуникативной природы инструментального и вокального джаза в их исторически сложившихся направлениях и эволюции от истоков до современности. Методологическую основу данной работы составили отечественные и зарубежные исследования, раскрывающие историю и эволюцию джаза, его стилистики и музыкального языка, изучение джазовой импровизации, феномен которой позволил раскрыть исторически складывающуюся диалектику коммуникативной природы джаза.

Ключевые слова: коммуникация, джаз, jam-session (джет-сэйшен), импровизация, вокал, блюз, инструментальная музыка.

Киреев М.Н.

Енина С.А.

Аникеев Д.В.

Особенности формирования личностной идентичности в досуговой деятельности

Идентичность личности – это сложное и многогранное понятие, описывающее чувство собственного «Я», совокупность представлений человека о себе, своих качествах, особенностях и месте в мире. Это не статичная величина, а динамический процесс, постоянно формирующийся и изменяющийся на протяжении всей жизни.

Досуговая деятельность оказывает значительное влияние на формирование и развитие идентичности личности, действуя как своего рода «лаборатория самопознания».

Важно осознанно выбирать досуговые занятия, которые способствуют личностному росту и развитию гармоничной личности. Кроме того, доступность и разнообразие досуговых

возможностей также играют значительную роль в формировании идентичности. Ограниченный доступ к досуговым ресурсам может негативно повлиять на развитие личности.

Ключевые слова: идентичность, досуг, культурно-досуговая деятельность, самопознание.

Мирошниченко Е.В.

Калашникова Н.Н.

Сыровацкий Е.Ю.

Развитие творческой активности молодежи посредством волонтерской деятельности

В статье ставится задача рассмотреть специфику волонтерства, основные мотивы волонтерской деятельности. Раскрыты некоторые принципы взаимоотношения организаций с волонтерами. Частично освещена волонтерская деятельность в сфере культуры, влияние волонтерства на гражданско-патриотическое воспитание молодежи.

Ключевые слова: волонтерство, культура, социальная деятельность, движения, объединения, добровольчество, общественные организации.

Шиндель С.В.

Семёнова Т.В.

Зражевская Е.О.

Язык как «дом бытия» и «философия» почвы: рецепция немецких мыслителей этнической лингвокультуры

В статье рассматривается взаимосвязь экзистенциальных категорий «язык» и «почва», которая волновала выдающихся носителей немецкого языка и культуры XIX-XX веков – писателей Г. Бёлля и Э. Юнгера, философов М. Хайдеггера и О. Шпенглера. Взгляды мыслителей находятся в корреляции, и могут быть интерпретированы как триединство почва-кровь-язык (Boden-Blut-Sprache). Образно и предельно точно определяет сущность родного языка как «удостоверения, которое никто не должен подписывать или продлевать» гуманист Генрих Бёллер. Его соотечественник, Эрнст Юнгер – писатель, философ – скрупулёзно описывает в своем дневнике «Излучения» опыты по возделыванию почвы, тем самым на подсознательном уровне актуализируя дихотомию – язык и почва. Язык по Мартину Хайдеггеру – это «дом бытия», дом, возникший на почве диалектов. «Прафеномен» или прообраз всего сущего, незыблемая основа (почва) для культуры – такова природа языка, по мнению Освальда Шпенглера. На наш взгляд, философские умозаключения мыслителей свидетельствуют о материалистичности и категоричности этнической лингвокультуры, особенности которой обнаруживаются в грамматическом строе, фонетике, морфологии немецкого языка. Междисциплинарный подход в русле лингвокультурологии позволяет выявить данную взаимосвязь, и представляется целесообразным как с точки зрения понимания, так и методики преподавания немецкого языка, что, в свою очередь, свидетельствует о практической значимости представленной статьи.

Ключевые слова: немецкий язык, этническая лингвокультура, Г. Бёллер, Э. Юнгер, М. Хайдеггер, О. Шпенглер.

Юань Чжэньцзюнь

Влияние европейских традиций на развитие системы академического пения в Китае

В данной статье рассмотрено влияние европейских традиций вокала на систему академического пения в Китае. В частности, указано, что наибольшее влияние на систему академического пения в Китае оказало европейское пение бельканто – благодаря его использованию удалось улучшить систему китайского академического пения – произвести работу с диафрагмой, проработать резонирующие полости для пения.

Ключевые слова: академическое пение в Китае, бельканто, пение бельканто, западный метод пения, традиционное пение Китая.

Ферзба Г.О.**Синергия академического и эстрадного вокального искусства на примере развития Classical crossover**

Статья посвящена синтезу академического и эстрадного искусства в контексте становления и популяризации жанра Classical crossover, как в современном отечественном исполнительстве, так и в мировой музыкальной культуре.

Жанр Classical crossover представляет собой уникальную синергию академической и эстрадной музыки, которая за последние десятилетия привлекла внимание, как профессионалов, так и широкой публики. Classical crossover сочетает в себе элементы классической музыки с популярными жанрами, что позволяет создавать инновационные музыкальные произведения и расширять границы традиционного музыкального искусства.

Растущий интерес к жанру и рассмотрение его влияния на современную культуру, посредством появления новых вокальных конкурсов, шоу и телевизионных проектов, и появление новых артистов популяризирующих Classical crossover, актуальны и сегодня.

Ключевые слова: синергия, современное музыкальное искусство, Classical crossover, мюзикл.

Пэн Лимин**Отражение взаимосвязи понятий повседневность в живописи китайских художников**

В статье рассматривается возможность изучения культуры повседневности азиатской страны с помощью анализа художественных произведений, создаваемых современными китайскими живописцами. Учитывая, что воспроизводимые сюжеты бытового жанра, уличные зарисовки, фиксируют определенные настроения, детали быта, труды прочие подробности существования человека, авторы анализируют культурные ценности страны, определяющие каждое конкретное произведение китайских художников. Культурная идентичность, очевидная в соответствии с набором символических смыслов, выявляемых в живописных произведениях, равно как и повседневность, представленная многослойно, осознаются взаимосвязанными именно потому, что произведения искусства, транслирующие их, являются не только способом самовыражения, сколько суммированием ценностей традиционной культуры, репрезентацией национального образа мира. Авторы подчеркивают необходимость изучения повседневной жизни и культурной идентичности, обращая внимание на произведения живописи китайских художников, позволяющие открывать новые горизонты исследований в этой области.

Ключевые слова: Китай, маркер, повседневность, культурная идентичность, современность, живопись.

Гу ЦзяюаньМетляева Т.В.**Образ России в творчестве китайских художников: диалог культур**

В статье исследуется образ России в произведениях китайских художников в разные временные периоды, анализируется исторический аспект художественного обмена между Китаем и Россией, влияние художественных стилей и техник на развитие художественного творчества китайских художников. Прослеживается как по мере углубления культурного обмена, формировался художественный стиль китайских художников и как менялся образ России в географических пейзажах, городском пространстве и образе человека изображаемых в произведениях китайских художников в период с середины XX в. и по настоящее время. В советский период китайское искусство находилось под влиянием реалистического стиля, что сказалось в дальнейшем на китайской живописи в целом. В настоящее время культурный обмен между Китаем и Россией стал более разнообразным что, способствует развитию и взаимному обогащению различных творческих направлений, в том числе и изобразительного искусства обеих стран.

В настоящем исследовании, на примере отдельных работ китайских живописцев, представлен образ России через изображение природных пейзажей и городского пространства тех городов, где обучались или путешествовали художники из Китая, а также через образы

русских персонажей с ярко выраженными индивидуальными чертами. Эти произведения не только демонстрируют глубокое понимание и восприятие российской культуры китайскими художниками, но и отражают их тонкое восприятие образа другой страны.

Объектом исследования выступает образ России, предмет – динамика образа России в творчестве китайских художников в период с середины XX в. и по настоящее время. Цель данной статьи – исследовать динамику образа России в китайской живописи с середины XX по настоящее время и проследить влияние художественных стилей и техник русской художественной школы на творчество китайских художников. В работе применялись структурно-функциональный подход, методы анализа и синтеза: на основе анализа отечественных и зарубежных сайтов научных исследований, проведен сбор основной информации по теме – динамика образа России в китайской живописи с середины XX по настоящее время. Диалог культур.

Ключевые слова: изобразительное искусство, художественное творчество, городской пейзаж, образ России, культурный обмен, художественные стиль и жанр, межкультурный диалог.

Нанко М.Д.
Агирбов Т.А.

Мода как социокультурный тренд современности

В статье исследуется мода как важнейший социальный и культурный феномен, оказывающий глубокое воздействие на всю область социальных отношений, на сознание и поведение индивидов. Рассматриваются сущность моды, ее противоречивые характеристики. Мода анализируется с различных точек зрения: как механизм адаптации и социализации, как инструмент идентификации и самоидентификации, как форма демонстрации социального статуса и успеха, как способ социального регулирования. Показывается значимость моды как социального транслятора, как фактора, стирающего социальные различия. Исследуются изменчивость моды, ее востребованность обществом потребления. Выявляются риски зависимости от требований моды, которые ведут к возникновению различных форм социального отчуждения.

Ключевые слова: общество потребления, мода, подражание, модный тренд, социальные различия, идентификация, символ.

Новиков Д.В.
Ултургашева Н.Д.

Этническая информация и этнокультурные стереотипы в региональной прессе

Кузбасса (период «возрождения» автохтонных этносов, 1990 г. - 2004 г.)

В кузбасской прессе постсоветского периода сложилось направление, освещающее развернувшиеся этнокультурные инициативы многонационального по составу населения региона. В статье, на основании проведенного автором контент-анализа предпринята попытка охарактеризовать стереотипы, транслируемые областной прессой посредством этнической информации. Достаточно активная позиция представителей коренных этносов (проживающих на территории Кемеровской области шорцев и телеутов) в творческом осмыслении и развитии своего культурного наследия, определила и заинтересованное внимание к ним со стороны журналистов. Разнообразие форм этнокультурной самопрезентации народов, их выход на уровень социально значимых мероприятий, как и постоянное информационное обеспечение со стороны СМИ делают актуальным исследование образа данного явления, транслируемого в массовое сознание региональной прессой. На этапе организационного оформления «движения по этнокультурному возрождению» в Кузбассе (который вполне укладывается в заявленные хронологические рамки), сложилась и специфика его отражения региональной периодической печатью. Последняя достаточно явно прослеживается по материалам массовых изданий областного масштаба (таких, как газеты «Кузбасс», «Кузнецкий край»). Практически все проанализированные сюжеты нацелены на формирование в читательской аудитории конструктивного образа как межэтнических отношений в регионе, так

и деятельности областных и районных властей в «этнической» сфере. Это проявляется в освещаемой тематике (например, массовые этнокультурные мероприятия, социальное обеспечение отдаленных поселков с автохтонным шорским населением, участие институтов гражданского общества в жизни региона), а также в явно прослеживаемой «солидарной» (либо нейтральной) позиции самих авторов газетных материалов.

Ключевые слова: региональная пресса, этнокультурное возрождение, национальная политика, образ, многонациональный Кузбасс, межкультурный диалог, наследие, массовое сознание.

Ван Нин

Международные отношения и мировая политика в условиях цифровизации общества

В данной статье анализируется влияние цифровых технологий на систему международных отношений и международную политику. Рассмотрев содержание термина «цифровая политика», автор статьи затрагивает проблему взаимоотношений феномена цифровизации, проникшего во все сферы человеческой жизнедеятельности, и международной политики, которая в современную эпоху претерпела существенные трансформации, связанные с использованием цифровых технологий во внешней политике. Особое внимание в статье уделяется такому кластеру международной цифровой политики, как цифровая дипломатия, которая позволяет расширять коммуникационные процессы путем сетевого общения, создав новую модель международных отношений. Автор статьи также останавливается на использовании в международной политике дипломатии данных, принцип которой поясняется на примере сбора информации о политических конфликтах. На основе представленного в статье материала делается вывод, что цифровая международная политика – это новый уровень взаимодействия как между государствами, так и между государствами и гражданами.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая политика, цифровая дипломатия, большие данные, международные отношения.

Калмыкова М.В.

Кулинарная самобытность Северо-Восточной Италии: от традиций к особенностям

Северо-Восточная Италия включает в себя регионы Трентино-Альто-Адижде, Венето, Эмилия-Романью и Фриули-Венеция-Джулия, представляет собой уникальный регион с ярко выраженной кулинарной самобытностью. Сравнительно с Южной и Центральной Италией, климат этих областей более умеренный, что влияет на характер потребляемых продуктов. В то время как средиземноморская диета, включающая оливковое масло, пшеницу и вино, остается основной, на Севере она дополняется блюдами из мяса, а также активно используется рис и кукуруза. В Трентино-Альто-Адижде, например, доминирует животноводство, что обуславливает высокий уровень потребления мяса. Агротуризм, развивающийся в альпийской зоне, становится важной частью гастрономической культуры региона. Интересно, что в Северо-Восточной Италии макароны встречаются реже, чем в других частях страны, а мясные блюда занимают центральное место в рационе. В статье исследуется, как эти особенности питания связаны с историко-культурными и экономическими процессами региона, а также как они отражают его кулинарное наследие и уникальность.

Ключевые слова: Северо-Восток Италии, кулинарные традиции, гастрономия, региональная кухня, Венеция, Фриули-Венеция-Джулия, Трентино-Альто-Адижде, Венето, Эмилия-Романья, культура питания, кулинарное наследие, этнология пищи, уникальность кухни, итальянская гастрономия, культурное взаимовлияние, традиционные рецепты.

Ещенко Т.В.

Исследование и анализ методов педагогического дизайна

В данной статье раскрываются и анализируются современные инновационные методы педагогического дизайна, направленные на преобразование образовательного процесса. Исследованы новые подходы, которые вдохновляют на способствуют созданию более увлека-

тельной и эффективной учебной среды. Особое внимание уделяется интеграции технологий и креативных стратегий, которые позволяют адаптировать учебные материалы к разнообразным потребностям обучающихся. Через призму этих методов рассматривается, как педагогический дизайн может не только облегчить передачу знаний, но и пробудить интерес, оригинальность и активное участие студентов в процессе обучения. В заключение подчеркивается значимость постоянного внедрения инноваций в образовательные практики, что создает условия для гармоничного развития личности и формирует навыки, необходимые для успешной жизни в современном мире.

Ключевые слова: педагогический дизайн, технологии, инновационные методы, обучение, эффективность, анализ, исследование.

Ли Юйчжэнь

Связь жизненных ориентаций с индивидуальными особенностями познавательной сферы (на примере китайской выборки)

Жизненные ориентации как базовые ориентации жизнедеятельности отражают определенный угол зрения на образ мира. Существуют исследования, которые показывают, что структура базовых жизненных ориентаций у китайцев отличается от структуры, присущей, например, россиянам (Цинь и др., 2023). Факторная структура имеет специфику в китайской и российской выборках. В российской выборке, как правило, из четырех факторов три характеризуют творческую направленность личности, стремление преобразовывать внутренний и внешний мир и только один - локус контроля происходящего в жизни. При этом у китайцев более выражено стремление чувствовать себя «хозяевами судьбы», в отличие от «фатализма» россиян (Меркулов, 2022). На менталитет китайцев оказывают влияние религия, историческая память и устоявшиеся традиции (Романенко, Ященко, 2022). Китайцы в целом стремятся избегать однозначных решений и прибегают к полутонам в жизни и оценке ее явлений, предпочитая «золотую середину» (Меркулов, 2022). Вместе с тем, психологические исследования менталитета и поведенческого рисунка китайцев редки.

Ключевые слова: менталитет, поведенческий рисунок, базовые жизненные ориентации, познавательная сфера.

Чжан Юймэн

Актуальные вопросы применения политики «мягкой силы» в сфере кинематографа на примере России и Китая

Кино как форма культуры, распространяемая между различными странами, имеет огромное значение для понимания и постижения русской и китайской культуры. Российское и китайское кино привлекает внимание мировой аудитории своим уникальным художественным стилем и культурным подтекстом. В рамках изучаемой нами страны (России и Китая) кино как важный элемент зарубежной культуры имеет особое значение с точки зрения его влияния и распространения в обществах обеих стран. Успех и влияние российских и китайских фильмов на рынке отражает динамичное развитие культурных обменов между Россией и Китаем.

В настоящее время кино – культурный мост между Россией и Китаем. Россия и Китай придерживаются принципов совместных консультаций и обмена. Взаимопонимание между Россией и Китаем, распространение и обмен культурой и искусством, а также понимание гуманистических обычаев между Россией и Китаем выстраивает все более всеобъемлющую, многогранную и многоуровневую модель сотрудничества между Россией и Китаем.

Ключевые слова: мягкая сила, Россия, Китай, кинематограф, сотрудничество, киноиндустрия.

Ян Сюэфэй

Роль цифровой дипломатии в международных отношениях

Данная статья посвящена вопросам функционирования системы международных отношений в условиях цифровизации общества, что напрямую связано с возникновением

такого феномена, как цифровая дипломатия. Проанализировав сожжение понятия «цифровая дипломатия» и смежных с ним терминов и коснувшись истории становления цифровой дипломатии, автор статьи рассматривает задачи, основные направления и черты, которые присущи цифровой дипломатии; приводит примеры типичных средств ее реализации. Особое внимание в статье отводится возможностям социальных сетей в продвижении внешнеполитических курсов государств и решении проблем взаимоотношений государств на международной арене. В статье делается вывод, что цифровая дипломатия - это мощный инструмент регулирования международных отношений, в первую очередь, благодаря ее способности притягивать внимание общественности к международной политике и поддерживать определенный уровень взаимодействия как между государствами, так и между политической элитой и гражданами.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая дипломатия, Интернет, социальные сети, международные отношения.

Пайзулаева Б.А.

**Управление процессом формирования профессиональных компетенций
в практико-ориентированной образовательной среде**

В статье рассматривается проблема формирования профессиональных компетенций в условиях практико-ориентированной образовательной среды. Анализируются ключевые компоненты профессиональных компетенций, включая когнитивный, практический, личностный и социальный аспекты. Особое внимание уделено практико-ориентированной образовательной среде как системе, интегрирующей теоретическое обучение и практическую подготовку. Описаны основные этапы управления процессом формирования компетенций, включая планирование, организацию, реализацию и контроль.

Подробно рассматриваются методы формирования профессиональных компетенций, такие как проектное обучение, кейс-методы, стажировки, деловые игры, симуляции и менторство. Подчеркивается роль образовательных учреждений и работодателей в подготовке квалифицированных специалистов, их совместное участие в разработке и корректировке учебных программ, а также в организации практик и стажировок.

Отмечены вызовы, с которыми сталкивается практико-ориентированное образование, включая необходимость обновления образовательных программ, дефицит ресурсов и разрыв между теорией и практикой. Предложены перспективы, связанные с использованием цифровых технологий и развитием систем оценки качества подготовки специалистов. Сделан вывод о важности комплексного подхода для успешной подготовки специалистов, адаптированных к требованиям современного рынка труда.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, практико-ориентированное образование, интеграция теории и практики, методы обучения, кейс-метод, стажировки и практики, взаимодействие с работодателями, управление процессом обучения

Abstracts

Yao Siconghui
Budkeev S.M.

Ornamental decor of facades and artistic painting of palace ensembles of the Min and Qing periods

In this scientific work, the author briefly analyzes the features of the ornamental decoration of facades and artistic painting of palace ensembles of the Ming and Qing eras. The article considers several specific examples of famous historical and cultural monuments of China that have preserved their originality and uniqueness. Then the author analyzes the ornamental and decorative part, highlights their characteristic features. In conclusion of the article, the author notes that this topic continues to be relevant for modern researchers - historians, cultural scientists, art historians. The object of this scientific study is the features of the ornamental decoration of facades and artistic painting of palace ensembles of the Ming and Qing eras. The purpose of this scientific study is a comprehensive, consistent analysis of the features of the ornamental decoration of facades and artistic painting of palace ensembles of the Ming and Qing eras. The methods of this scientific research: comparative analysis, dialectical, statistical, mathematical, generalization, specification, systematization, deduction, and other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of this scientific research lies in the preparation of a comprehensive study, the formation of the author's conclusions regarding the features of the ornamental decoration of facades and artistic painting of palace ensembles of the Ming and Qing eras. This scientific article will be useful to theorists, practitioners, students and faculty of economic and other areas of training, as well as a wide range of readers interested in the problems and prospects for the development of ornamental decoration of facades and artistic painting of palace ensembles of the Ming and Qing eras, Chinese culture in general.

Key words: ornamental decor, ornament, artistic painting, art of China, Ming Dynasty, Qing Dynasty, decorative art, history of China.

Napso M.D.
Agirbov T.A.

Fashion as a socio-cultural trend of our time

The article studies fashion as the most important social and cultural phenomenon, which has a profound impact on the whole area of social relations. The essence of fashion, its contradictory characteristics, being of an individual and society are considered. Fashion is analysed from different points of view: as a mechanism of adaptation and socialisation, as a tool of identification and self-identification, as a form of demonstration of social status and success, as a way of social regulation. The significance of fashion as a social translator, as a factor that erases social differences is shown. The variability and demand for fashion in the consumer society are studied. Risks of dependence on fashion requirements that lead to the emergence of various forms of social exclusion are revealed.

Key words: consumer society, fashion, imitation, fashion trend, social differences, identification, symbol.

Nowikowa-Borodina S.V.

A musical work as a personification of an image embodying an aesthetic ideal in the contexts of creativity, integrity, text (Using the example of modern philharmonic concert programs for children)

The article analyzes the concept of "musical work" in the context of modern concert practice.

At the same time, the importance of distinguishing between a work of art and a synthesized project is emphasized.

The author, being a certified composer with significant experience of cooperation with state philharmonic societies of Russia, substantiates the need to create highly artistic original works for children's audiences, which should become an integral part of modern concert life.

The problem of emasculating the content of philharmonic concerts by synthesized projects that prevail in philharmonic programs, restraining the development of professional composer's creativity, is considered. In this regard, the author substantiates the need to create specialized legislation regulating relations in this area.

The article is addressed to a wide range of readers interested in the problems of modern musical art, pedagogy and psychology of art, cultural figures: compilers, presenters and conductors of philharmonic concert programs, heads of philharmonic societies, etc.

Key words: philharmonic society, psychology and pedagogy of art, primary school students, music, concert, creativity, fairy tale with orchestra, inviolability of the work.

Sayipunaizaier Duolaiti

**Study on the Uyghur translation of Chinese medicine terms
in dream of red mansions: - cultural connotation
and precision strategy as a perspective**

This paper discusses in depth the Uyghur translation of Chinese medicine terms in Dream of Red Mansions, and analyzes its performance in the transmission of cultural connotations and the use of translation strategies by dissecting specific cases. It is found that Dream of Red Mansions contains rich knowledge of Chinese medicine, and its Uyghur translation has made some contribution to the dissemination of Chinese medicine culture, but there are also many problems. The purpose of this paper is to propose precise translation strategies to promote the effective dissemination of Chinese medicine culture and enhance the level of Chinese medicine translation research.

Key words: classical Chinese literature, Chinese-Uyghur translation of the novel "Dream of the Red Chamber", terminology of Chinese medicine, "Dream of the Red Chamber", translation strategies.

Tkachuk I.B.

**Culture of overcoming as a specificity of adaptive personality behavior:
sociocultural factors of influence**

The article presents the phenomenon of the culture of overcoming as a result of the author's study of personal growth strategies. We consider this phenomenon in connection with the processes of socialization and enculturation, presenting the culture of overcoming at several levels: in the material and spiritual sphere, traditions and innovations, language and literature, creativity. The specificity of this phenomenon lies in a peculiar cultural tendency reflecting the originality of the current period of cultural history: the optimality of the choice of a strategy aimed at the ability of an individual to: assimilate existing cultural values, integrate into the system of norms, maintain individuality and uniqueness. The culture of overcoming is a reflection of the personality in interaction with social factors and cultural processes occurring in a certain period of history. The reflection demonstrating the individual value system of the personality is revealed: in affects, patterns and will - components of the personal growth strategy. The author considers the choice of an individual value system not only as a biological intuitive ability of a person to foresee danger and avoid it, but also as a socio-cultural specificity of a person's choice, which implies the result of his actions - productive achievement of the set goal - through strategies of conflict, balancing or sublimation. The prevalence

of a certain type of personal growth strategy in a certain period of history creates a picture of the culture of overcoming a people and a country, recording the change in the personal qualities of individuals changing the world as a whole. The author refers to facts from the history of culture and art, demonstrating examples of the culture of overcoming.

Key words: culture of overcoming, personal growth strategies, socialization, enculturation, material and spiritual culture, traditions and innovations, values and norms, language and literature, social culture.

Gritsenko R.A.

From Pushkin to digital festivals: the history of the transformation of Russian cultural influence in South Korea

The article explores the evolution of cultural dialogue between Russia and South Korea from the late 19th century to the present day. Analyzing key stages — from the penetration of Russian classical literature, which became an instrument of national identity during the colonial era, to contemporary theatrical experiments and digital festivals — the work reveals how traditions and innovations form a unique synthesis of cultures. Particular attention is paid to the paradoxes of mutual influence: the elitism of Russian theater in Korea coexists with the popular adaptation of Pushkin's aphorisms, and Soviet animation inspires digital projects. The article proves that cultural exchange between countries is not just borrowing, but a creative rethinking, where each era adds new facets to the dialogue reflected in literature, art, and even culinary experiments.

Key words: cultural influence of Russia, Russian literature in Korea, intercultural synthesis, theatrical dialogue, contemporary festivals.

Dokuchaeva M.N.

The communicative nature of jazz

The presented research is devoted to the consideration of the influence of jazz improvisation from the point of view of the transformation of jazz into a unique and universal form of communication between musicians, influencing the forms of relations between people around the world. This phenomenon is explained by the fact that the ability to convey musical thought to each other and develop it leads to the fact that people, having learned to hear each other in musical co-creation, begin to "hear" the world around them and the intonation codes of human communication, regardless of which part of the world they live in. The purpose of the work is to analyze the dialectic of the communicative nature of instrumental and vocal jazz in their historically formed directions and evolution from the origins to the present. The methodological basis of this work is made up of domestic and foreign studies that reveal the history and evolution of jazz, its style and musical language, the study of jazz improvisation, the phenomenon of which allowed us to reveal the historically emerging dialectic of the communicative nature of jazz.

Key words: communication, jazz, jam-session, improvisation, vocals, blues, instrumental music.

Kireev M.N.

Enina S.A.

Anikeev D.V.

Features of formation of personal identity in leisure activities

Personal identity is a complex and multifaceted concept that describes a sense of one's own "I", the totality of a person's ideas about himself, his qualities, characteristics and place in the world. This is not a static quantity, but a dynamic process, constantly forming and changing throughout life.

Leisure activities have a significant impact on the formation and development of personal iden-

tity, acting as a kind of «laboratory of self-knowledge».

It is important to consciously choose leisure activities that promote personal growth and the development of a harmonious personality. In addition, the availability and variety of leisure opportunities also play a significant role in the formation of identity. Limited access to leisure resources can negatively impact personal development.

Key words: identity, leisure, cultural and leisure activities, self-knowledge.

Miroshnichenko E.V.

Kalashnikova N.N.

Syrovatsky E.Y.

Development of creative activity of youth through volunteer activities

The article aims to consider the specifics of volunteerism, the main motives of volunteering. Some principles of the relationship between organizations and volunteers are revealed. The article partially highlights volunteer activities in the field of culture, the impact of volunteerism on the civic and patriotic education of young people.

Key words: volunteerism, culture, social activities, movements, associations, volunteerism, public organizations.

Shindel S.V.

Semenova T.V.

Zrazhevskaya E.O.

Language as “house of being” and “philosophy”

of soil: German thinkers on the reception of ethnic linguoculture

The article deals with the relationship between the existential categories of “language” and “soil”, which worried the outstanding speakers of German language and culture of the XIX-XX centuries - writers G. Böll and E. Jünger, philosophers M. Heidegger and O. Spengler. The views of the thinkers are in correlation and can be interpreted as a trinity of soil-blood-language (Boden-Blut-Sprache). The humanist Heinrich Böll figuratively and extremely accurately defines the essence of the mother tongue as “a certificate that no one has to sign or renew”. His compatriot Ernst Jünger - writer, philosopher - meticulously describes in his diary “Radiations” the experiments of soil cultivation, thus subconsciously actualizing the dichotomy of language and soil. Language according to Martin Heidegger is the “house of being,” a house that emerged from the soil of dialects. “Präphänomenon” or prototype of all things, an immutable basis (soil) for culture - this is the nature of language, according to Oswald Spengler. In our opinion, the philosophical inferences of thinkers testify to the materialistic and categorical nature of ethnic linguoculture, the features of which are found in the grammatical structure, phonetics, morphology of the German language. The interdisciplinary approach in the context of linguoculturology makes it possible to reveal this relationship, and it seems appropriate both from the point of view of understanding and methodology of teaching German, which, in turn, indicates the practical significance of the presented article.

Key words: German language, ethnic linguoculture, G. Böll, E. Jünger, M. Heidegger, O. Spengler.

Yuan Zhenjun

The influence of European traditions on the development of academic singing in China

This article examines the influence of European vocal traditions on the system of academic singing in China. In particular, it is indicated that the greatest influence on the system of academic singing in China was exerted by European bel canto singing - thanks to its use, it was possible to improve the system of Chinese academic singing - to work with the diaphragm, to work out the resonant cavities for singing.

Key words: academic singing in China, bel canto, bel canto singing, Western singing method, traditional singing of China.

Ferzba G.O.

**Synergy of academic and pop vocal art
on the example of the development of Classical crossover**

The article is devoted to the synthesis of academic and pop art in the context of the formation and popularization of the Classical crossover genre, both in modern domestic performance and in world musical culture.

The Classical crossover genre is a unique synergy of academic and pop music, which has attracted the attention of both professionals and the general public over the past decades. Classical crossover combines elements of classical music with popular genres, which allows for the creation of innovative musical works and the expansion of the boundaries of traditional musical art.

Growing interest in the genre and consideration of its influence on contemporary culture, through the emergence of new vocal competitions, shows and television projects, and the emergence of new artists popularizing Classical crossover, are still relevant today.

Key words: synergy, contemporary musical art, Classical crossover, musical.

Peng Liming

**Reflection of the relationship between the concepts of everyday life
and in the paintings of Chinese artists**

The article considers the possibility of studying the culture of everyday life through the analysis of works of art created by contemporary Chinese painters. Considering that the reproduced scenes of the genre of everyday life, created street sketches, capture certain moods, details of everyday life, work and other details of human existence, the authors analyze the cultural values of the country that determine each specific work of Chinese artists. Cultural identity, obvious in accordance with the set of symbolic meanings revealed in paintings, as well as everyday life, presented in a multi-layered manner, are recognized as interconnected precisely because the work of art that conveys them is not only a way of self-expression, but a summation of the values of traditional culture, a representation of the national image of the world. The authors emphasize the need to study everyday life and cultural identity, paying attention to the paintings of Chinese artists, which allow opening new horizons of research in this area.

Key words: China, marker, everyday life, cultural identity, modernity, painting.

Gu Jiayuan

Metlyaeva T.V.

The image of Russia in the works of Chinese artists. Dialogue of cultures

The article examines the transformation of the image of Russia in the works of Chinese artists in different time periods, analyzes the historical aspect of artistic exchange between China and Russia the influence of artistic styles and techniques on the development of artistic creativity of Chinese artists. It traces how, as cultural exchange deepened, the artistic style of Chinese artists was formed and how the image of Russia changed in geographical landscapes, urban space and the image of a person depicted in the works of Chinese artists from the mid-20th century to the present. During the Soviet period, Chinese art was influenced by the realistic style, which later affected Chinese painting as a whole. Currently, cultural exchange between China and Russia has become more diverse, which contributes to the development and mutual enrichment of various creative directions, including the fine arts of both countries.

In this study, using the example of individual works of Chinese painters, the image of Russia is

presented through the image of natural landscapes and urban space of those cities where artists from China studied or traveled, as well as through images of Russian characters with pronounced individual traits. These works not only demonstrate the deep understanding and perception of Russian culture by Chinese artists, but also reflect their subtle perception of the image of another country.

The object of the study is the image of Russia: the subject is the dynamics of the image of Russia in the works of Chinese artists from the mid-20th century. and to the present time. The purpose of this article is to explore the dynamics of the image of Russia in Chinese painting from the mid-20th to the present and to trace the influence of artistic styles and techniques of the Russian art school on the work of Chinese artists. The work used a structural-functional approach, methods of analysis and synthesis: based on the analysis of domestic and foreign scientific research sites, basic information was collected on the topic - the dynamics of the image of Russia in Chinese painting from the mid-20th to the present. Dialogue of cultures.

Key words: fine arts, artistic creativity, urban landscape, image of Russia, cultural exchange, artistic style and genre, intercultural dialogue.

Napso M.D.

Agirbov T.A.

Fashion as a socio-cultural trend of our time

The article studies fashion as the most important social and cultural phenomenon, which has a profound impact on the whole area of social relations. The essence of fashion, its contradictory characteristics, being of an individual and society are considered. Fashion is analysed from different points of view: as a mechanism of adaptation and socialisation, as a tool of identification and self-identification, as a form of demonstration of social status and success, as a way of social regulation. The significance of fashion as a social translator, as a factor that erases social differences is shown. The variability and demand for fashion in the consumer society are studied. Risks of dependence on fashion requirements that lead to the emergence of various forms of social exclusion are revealed.

Key words: consumer society, fashion, imitation, fashion trend, social differences, identification, symbol.

Novikov D.V.

Ulturgasheva N.D.

Ethnic information and ethnocultural stereotypes in the regional press of Kuzbass (the period of "revival" of autochthonous ethnic groups, 1990 - 2004)

In the Kuzbass press of the post-Soviet period, a direction has developed that covers the unfolding ethnocultural initiatives of the multinational population of the region. In the article, based on the content analysis carried out by the author, an attempt is made to characterize the stereotypes broadcast by the regional press through ethnic information. The rather active position of representatives of indigenous ethnic groups (Shors and Teleuts living in the Kemerovo region) in the creative understanding and development of their cultural heritage also determined the interested attention to them from journalists. The variety of forms of ethnocultural self-presentation of peoples, their access to the level of socially significant events, as well as constant information support from the media make it relevant to study the image of this phenomenon, transmitted to the mass consciousness by the regional press. At the stage of organizational formation of the «ethnocultural revival movement» in Kuzbass (which fits well into the stated chronological framework), the specifics of its reflection in the regional periodical press also developed. The latter can be seen quite clearly in the materials of mass publications on a regional scale (such as the newspapers «Kuzbass», «Kuznetsky Krai»). Almost all of the analyzed stories are aimed at forming in the readership a constructive image of both

interethnic relations in the region and the activities of regional and district authorities in the «ethnic» sphere. This is manifested in the topics covered (for example, mass ethnocultural events, social security of remote villages with an autochthonous Shor population, participation of civil society institutions in the life of the region), as well as in the clearly visible «solidarity» (or neutral) position of the authors of newspaper materials themselves.

Key words: regional press, ethnocultural revival, national policy, image, multinational Kuzbass, intercultural dialogue, heritage, mass consciousness.

Wang Ning

International relations and world politics in the conditions of digitalization of society

This article analyzes the impact of digital technologies on the system of international relations and international politics. Having considered the content of the term “digital politics”, the author of the article touches upon the problem of the relationship between the phenomenon of digitalization, which has penetrated all spheres of human life, and international politics, which in the modern era has undergone significant transformations associated with the use of digital technologies in foreign policy. The article pays special attention to such a cluster of international digital policy as digital diplomacy, which allows expanding communication processes through networking, creating a new model of international relations. The author of the article also dwells on the use of data diplomacy in international politics, the principle of which is explained on the example of collecting information on political conflicts. Based on the material presented in the article, it is concluded that digital international politics is a new level of interaction both between states and between states and citizens.

Key words: digitalization, digital politics, digital diplomacy, big data, international relations.

Kalmykova M. V.

The culinary identity of Northeastern Italy: from traditions to distinctive features

Northeastern Italy, including Trentino-Alto Adige, Veneto, Emilia-Romagna, and Friuli Venezia Giulia, is a unique region with a distinct culinary identity. Compared to Southern and Central Italy, the climate in these areas is more temperate, which influences the types of food consumed. While the Mediterranean diet, based on olive oil, wheat, and wine, remains dominant, in the North, it is complemented by meat dishes, and rice and corn are frequently used. In Trentino-Alto Adige, for example, livestock farming prevails, leading to high meat consumption. Agritourism, developing in the Alpine zone, is becoming an important part of the region's gastronomic culture. Interestingly, pasta is less common in Northeastern Italy than in other parts of the country, with meat dishes taking a central role in the diet. This article explores how these dietary characteristics are linked to the historical, cultural, and economic processes of the region and how they reflect its culinary heritage and uniqueness.

Key words: Northeastern Italy, culinary traditions, gastronomy, regional cuisine, Friuli Venezia Giulia, Trentino-Alto Adige, Veneto, Emilia-Romagna, food culture, culinary heritage, ethnology of food, culinary uniqueness, Italian gastronomy, cultural interinfluence, traditional recipes.

Eshchenko T. V.

Research and analysis of pedagogical design methods

This article reveals and analyzes modern innovative methods of pedagogical design aimed at transforming the educational process. New approaches are explored that inspire the creation of more engaging and effective learning environments. Emphasis is placed on the integration of technology and creative strategies that enable instructional materials to be customized to meet the diverse needs of learners. Through the lens of these methods, how pedagogical design can not only facilitate the transfer of knowledge, but also evoke student interest, originality, and active participation in the

learning process is examined. In conclusion, the importance of continuous innovation in educational practices is emphasized, which creates conditions for harmonious personal development and builds the skills necessary for successful life in the modern world.

Key words: pedagogical design, technology, innovative methods, learning, efficiency, analysis, research.

Li Yuzhen

**The relationship of life orientations with individual characteristics
of the cognitive sphere (using the example of a Chinese sample)**

Life orientations as the basic orientations of life reflect a certain angle of view on the image of the world. There are studies that show that the structure of basic life orientations among Chinese differs from that of Russians, for example (Qin et al., 2023). The factor structure has specifics in the Chinese and Russian samples. In the Russian selection, as a rule, of the four factors, three characterize the creative orientation of a personality, the desire to transform the inner and outer world, and only one is the locus of control over what is happening in life. At the same time, the Chinese have a more pronounced desire to feel like “masters of fate”, in contrast to the “fatalism” of Russians (Merkulov, 2022). The Chinese mentality is influenced by religion, historical memory, and established traditions (Romanenko and Yashchenko, 2022). The Chinese generally tend to avoid unambiguous decisions and resort to semitones in life and the assessment of its phenomena, preferring the “golden mean” (Merkulov, 2022). At the same time, psychological studies of the mentality and behavioral pattern of the Chinese are rare.

Key words: mentality, behavioral pattern, basic life orientations, cognitive sphere.

Zhang Yumeng

**Current issues of applying the policy of “soft power”
in the field of cinematography using the example of Russia and China**

Cinema as a form of culture distributed between different countries is of great importance for understanding and comprehending Russian and Chinese culture. Russian and Chinese cinema attracts the attention of the world audience with its unique artistic style and cultural overtones. Within the framework of the country we are studying (Russia and China), cinema as an important element of foreign culture is of particular importance in terms of its influence and dissemination in the societies of both countries. The success and influence of Russian and Chinese films on the market reflects the dynamic development of cultural exchanges between Russia and China.

Currently, cinema is a cultural bridge between Russia and China. Russia and China adhere to the principles of joint consultations and exchange. Mutual understanding between Russia and China, the dissemination and exchange of culture and art, as well as an understanding of humanistic customs between Russia and China are building an increasingly comprehensive, multifaceted and multilevel model of cooperation between Russia and China.

Key words: soft power, Russia, China, cinematography, cooperation, film industry.

Yang Xiaofei

The role of digital diplomacy in international relations

This article is devoted to the issues of functioning of the system of international relations in the conditions of digitalization of society, which is directly related to the emergence of such a phenomenon as digital diplomacy. Having analyzed the notion of “digital diplomacy” and related terms and touched upon the history of digital diplomacy formation, the author of the article considers the tasks, main directions and features that are inherent in digital diplomacy; gives examples of typical means of its implementation. The article pays special attention to the possi-

bilities of social networks in promoting the foreign policy of states and solving the problems of relations between states in the international arena. The article concludes that digital diplomacy is a powerful tool for regulating international relations, primarily due to its ability to attract public attention to international politics and maintain a certain level of interaction both between states and between the political elite and citizens.

Key words: digitalization, digital diplomacy, Internet, social media, international relations.

Payzulayeva B.A.

**Managing the process of professional competence formation
in a practice-oriented educational environment**

The article examines the problem of professional competence formation in a practice-oriented educational environment. The key components of professional competencies, including cognitive, practical, personal and social aspects, are analyzed. Special attention is paid to the practice-oriented educational environment as a system integrating theoretical education and practical training. The main stages of managing the competence formation process, including planning, organization, implementation and control, are described.

Methods of professional competence formation, such as project training, case studies, internships, business games, simulations, and mentoring, are discussed in detail. The role of educational institutions and employers in the training of qualified specialists, their joint participation in the development and adjustment of curricula, as well as in the organization of internships and internships is emphasized.

The challenges that practice-based education faces are highlighted, including the need to update educational programs, resource scarcity, and the gap between theory and practice. Prospects related to the use of digital technologies and the development of systems for assessing the quality of specialist training are proposed. The conclusion is made about the importance of an integrated approach for the successful training of specialists adapted to the requirements of the modern labor market.

Key words: professional competencies, practice-oriented education, integration of theory and practice, teaching methods, case method, internships and practices, interaction with employers, learning process management.

Авторы

Агирбов Т.А. - студент, Северо-Кавказская государственная академия.

Аникеев Д.В. - аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Будкеев С.М. - профессор кафедры искусств. Алтайский государственный университет.

Ван Нин - магистр 2 курс. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Гриценко Р.А. - аспирант департамента культуры и дизайна. Дальневосточный федеральный университет.

Гу Цзяюань - аспирант. Институт креативных индустрий, Владивостокского Государственного Университета (ВВГУ).

Докучаева М.Н. - кандидат педагогических наук, доцент. Самарского государственного института культуры.

Енина С.А. - старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Ещенко Т.В. - старший преподаватель кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал) ЮРГПУ(НПИ) имени М.И. Платова (Южно-Российский государственный политехнический университет).

Зражевская Е.О. - старший преподаватель кафедры «Экономика и гуманитарные науки», Энгельсский технологический институт (филиал) Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (СГТУ).

Калмыкова М.В. - кандидат исторических наук, преподаватель филологического факультета. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Калашиникова Н.Н. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Киреев М.Н. - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Ли Юйчжэнь - магистр 2 курс. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Метляева Т.В. - кандидат культурологии, доцент. Институт креативных индустрий, Владивостокского Государственного Университета (ВВГУ).

Мирошниченко Е.В. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Нансо М.Д. - доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Новикова-Бородина С.В. - композитор, член Союза Композиторов Москвы.

Новиков Д.В. - кандидат исторических наук, ведущий специалист Координационного центра противодействия идеологии экстремизма, Кемеровский государственный университет.

Пайзулаева Б.А. - заместитель директора по учебно-воспитательной работе, Дагестанский гуманитарный институт (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений».

Пэн Лимин - аспирант. ФГБОУ ВО «ВВГУ» (Владивостокского государственного университета), г. Владивосток.

Саипунайцайэр Долайти - докторант. Кафедра китайского языка и литературы, Северо-Западный университет Минзу, г. Ланьчжоу, провинция Ганьсу, Китай.

Семёнова Т.В. - старший преподаватель кафедры «Экономика и гуманитарные науки», Энгельсский технологический институт (филиал) Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (СГТУ).

Сыровацкий Е.Ю. - аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения. Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Ткачук И.Б. - аспирант кафедры философии и культурологии. Челябинский государственный институт культуры.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный институт культуры.

Ферзба Г.О. - аспирант. Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт современного искусства», Москва.

Чжан Юймэн - магистр 2 курс, Направление журналистики. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Шиндель С.В. - доктор культурологии, доцент кафедры «Экономика и гуманитарные науки», Энгельсский технологический институт (филиал) Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (СГТУ).

Юань Чжэньцзюнь - студент, Российская академия музыки имени Гнесиных, Москва.

Ян Сяофэй - магистр 2 курс. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Яо Сыцунхуэй - аспирант. Алтайский государственный университет.

Authors

Agirbov T.A., Student, North-Caucasus state academy.

Anikeev D.V., Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Studies. Belgorod State University of Arts and Culture.

Budkeev S.M., Professor of the Department of Arts of the Altai State University Barnaul.

Dokuchaeva M.N., Candidate of Pedagogic Sciences, docent. Samara State University of Culture.

Enina S.A., Senior Lecturer of the Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State University of Arts and Culture.

Eshchenko T.V., Senior Lecturer at the Department of Natural Sciences, Information Technology and Management, Kamensk Institute of Technology (branch) of the M.I. Platov.

Ferzba G.O., Autonomous non-profit organization of higher education «Institute of Contemporary Art», Moscow.

Gritsenko R.A., Graduate student, Department of Culture and Design, Far Eastern Federal University.

Gu Jiayuan, Graduate student of the Institute of Creative Industries, Vladivostok State University.

Kalashnikova N.N., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State Institute of Arts and Culture.

Kalmykova M.V., PhD in Historical Sciences, Lecturer at the Philological Faculty of Shenzhen MSU-BIT University.

Kireev M.N., Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Studies. Belgorod State University of Arts and Culture.

Li Yuzhen, Master's degree 2nd year. Lomonosov Moscow State University.

Metlyaeva T.V., Candidate of cultural studies, Associate Professor. Institute of Creative Industries, Vladivostok State University.

Miroshnichenko E.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State Institute of Arts and Culture.

Napso M.D., Doctor of sociological sciences, professor of department of humanities sciences, North-Caucasus state academy.

Novikov D.V., Candidate of Sciences in History, Leading specialist of the Coordination Center for Countering the Ideology of Extremism, Kemerovo State University.

Nowikowa-Borodina S.V., Composer, member of the Union of Composers of Moscow.

Payzulayeva B.A., Deputy Director for Educational Work, Dagestan Hu-

manitarian Institute (branch) Educational institution of trade unions of higher education "Academy of Labor and Social Relations".

Peng Liming, 1st year postgraduate student in the Vladivostok State University, Vladivostok.

Sayipunaizaier Duolaiti, Department of Chinese Language and Literature, Northwest Minzu University, Lanzhou, Gansu, China.

Semenova T.V., Senior Lecturer, Department of Economics and Humanities, Engels Technological Institute (branch) Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin.

Shindel S.V., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor of «Economics and Humanitarian Sciences», Engels Technological Institute (branch) Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin.

Syrovatsky E.Y., Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Studies. Belgorod State Institute of Arts and Culture.

Tkachuk I.B., Post-graduate Student of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts.

Ulturgasheva N.D., DSc in Cultural Studies, professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Wang Ning, Master's degree 2nd year. Lomonosov Moscow State University.

Yang Xiaofei, Master's degree 2nd year. Lomonosov Moscow State University.

Yao Siconghui, Graduate Student of the Altai State University Barnaul.

Yuan Zhenjun, Student, Gnessin Russian Academy of Music.

Zhang Yumeng, Master's degree 2nd year. Lomonosov Moscow State University.

Zrazhevskaya E.O., Senior Lecturer, Department of Economics and Humanities, Engels Technological Institute (branch) Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin.